человек загадка

Сергей
НЕЧАЕВ

САМЫЙ
ЗАГАДОЧНЫЙ
ИМПЕРАТОР
РОССИИ

АЛЕКСАНДР I

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Об Александре I написаны десятки книг и тысячи статей. Люди разных поколений, занимавшиеся историей, каждый раз открывали в императоре новые грани, подчеркивали и его масштаб как правителя, и противоречивость поступков. Прошло почти два века со дня загадочной смерти императора Александра I. Но тайна его смерти так и остается нераскрытой. Умер ли император Александр, продолжил ли жизнь иод другим именем тихо и мирно, как неоднократно об этом мечтал? Но еще долго тысячи россиян были убеждены, что царь не умер, а отправился странствовать в обличье святого старца, творя чудеса.

-
- 1. АВГУСТЕЙШИЙ БАЛОВЕНЬ
- 2. ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ
- 3. РЕФОРМЫ
- 4. АЛЕКСАНДР ПРОТИВ НАПОЛЕОНА
- 5. ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР
- 6. КРИЗИС СОЮЗА С НАПОЛЕОНОМ
- 7. БОЛЬШАЯ ВОЙНА 1812–1814 ГГ
- 8. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС И НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОРЯДОК
- 9. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА
- 10. БАРОНЕССА ТОН КРЮДЕНЕР
- 11. "ЗАКРУЧИВАНИЕ ГАЕК
- 12. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР И МАСОНЫ
- 13…ПРОСТЫЛ И УМЕР В ТАГАНРОГЕ
- 14. ТАК КТО ЖЕ НАСЛЕДНИК?
- 15. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?
- 16. ЛЕГЕНДА О ВЕРЕ МОЛЧАЛЬНИЦЕ
- ЗАКЛЮЧЕНИЕ
- ИНТЕРЕСНЫЕ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I
- ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8

○ 9
○ 10
○ 11
○ 12
○ 13
○ 14
○ 15

Александр — это моральная жертва русской истории XVIII века.

С.Э. ЦВЕТКОВ

Не только жизнь, но и смерть Александра I — загадка для будущих поколений.

АНРИ ТРУАЙЯ

1. АВГУСТЕЙШИЙ БАЛОВЕНЬ

Дети бывают плохими или хорошими, но внуки всегда изумительны.

ЛЮДОВИК ХИРШФЕЛЬД

РОДИТЕЛИ И ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ПОЯВЛЕНИЯ НА СВЕТ

Будущий император Александр I родился 12 (23) декабря 1777 года в Санкт-Петербурге.

«Санкт-Петербургские ведомости» тогда написали:

«О сем великом благополучном происшествии возвещено жителям столицы 201 пушечным выстрелом с крепостей Петропавловской и Адмиралтейской, а в придворной большой церкви отправлено с коленопреклонением благодарственное молебствие».

Бабушка, ставшая после отречения мужа императрицей Екатериной II, нарекла внука Александром в честь Александра Невского — покровителя Санкт-Петербурга, а его крещение по ее распоряжению превратилось в торжество поистине международной значимости.

Следует отметить, что то была блестящая эпоха правления Екатерины Великой, когда она, заключив славный мир с Османской империей, готовилась довершить победы своих военачальников присоединением Крыма. Вся Европа тогда с завистью смотрела на успехи мудрой царицы, а знаменитые монархи Австрии и Пруссии искали ее союза и дружбы. Но при этом Александр был не ее ребенком, а сыном императора Павла I, который, в свою очередь, являлся сыном Петра III и Екатерины Алексеевны, урожденной Софии-Фредерики-Августы Ангальт-Цербстской (будущей Екатерины II). А вот матерью Александра была вторая жена Павла I — Мария Федоровна, урожденная принцесса София-Доротея Вюртембергская.

Мальчик родился крупный, здоровый и очень спокойный. С самого детства он подавал блистательные надежды, унаследовав от своей знаменитой бабушки проницательный ум, возвышенность чувств и невозмутимость духа, а от матери — красоту, величественную поступь, доброту и склонность к благотворительности.

Всего же Павел Петрович и Мария Федоровна имели десять

детей, и Александр был старшим из них. Помимо него у них были три мальчика и шесть девочек: Константин, Александра, Елена, Мария, Екатерина, Ольга, Анна, Николай[1] и Михаил.

ДЕТСТВО, ОБРАЗОВАНИЕ, ВОСПИТАНИЕ

Александр был любимым внуком Екатерины, и она, как утверждает его внучатый племянник (внук императора Николая I) великий князь Николай Михайлович, служила ему «живым примером, как нужно царствовать». Плюс она лично руководила его воспитанием, видя в мальчике не только будущего главу государства, но и продолжателя дела, начатого Петром Великим. Императрица растила своих старших внуков, Александра и Константина, руководствуясь главными идеями философов Джона Локка и Жан-Жака Руссо, но беря у них только то, что лично она считала полезным в практическом отношении. При этом с мнением родителей мальчиков она особо никогда не считалась.

В одном из писем, датированном 29 мая 1779 года, Екатерина так написала барону Фридриху-Мельхиору Гримму, своему многолетнему немецкому корреспонденту:

«Я все могу из него делать…»

А вот фрагмент другого письма, от 5 июля того же года:

«Мне говорят, что я вырабатываю из него забавного мальчугана, который готов делать все, что я захочу <…>. Все кричат, что бабушка делает чудеса…»

Екатерина была уверена, что ее собственный сын Павел неспособен управлять огромной страной, и планировала возвести на престол Александра, минуя его отца, нрав которого виделся ей слишком тяжелым.

Будучи женщиной властной и волевой, Екатерина была вместе с тем сентиментальной и нежной бабушкой, находившей огромное удовольствие и в стирке замаранной одежды юного Александра, и в потакании его шалостям и капризам. Она сама писала для него учебники и наставления: например, «Записки касательно российской истории».

В этом своем учебнике для Александра Екатерина Великая писала:

«История есть слово греческое; оно значит деи или деяния.

История есть описание дей или деяний; она учит добро творить и от дурного остерегаться <…>.

Всякому народу знание своей собственной истории и географии нужнее, нежели посторонних; однако же без знания иностранных народов истории, наипаче же соседственных дей и деяний, своя не будет ясна и достаточна.

В истории не токмо нравы, поступки и дела описуются, но еще мудрым, правосудным, милостивым, храбрым, постоянным, твердым и верным честь и слава, а несмысленным, несправедливым, грубым, робким, легкомысленным и неверным бесчестие и поношение в людях воспоследует».

Попечителем Александра, когда ему исполнилось пять лет, был назначен умный, но весьма капризный генерал-аншеф Николай Иванович Салтыков, а также суровый и несколько прямолинейный Александр Яковлевич Протасов, которого сделали придворным кавалером-воспитателем и также произвели в генералы.

Как написано в одной из биографий Александра, основной задачей Протасова «было помочь в предохранении от засорения желудка и сквозного ветра». А вот Закон Божий будущему императору преподавал протоиерей Андрей Сомборский. За географию и естествознание отвечал пруссак Петер Паллас, за физику — Логин Крафт, за русскую историю и словесность — Михаил Никитич Муравьев, отец будущего декабриста Н.М. Муравьева, а также дядя поэта К.Н. Батюшкова.

Но самое большое влияние на формирование характера Александра оказал его учитель швейцарец Фредерик-Сезар Лагарп, который занимался с ним в 1783–1794 гг.

Историк С.П. Мельгунов, говоря о воспитании Александра, отмечает:

«Это „заботливое“ воспитание <…> чрезвычайно мало содействовало выработке сознательного и вдумчивого отношения к гражданским обязанностям правителя: Александра, по меткому выражению Ключевского, как „сухую губку, пропитывало дистиллированной и общечеловеческой моралью“, то есть ходячими принципами, не имеющими решительно никакого отношения к реальным потребностям жизни. В лице своей бабки он видел, как модные либеральные идеи прекрасно уживаются с реакционной практикой, как, не отставая от века, можно твердо держаться за старые традиции. От своего воспитателя, республиканца Лагарпа, он, в сущности, воспринимал то же умение сочетать несовместимое — либерализм со старым общественным укладом. Лагарпа по справедливости можно

назвать „ходячей и очень говорливой французской книжкой“, проповедовавшей отвлеченные принципы и в то же время старательно избегавшей касаться реальных язв, разъедавших государственный и общественный организм России. Республиканский наставник в практических вопросах был, в сущности, консерватором, отговаривавшим позже Александра от коренных реформаторских поползновений».

Безусловно, Екатерина II и не думала делать из внука республиканца, но ей хотелось, чтобы он вырос благородным и сильным человеком. Об обучении Лагарпа, активно поддержавшего Великую французскую революцию, она говорила:

— Высокие принципы, которые вы ему внушаете, воспитывают в нем сильную душу. Я бесконечно довольна вашими стараниями.

А вот военный человек генерал Н.И. Салтыков знакомил Александра с традициями русской аристократии, полностью отвергая «республиканскую ересь» Лагарпа. Что же касается отца Александра, то он передал сыну свое пристрастие к военным парадам. Некоторое время, кстати, юный Александр по его указанию проходил военную службу в Гатчинских войсках, сформированных Павлом I, и там он «от сильного гула пушек лишился слуха в левом ухе».

Великий князь Александр Павлович в детстве. Художник Ф.С. Рокотов

Будучи еще ребенком, Александр отличался веселым нравом и редким артистическим даром. Екатерина II с гордостью писала, когда ему исполнилось четырнадцать лет:

«Нынешней зимой господин Александр овладел сердцами всех».

Но самую завидную способность Александр проявлял к языкам. Например, по-английски он начал говорить раньше, чем по-русски, а всего он владел четырьмя языками, и основным у него был модный тогда в России французский. Безусловно, в этом немалую роль сыграл франкоговорящий наставник будущего царя Фредерик-Сезар Лагарп.

ФРЕДЕРИК-СЕЗАР ЛАГАРП

Этот воспитатель-якобинец до приглашения Екатериной II был простым адвокатом в Берне. Он приехал в Россию «наловлю счастья и чинов». В процессе обучения он, будучи горячим

приверженцем идей просвещения и гуманизма, ознакомил Александра с трудами французских мыслителей Жана-Жака Руссо и Габриэля Бонно де Мабли, а также с работами британского историка Эдварда Гиббона. Да, он плохо знал русский менталитет, был полон вольнолюбивых иллюзий, не ведал российского прошлого и воспитывал будущего царя на близких своему сердцу примерах просвещенной Европы. Но при этом он имел одно неоспоримое качество — он был человеком честным и порядочным. В результате они с Александром сохранили друг к другу искреннюю привязанность на долгие годы.

Этот швейцарец состоял при Александре в течение 1783–1794 гг., и он, без сомнения, находился выше всех прочих наставников по уму, знаниям и характеру. Естественно, он и оказал больше влияния на склад характера и направление мыслей Александра. При этом положение Лагарпа было очень трудным: стараясь охранять Александра от влияния придворной атмосферы и не скрывая своего образа мыслей, он нажил себе многочисленных врагов. Но помимо этого его политическая деятельность при дворе Екатерины «подарила» ему и массу швейцарских противников.

Императрица в целом была довольна Лагарпом и поддерживала его, но, регулярно выслушивая обвинения против него, в конечном итоге тоже поддалась сомнениям. В результате Лагарп был отпущен из Санкт-Петербурга довольно холодно.

В октябре 1794 года Лагарпу было объявлено об отставке, и в мае 1795 года он покинул Санкт-Петербург. Прощаясь, Александр сказал ему:

— Помните, что оставляете здесь преданного вам человека, который не в состоянии выразить вам свою привязанность и который обязан вам всем кроме жизни.

Считается, что именно Лагарп был для Александра нравственным авторитетом. Одни уверены, что он стал для будущего императора образцом бескорыстной гражданской добродетели, другие винили его в том, что, внушая Александру свою республиканскую философию, он забывал о русской жизни и делал своего ученика мечтателем и космополитом.

Адам Чарторыйский иронизировал по поводу швейцарца так:

«Лагарп принадлежал к поколению, воспитанному на иллюзиях конца XVIII века, к тем людям, которые воображали, что их доктрины, как новый философский камень, как новое универсальное средство, разрешали все вопросы и что одними сакраментальными формулами можно рассеять все многообразные препятствия, выдвигаемые практической жизнью при осуществлении отвлеченных идеалов. У Лагарпа было для

России свое всеисцеляющее средство, о котором он распространялся в своих писаниях так многоречиво, что у самого императора не хватало терпения дочитывать их. Я вспоминаю, между прочим, что он напал на выражение „регламентированная организация“, которому он придавал, не без основания, большое значение, но которое повторял беспрестанно и с такой настойчивостью, что выражение это в конце концов стало его прозвищем».

Ф.-С. Лагарп. Неизвестный художник

Польский друг Александра вряд ли до конца справедлив. Точно так же, как вряд ли до конца права и графиня Софи де Шуазель-Гуффье, бывшая фрейлиной при российском дворе, написавшая в своих «Мемуарах» так:

«На нем отразилось влияние его воспитателя <…> Лагарпа. Александр не мог сбросить с себя ту соединенную с тщеславием чувствительность, которая превращает доброжелательный поступок в театральную сцену и опьяняется аплодисментами».

В любом случае именно Лагарпу Александр оказался обязан своей нравственностью и отвлеченной идеалистической любовью к свободе. Но, к сожалению, все это не могло не быть чистой теорией, практически не нашедшей отражения в практике его будущего правления.

В связи с этим биограф Александра А.Н. Архангельский делает следующий вывод:

«Единственная вина воспитателя Лагарпа состояла в том, что „главный“ его воспитанник рос (и вырос) русским царем без царя в голове; что либерализм, как намагниченная стружка, был напылен лишь на поверхность Александровского сознания; что идея свободы не сомкнулась в его сердце с образом традиционной России, не соотнеслась с ее судьбой».

Историк А.Н. Пыпин пишет о другом направлении, которое противопоставлялось в воспитании Александра взглядам Лагарпа, так:

«Это направление состояло, по-видимому, только в восхвалении русского status quo без достаточных логических оснований, которые могли бы установить в уме Александра какое-нибудь положительное мнение о предмете. Напротив, он, вероятно, оставался беспомощен между двумя противоречиями и, не находя в своих сведениях и в собственной мысли, еще слишком молодой в то время, никакой опоры для их разрешения, колебался между ними и, наконец, разрешал их теми инстинктами, которые вообще бывают так сильны в образовании мнений юноши. В этих инстинктах благородные бескорыстные стремления всего чаще берут верх над всем узким, эгоистическим, несправедливым. И нет ничего удиви тельного, что Александр, в природе которого было именно много такой инстинктивности, увлекался больше Лагарпом, чем его противниками: сама личность Лагарпа выделялась из обстановки Александра и производила на него сильное действие; и в его наставлениях Александр находил именно те идеи о справедливости, о свободе, о правах человечества, к каким влекли его юношеские стремления».

Как бы то ни было, несмотря на неплохой подбор преподавателей и незаурядные природные данные, Александр так и не получил серьезного образования из-за нелюбви к учению. Например, А.Я. Протасов в своем дневнике отмечал его «лень, странные поклоны и дурные привычки».

Как и в жизни Петра Великого, мы наталкиваемся здесь на факт совершенно неправильной подготовки наследника престола: это было хорошее, но чисто либеральное западноевропейское образование вместо православного и русского. Вместо глубоко осознанного понимания исторического предназначения своего царства Александр вырастал мистиком, стремящимся к решению отвлеченных мировых проблем. Да, он был человеком высоких качеств характера, бескорыстным и великодушным, глубоким в стремлении к благу всего человечества, но к русскому народу у

него отношение было явно предвзятым. «Каждого русского, — как писал Н.И. Ульянов, — он считал либо плутом, либо дураком».

«В какой-то мере, — констатировал этот же историк, — Александр может считаться предшественником русского „западничества“ 30—40-х гг., по крайней мере его лексикона и фразеологии». Именно при Александре «слова „Европа“, „мир“, „вселенная“, „человечество“ стали произноситься с той декламационной напыщенностью, которая так привилась впоследствии».

ЖЕНИТЬБА НА ПРИНЦЕССЕ БАДЕНСКОЙ

Как это обычно и бывает, занятия завершились, когда Екатерина II женила внука на принцессе Баденской Луизе-Марии-Августе, которая после перехода в православие получила имя Елизаветы Алексеевны. Их обручение состоялось в мае 1793 года, а официальное бракосочетание — 28 сентября (9 октября) 1793 года.

Говоря об этом, следует подчеркнуть, что Екатерина к любому делу всегда подходила очень серьезно и основательно. Русскому посланнику во Франкфурте-на-Майне графу Н.П. Румянцеву она дала задание собрать сведения обо всех принцессах, «бывших тогда в летах для бракосочетания».

Граф Румянцев, понятное дело, постарался угодить императрице и с полной ответственностью отнесся к данному деликатному поручению. И вскоре на столе у Екатерины лежали подробные характеристики возможных кандидатур, где особенно были подчеркнуты достоинства принцессы Луизы. Царица одобрила выбор дипломата и написала ему в начале января 1792 года:

«С удовольствием вижу, что вы исполнили данное вам поручение. Старшей из сих принцесс в сем генваре месяце исполнится тринадцать, и будет она, по нашему счету, на четырнадцатом году, следовательно, о поездке матери ее с дочерями сюда прежде генваря будущего 1793 года еще условиться рано. Но между тем [предлагаю] вам от времени до времени съездить в Карлсруэ, иметь старание и бдение, дабы образ мыслей наследной принцессы не переменился, но паче подкрепился. Також старайтесь поприлежнее узнать нрав, склонности и, буде можно, о душевных свойствах и понятиях старшей принцессы, такожде о здоровом ее телесном сложении…»

Учитывая совсем юный возраст принцессы, Екатерина II решила немного повременить со свадьбой, а пока пригласила Луизу с ее младшей сестрой Фридерикой-Доротеей (будущей женой короля Швеции Густава IV Адольфа) в Россию, чтобы та немного пожила там, привыкла к новым людям и к особенностям той страны, где ей предстояло прожить всю жизнь.

В одном из писем Екатерина так написала барону Фридриху-Мельхиору Гримму:

«Вы, конечно, знаете, что у нас не женят так рано, и это сделано про запас для будущего, а покамест они привыкнут к нам и познакомятся с нашими свычаями и обычаями. Наш же малый об этом не помышляет, обретаясь в невинности сердечной; а я поступаю с ним по-дьявольски, потому что ввожу его во искушение».

Во время их первой встречи императрица спряталась за графиню Браницкую и наблюдала за девочками, но Луиза сразу узнала ее, однако не решилась показать это.

Картину всего происходившего мы можем восстановить из следующего письма принцессы к матери:

«Мы приезжаем, затем поднимаемся по лестнице. Господин Барятинский, обер-гофмаршал, подает мне руку, и нам предшествуют два камер-юнкера. Они проводят нас через несколько комнат, мы подходим к закрытой двери, она раскрывается, моя сестра Фридерика и я входим, дверь за нами закрывается. Это была комната, в которой нас ожидала императрица. Я вижу ее; мне хотелось думать, что это она, но, так как я не думала, чтобы она была там, я не хотела все-таки подходить к ней, опасаясь, как бы это не был кто-либо другой. В первое мгновение я не хорошенько всмотрелась в нее, все-таки я должна была бы узнать ее, видевши так много ее портретов. Одним словом, мгновение я остаюсь, точно остолбеневши, когда вижу по губам господина Зубова, что он говорит, что это императрицами в то же время она приближается ко мне, говоря: „Я в восторге от того, что вижу вас“. Тогда я целую ей руку, тогда же является графиня Шувалова, и за нею шествуют все остальные. Затем императрица удаляется».

Считается, что стремление никогда не испытывавшей теплых материнских чувств к собственному сыну Екатерины побыстрее женить любимого внука было связано с желанием передать

престол именно ему, а не Павлу Петровичу. По ее мнению, женитьба должна была придать Александру больший вес в глазах русского общества. С другой стороны, это был отличный предлог для удаления Лагарпа, для которого прекращение занятий было мотивировано тем, что Александр вступил в брак, а его брат Константин определен в военную службу в Гатчину. При этом вопрос о том, любит ли Александр новоявленную Елизавету, вообще, похоже, никого не интересовал.

Со своей стороны, юная Елизавета быстро завоевала симпатии Екатерины Великой и всего двора. По свидетельству статс-секретаря императрицы А.В. Храповицкого, «никто при виде ее не мог устоять перед ее обаянием». Графиня В.Н. Головина, ставшая потом близкой подругой супруги императора, написала в своих «Мемуарах»:

«Я особенно привязалась к принцессе. Ее прелесть и грация, а также молодость и мягкость внушали мне живое участие к ней <…>. Чем чаще имела я честь видеть принцессу Луизу, тем более внушала она мне абсолютную преданность».

Венчал Александра и Елизавету протопресвитер Спасо-Преображенской церкви, член Священного синода Лукьян Протопопов.

В день их бракосочетания, в восемь часов утра, по сигналу, данному пятью пушечными выстрелами с Петропавловской крепости, вся гвардия, находившаяся в Санкт-Петербурге, выстроилась на площади перед Зимним дворцом. В полдень из апартаментов императрицы двинулась торжественная процессия, сопровождавшаяся артиллерийским салютом и звоном колоколов. На женихе был надет серебристый кафтан с бриллиантовыми пуговицами и алмазные знаки ордена Святого Андрея Первозванного, а невеста была в платье такого же цвета, украшенном жемчугом и бриллиантами.

После свадьбы колокольный звон продолжается в течение трех дней, а потом началась длинная череда блестящих балов и приемов. Так продолжалось две недели, и закончилось все великолепным фейерверком на Царицыном лугу.

ХАРАКТЕР АЛЕКСАНДРА

Характер Александра не может не поражать своими неровностями и противоречиями. По мнению многих современников, его основной чертой было непостоянство, и нетрудно себе представить, что проявления этого в серьезных

делах и в критические моменты могли производить самое неприятное впечатление и даже возбуждать антипатию, которая и стала причиной многочисленных не самых дружелюбных отзывов.

И все же можно утверждать, что в основе недостатков Александра лежали не дурные наклонности его сердца, а недостаток тренировки воли и что в основе его побуждений находились самые наилучшие устремления, которым просто не хватало хорошей школы и благоприятных условий.

К сожалению, Александр почти с самого рождения был поставлен в очень сложные отношения, которые рано раздвоили его сознание и его чувства. Он, как двуликий Янус, имел две маски: одну — для отца, другую — для бабушки. В результате сформировался исключительно противоречивый характер.

Воспитание его закончилось тогда, когда обыкновенно только начинаются первые хлопоты, когда наступает первое знакомство юноши с настоящей жизнью. А Александр уже в шестнадцать лет был предоставлен самому себе, да еще в обстоятельствах, требовавших большого нравственного усилия, которое непросто даже для человека, гораздо лучше подготовленного и более опытного. Нет никакого сомнения, что его воспитание при Екатерине II, а потом и жизнь при Павле I уже создали все задатки его характера и надломили его восторженную и благородную натуру.

Поэт Г.Р. Державин в 1779 году написал следующее стихотворение, посвященное рождению Александра:

Я увидел в восхищеньи
Растворен судеб чертог;
Я подумал в изумленьи:
Знать, родился некий бог.
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес;
Каждый гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот — художества, науки,
Украшающие свет;
Тот — обилие, богатство,
Тот — сияние порфир;
Тот — утехи и приятство,
Тот — спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот — душевну красоту;

Прозорливость тот небесну,
Разум, духа высоту.
Словом, все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Зарождаючи в нем, рек:
Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!..

Это стихотворение потом множество раз цитировалось как поэтическое предвидение редких качеств Александра, его душевной красоты, физической неотразимости и его будущей славы. Муза Державина, всегда любившая приятно польстить, на этот раз как будто захотела говорить правду, потому что и на самом деле Александр рос чрезвычайно привлекательным ребенком, а потом юношей. Но условия, в которых шло его развитие, с самого начала неблагоприятно воздействовали на формирование его характера.

И прежде всего это связано с весьма странными отношениями в семье. Как мы уже отмечали, Екатерина никогда не считалась с мнением родителей Александра, и она взяла его к себе, как потом и других детей Павла, так что дети только изредка могли бывать у отца с матерью. Павел жил в Гатчине, и его отношения с Екатериной II были крайне натянутыми, если не сказать враждебными. В свою очередь, у Екатерины был план устранить Павла от престола и сделать Александра своим непосредственным преемником, и последний вполне мог догадываться об этих намерениях.

В любом случае для него были очевидны недоверие и вражда, царившие между отцом и бабушкой. А сам он был поставлен между ними в психологически очень трудное положение. С одной стороны, он вынужден был постоянно угадывать любые желания бабушки, прилагая все усилия, чтобы казаться таким, каким она хотела бы его видеть. С другой стороны, своего вспыльчивого отца он просто боялся, стараясь вообще поменьше пересекаться с ним. В результате ни с отцом, ни с бабушкой он не мог быть вполне искренен, и ему, вероятно, очень трудно было и вообще с кем-то делиться своими впечатлениями и размышлениями, и это очень рано сделало его скрытным, что удивительно для ребенка.

В связи с этим историк М.И. Богданович пишет:

«Положение, в котором провел свои юные лета Александр,

деля время между императрицей и стоящим тогда во главе оппозиции наследником престола, было весьма затруднительно и оказало неблагоприятное влияние на его характер. Нередко случалось ему, проведя утро на парадах и учениях в Гатчине, среди тамошних, большей частью необразованных и грубых, офицеров являться в тот же день в Эрмитаж, где двор великой монархини блистал столько же внешним блеском, сколько изящным обращением, умом и талантами избранных гостей ее. Необходимость применяться к тону столь различных обществ, взвешивать каждое слово развила в Александре умение хранить тайну и вместе с тем скрытность, что впоследствии подало повод упрекать его в двуличии. Быть может, эти же обстоятельства поселили от самой юности в Александре недоверчивость к людям».

Впрочем, с одним человеком Александр все-таки мог себе позволить быть искренним, и это был Лагарп. Но их разлучили, и Александр писал ему о проблемах, которые он испытывал, оставшись один при дворе, который он ненавидел, и предназначенный к роли, одна мысль о которой заставляла его содрогнуться.

Вот, например, несколько строк Александра, написанных Лагарпу:

«Мое положение меня вовсе не удовлетворяет. Оно слишком блистательно для моего характера, которому нравятся исключительно тишина и спокойствие. Придворная жизнь не для меня создана. Я всякий раз страдаю, когда должен являться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу, для получения внешних отличий, не стоящих в моих глазах медного гроша… Одним словом, я сознаю, что не рожден для того высокого сана, который ношу теперь и еще менее предназначенного мне в будущем, от которого я дал себе клятву отказаться тем или иным способом».

Историк А.Н. Пыпин, приводя в доказательство слова современника Александра, относящиеся к 1796 году, пишет:

«Он наследовал от Екатерины возвышенность чувств, верный и проницательный ум <…>, но его сдержанность, его осторожность таковы, каких не бывает в его возрасте, и они были бы притворством, если бы не следовало приписать их скорее тому натянутому положению, в каком он находился между своим отцом и своей бабушкой, чем его сердцу, от природы искреннему и открытому».

А вот совершенно противоположное мнение историка С.П.

Мельгунова:

«Любовь к военным экзерциям Александр сохранил на всю свою жизнь, уделяя им наибольшее время, и она, в конце концов, обращается действительно в „парадомаиию“, как назвал эту склонность Александра Чарторыйский. Молодой царь в период мечтаний о реформе одинаково занят и своими фронтовыми занятиями. Так, в 1803 году он дает свое знаменитое предписание: при маршировке делать шаг в один аршин, и таким шагом — по 75 шагов в минуту, а скорым — по 120 „и отнюдь от этой меры и каденсу ни в коем случае не отступать“». Генерал С.А. Тучков в своих «Записках» дает очень яркую картину казарменных наклонностей Александра <…>. Его двор, рассказывает Тучков, «сделался почти совсем похож на солдатскую казарму. Ординарцы, посыльные, ефрейторы, одетые для образца разных войск солдаты, с которыми он проводил по нескольку часов, делая заметки мелом рукою на мундирах и исподних платьях, наполняли его кабинет вместе с образцовыми щетками для усов и сапог, дощечками для чищения пуговиц и других подобных мелочей». Беседует Александр с Тучковым на тему, что ружье изобретено не для того, чтобы «им только делать на караул», и вдруг разговор сразу прерывается, так как Александр увидел, что гвардия при маршировке «недовольно опускает вниз носки сапог». «Носки вниз!» — закричал Александр и бросился к флангу. Александр целыми часами в это время мог проводить в Манеже, наблюдая за маршировкой: «Он качался беспрестанно с ноги на ногу, как маятник у часов, и повторял беспрестанно слова: „раз-раз“ во все время, как солдаты маршировали». В то же время Александр тщательно смотрел, чтобы на мундире было положенное число пуговиц, зубчатые вырезки клапанца заменяет прямыми и т. д. Помимо Тучкова мы имеем немало и других аналогичных свидетельств. Александр в этом отношении — совершеннейший отец. Он всегда готов заниматься смотрами".

Сам же Адам Чарторыйский, на которого ссылается С.П. Мельгунов, отмечал не только "парадоманию", но и ряд других черт характера Александра:

"Благородному характеру Александра всегда была свойственна какая-то женственность со всеми присущими ей приятными, положительными и отрицательными чертами. Часто случалось, что он мысленно строил планы, которые ему нравились, но которых нельзя было осуществить в действительности. На этом идеальном фундаменте он возводил целые фантастические замки, заботливо улучшая их в своем воображении <…>. Александр был молод, неопытен, почти

детски доверчив, и эти природные черты его характера ослабели лишь с течением времени".

2. ВОСШЕСТВИЕ НА ПРЕСТОЛ

Править — значит не властвовать, а исполнять обязанность.

ПОСИДОНИЙ АПЛМЕЙСКИЙ

НЕОБХОДИМОСТЬ ЛАВИРОВАТЬ

Необходимость лавировать между ненавидевшими друг друга отцом и бабушкой, как между Сциллой и Харибдой, приучила Александра к двуличию.

Историк С.П. Мельгунов отмечает:

"Крайним самолюбием и в то же время жаждой популярности можно объяснить много загадочных противоречий в деятельности Александра. Искание популярности, желание играть мировую роль, пожалуй, и были главными стимулами, направляющими деятельность Александра. Как человек без определенного миросозерцания, без определенных руководящих идей, он неизбежно должен был бросаться из стороны в сторону, улавливать настроения, взвешивать силу их в тот или иной момент и, конечно, в конце концов подлаживаться под них. Отсюда неизбежные уколы самолюбия, раздражение, сознание утрачиваемой популярности. Быть может, такова неизбежная судьба всякого игрока — и особенно в области политики. Доведенная даже до артистического совершенства, подобная игра должна была привести к отрицательным результатам".

Он жил, словно в маске. "Вращаясь между двумя столь непохожими дворами, — пишет В.О. Ключевский, — Александр должен был жить на два ума, держать две парадные физиономии кроме ежедневной — домашней, иметь два разных прибора манер, чувств, даже слов".

Это стало для Александра привычкой. Четко он говорил лишь одно: зная о решении Екатерины II передать престол не Павлу, а ему, он публично заявлял, что не хочет царствовать и предпочел бы уехать за границу. В частности, в мае 1796 года он писал А.П. Кочубею:

"Вот, дорогой друг, важная тайна <...>. В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон; все

части управляются дурно; порядок, кажется, изгнан отовсюду, а империя <…> стремится лишь к расширению своих пределов. При таком ходе вещей возможно ли одному человеку управлять государством, а тем более исправлять укоренившиеся в нем злоупотребления?.. Мой план состоит в том, чтобы по отречении от этого неприглядного поприща <…> поселиться с женою на берегах Рейна, где буду жить спокойно частным человеком, полагая свое счастие в обществе друзей и в изучении природы".

Итак, Екатерина II желала передать престол своему старшему внуку, а не сыну, но имевший на нее влияние сенатор граф В.П. Мусин-Пушкин сумел убедить императрицу отсрочить это решение. За это, кстати, благодарный Павел I, вступив на престол, произвел его в фельдмаршалы, хотя он за всю жизнь не выиграл ни одного сражения. А десятилетний Александр, проявив недетскую изворотливость и дальновидность, сам рассказал отцу о планах бабушки и пообещал присягнуть ему как императору.

Когда 6 (17) ноября 1796 года после смерти матери Павел стал императором, он назначил своего сына Александра военным губернатором Санкт-Петербурга, шефом одного из двух самых привилегированных лейб-гвардейских полков (Семеновского полка), инспектором кавалерии и пехоты, а позднее — председателем военного департамента Сената.

Многие современники тех событий потом констатировали, что Павел I "правил вспышками, скачками, порывами, без всякой связи, не смущаясь совершенно последствиями". Он правил, "как человек, который не дает себе никогда труда размыслить, взвесить все "за" и "против", который приказывает и требует немедленного исполнения всякой фантазии, приходящей ему на ум".

В результате его ненавидели почти все, причем даже за его добрые качества, например, за его справедливость, потому что и она, в сущности, была какая-то слепая и капризная. Она поражала без разбору, заставляя людей застывать от ужаса и вечной неизвестности относительно своей участи, независимой от положения.

Что же касается Александра, то противоречивость характера всегда была свойственна ему. С одной стороны, он испытывал искреннее отвращение к власти, с другой — стремился к ней, руководимый не только честолюбием, но и благими надеждами на переустройство Российского государства на европейский лад.

УБИЙСТВО ОТЦА

В ту роковую ночь 12 (24) марта 1801 года, сразу после полуночи, граф Петр Алексеевич фон дер Пален сообщил Александру, что его отец убит заговорщиками.

Александру тогда было уже 23 года, и он, как отмечает великий князь Николай Михайлович, был "душой и телом вполне развит". Следовательно, ему "было возможно наблюдать, размышлять и взвешивать все события". Короче говоря, он уже должен был все понимать, и тогда казалось, что он до такой степени уничтожен угрызениями совести и отчаянием, что не может произнести ни слова…

"Историки, — пишет В.Н. Балязин, — высказывают на этот счет разные догадки, однако существо дела от этого не меняется — зная о заговоре, Александр почти ничего не сделал для того, чтобы раскрыть его и уничтожить до того, как государственные преступники выведут свои полки из казарм".

Ничего не сделал…

А ведь он наверняка догадывался, что приближается минута, когда его отцу будет предложено отречься от престола. Предложить отречься… Но не убивать же!

Когда Александру доложили о свершившемся, формулировка была такая:

— Все сделано.

— Что сделано? — в ужасе переспросил он.

А граф П.А. Зубов, со своей стороны, побоялся назвать то, что было сделано, соответствующим образом. Но он все время обращался к Александру как к государю, и молодой человек не мог не понять…

Конечно, вожди заговора оправдывали потом себя тем, что ими двигали причины исключительно государственного характера, желание спасти Россию и т. п.

Друг Александра Адам Чарторыйский потом написал:

"Россия сильно страдала, находясь под управлением своего рода маньяка; но способ, какой был применен для устранения всех этих затруднений, оставил в душе Александра на всю жизнь мрачный отголосок преступления, совершенного над его отцом, которое, как он был убежден, пало на него и никогда не смоется с него в его собственных глазах".

Так и повелось считать, что Александр не желал насильственной смерти отца. Он хотел лишь отстранить его от управления государством, дабы пресечь деспотизм и самодурство в России. Как бы то ни было, трагическая гибель отца произвела на него неизгладимое впечатление, он был потрясен и всю оставшуюся жизнь мучился сознанием своей вины в произошедшем.

"Эта неизлечимая душевная рана совести, — как заметит позже его внучатный племянник великий князь Николай Михайлович, — испортила всю последующую его жизнь на земле".

Историк К.В. Кудряшов развивает эту мысль:

"Известие о трагической судьбе отца нравственно потрясло Александра. Вне себя он воскликнул: "Скажут, что я отцеубийца! Мне обещали не посягать на его жизнь. О, я несчастнейший из людей!" С ним сделались нервные судороги, и он впал в обморочное состояние. С трудом удалось Палену привести его в себя. "Перестаньте ребячиться!" — потребовал он от Александра. По слухам, <…> Александр не соглашался занять престол и уступил лишь, "когда убийцы отца дерзнули сказать сыну, что если он не согласится принять правление, то увидит рекою пролитую кровь в своей фамилии". Вот как описывает очевидец первый выход Александра I в Зимнем дворце на другой день после катастрофы: "Новый император шел медленно, колени его как будто подгибались, волосы на голове были распущены, глаза заплаканы; смотрел прямо перед собой, изредка наклонял голову, как будто кланялся; вся поступь его, осанка изображали человека, удрученного грустью и растерзанного неожиданным ударом рока. Казалось, он выражал на своем лице: они все воспользовались моей молодостью, неопытностью, я был обманут, не знал, что, исторгая скипетр из рук самодержца, я неминуемо подвергал жизнь его опасности". Сознание своей вины, мысль, что он "должен был" предвидеть роковой исход, всей тяжестью придавило Александра".

Адам Чарторыйский рассказывает:

"Целыми часами оставался он в безмолвии и одиночестве, с блуждающим взором, устремленным в пространство, и в таком состоянии находился в течение многих дней, не допуская к себе почти никого".

А на утешения своего польского друга Александр отвечал:

— Нет, все, что вы говорите, для меня невозможно. Я должен страдать, ибо ничто не в силах уврачевать мои душевные муки.

НАЧАЛО ПРАВЛЕНИЯ

После убийства Павла I в своем манифесте Александр Павлович принял на себя обязательство управлять Богом ему врученным народом "по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой".

И первое, что он сделал… было увольнение графа Петра

Алексеевича фон дер Палена. Генералу этому, пользовавшемуся полным доверием покойного императора, было предписано немедленно покинуть Санкт-Петербург и отправиться в свои поместья.

То же было сделано и с графом Никитой Петровичем Паниным — еще одним зачинщиком заговора. Его новый император отрешил от управления иностранными делами. После увольнения тот уехал за границу, и его опала продлилась свыше тридцати лет, не смягчившись даже после смерти Александра.

Генерал Л.Л. Беннигсен больше не показывался при дворе. Он лишился своего места литовского генерал-губернатора и только в конце 1806 года выдвинулся вновь благодаря своей военной репутации.

Князь П. А. Зубов, несмотря на все его старания, не получил никакого назначения и, чувствуя, насколько императору неприятно его видеть, уехал в свои поместья. Потом он долго скитался по Европе, не встречая ни в ком к себе уважения, и в 1822 году умер в Курляндии, не вызвав особых сожалений.

Также Александр так или иначе сослал или удалил одного за другим и всех остальных заговорщиков, которые пусть и не были опасны для него лично, но видеть которых ему было крайне неприятно. Один граф В.А. Зубов остался в Санкт-Петербурге и был сделан членом Государственного совета. Почему? По мнению Адама Чарторыйского, "его приятная открытая наружность нравилась императору Александру и внушала доверие". Но, с другой стороны, этот самый Зубов вдруг скончался в июле 1804 года, когда ему было всего 32 года…

Александр был коронован 15 (27) сентября 1801 года в Успенском соборе Москвы митрополитом Московским и Коломенским Платоном. При этом была использована та же процедура коронования, что и при Павле I, но отличием стало то, что императрица Елизавета Алексеевна не становилась перед своим супругом на колени, а приняла на свою голову корону стоя.

Как видим, для коронации весь двор и вся петербургская знать отправились в Москву, и можно себе только представить, что творилось в это время в душе Александра среди окружавших его великолепных празднеств, пышности, блеска, почестей и выражений всеобщей любви.

Его друг Адам Чарторыйский пишет об этом так:

"Празднества, приемы, обряд коронования, без сомнения, еще живее напоминали ему отца, всходившего при такой же торжественной обстановке по этим ступеням трона. Блестящий апофеоз верховной власти, вместо того чтобы возбудить честолюбие Александра, льстить его тщеславию или развлекать

его, наоборот, увеличивал до крайности его внутреннюю муку Я думаю, он никогда не чувствовал себя более несчастным. Целыми часами оставался он один, молча, с угрюмым неподвижным взглядом. Это повторялось ежедневно; он никого не хотел тогда видеть подле себя. Со мной он чувствовал себя всего приятнее, я всего менее стеснял его: с давних пор он доверял мне свои тайные мысли и страдания, поэтому мне, не в пример другим, было дозволено входить в его кабинет, когда он предавался этому мучительному упадку духа, этим отчаянным угрызениям совести. Иногда я входил самовольно — когда он слишком надолго погружался в страшную задумчивость. Я старался вывести его из этого состояния, напомнить ему о его обязанностях, о работе, к которой он был призван. Александр смотрел на эти обязанности как на тяжелое бремя, которое надо было нести, но чрезмерные угрызения совести, его строгость по отношению к самому себе отнимали у него всякую энергию. На мои увещания, на мои слова, с которыми я к нему обращался, желая поднять в нем энергию и надежду, он отвечал: "Нет, это невозможно; против этого нет лекарств, я должен страдать; как хотите вы, чтобы я перестал страдать? Этого изменить нельзя". Близкие ему люди боялись не раз, как бы он совершенно не лишился рассудка…"

Но он не лишился рассудка. И он не пал под тяжестью преследовавших его страшных мыслей.

На самом деле к моменту своего восшествия на престол 24-летний Александр I был уже вполне сложившейся личностью. Внешне очень красивый, подтянутый, он всегда был подчеркнуто элегантен. Царственный мистик, он любил нравиться и умел это делать, но его любовь к порядку порой доходила до абсурда и становилась поводом для добрых шуток (в первые годы пребывания у власти) и для откровенного злословия (в последние годы жизни).

Внимательно посмотрев вокруг, он через некоторое время написал:

"В наших делах господствует неимоверный беспорядок. Грабят со всех сторон. Все звенья управляются дурно. Порядок, кажется, изгнан отовсюду".

Вместо этого произвола новый император хотел установить в России строгую законность. Для этого необходимо было разработать фундаментальные законы, которых почти не существовало в стране. Именно в таком направлении и велись его преобразовательные опыты первых лет.

Начал же Александр с того, что не просто сослал или удалил всех заговорщиков, но он еще и вернул на службу всех ранее уволенных отцом-императором, снял запрещение на ввоз различных товаров и продуктов в Россию (в том числе книг и музыкальных нот), объявил амнистию беглецам, восстановил дворянские выборы и т. д.

А еще он ликвидировал Тайную канцелярию — орган политического сыска и суда в России, существовавший с 1718 года.

АДАМ ЧАРТОРЫЙСКИЙ

Надо сказать, что еще до восшествия Александра на престол вокруг него сплотилась группа "молодых друзей", которые уже с 1801 года стали играть крайне важную роль в управлении государством. И первым из них был уже упомянутый нами князь Адам-Ежи Чарторыйский.

Он родился в 1770 году в Варшаве, жил в Санкт-Петербурге вместе со своим младшим братом[2], и они оба в свое время были назначены Екатериной состоять при великих князьях: один — при Александре, а другой — при Константине.

Это может показаться удивительным, но между Александром и состоявшим при нем Адамом Чарторыйским быстро установились тесные, дружеские отношения, в которых Александр всегда высказывался откровенно, и это вызвало в поляке сочувствие и ответную преданность, которая представляется нам вполне искренней.

Рассказ Чарторыйского о тех временах удивительно любопытен. В частности, он потом писал об Александре так:

"Он признавался мне, что ненавидит деспотизм везде и каким бы образом он ни совершался; что он любит свободу и что она должна равно принадлежать всем людям; что он принимал живейший интерес во французской революции; что, хотя он и осуждал ея страшные заблуждения, но желал успехов республике и радовался им. Он с почтением говорил мне о своем наставнике, господине Лагарпе, как о человеке высокой добродетели, с истинной мудростью, строгими принципами и энергическим характером. Ему он обязан всем, что в нем есть хорошего, всем, что он знает; в особенности он обязан ему теми правилами добродетели и справедливости, носить которые в сердце он считает своим счастьем".

О жене Александра князь Адам Чарторыйский отзывался следующим образом:

"Великий князь сказал мне, что его жена посвящена в его мысли, что она знает и разделяет его чувства, но что кроме нее я был первый и единственный человек, с которым он решился говорить со времени отъезда его воспитателя; что он не может доверить своих мыслей никому без исключения, потому что в России еще никто не способен разделить или даже понять их".

Позднее много разговоров стало ходить о том, что польский князь был очарован женой своего августейшего друга. Да, они виделись практически ежедневно, и скоро общественное мнение прочно связало их имена. Но, как говорится, общественное мнение — это мнение тех, чьего мнения обычно не спрашивают, и переубеждать кого-либо из придворных ни Елизавета Алексеевна, ни Адам Чарторыйский не сочли нужным. Да и сам Александр не уделял никакого внимания досужим разговорам, наслаждаясь обществом своего польского друга и испытывая к нему искреннюю симпатию.

Адам Чарторыйский тогда писал:

"Признаюсь, я уходил от него вне себя, глубоко тронутый, не зная, был ли это сон или действительность…"

А вот еще слова князя Чарторыйского:

"Я был тогда молод, исполнен экзальтированными идеями и чувствами; вещи необыкновенные не удивляли меня, я охотно верил в то, что казалось мне великим и добродетельным. Я был охвачен очарованием, которое легко себе вообразить; в словах и манерах этого молодого принца было столько чистосердечия, невинности, решимости, по-видимому непоколебимой, столько забвения самого себя и возвышенности души, что он показался мне привилегированным существом, которое послано на землю Провидением для счастья человечества и моей родины; я почувствовал к нему безграничную привязанность, и чувство, которое он внушил мне в первую минуту, сохранилось даже тогда, когда одна за другой исчезли иллюзии, его породившие; оно устояло впоследствии против всех толчков, кои нанес ему сам Александр, и не угасало никогда, несмотря на столько причин и печальных разочарований, которые могли бы его разрушить…"

А. -Е. Чарторыйский. Неизвестный художник

Удивительное признание. И еще удивительнее то, что исходит оно от человека, считавшегося едва ли ни ближайшим другом молодого Александра Павловича. И какое-то время близость Чарторыйского с Александром все более и более возрастала.

"Эти отношения, — рассказывает князь, — не могли не внушать живейшего интереса; это был род франкмасонства, которого не была чужда и великая княгиня; интимность, образовавшаяся в таких условиях, порождала разговоры, которые оканчивались только с сожалением и которые мы всегда обещали возобновить. То, что в политических мнениях показалось бы теперь избитым и полным общими местами, в то время было животрепещущей новостью; и тайна, которую надо было хранить, мысль, что это происходило на глазах двора, застарелого в предубеждениях абсолютизма, <…> прибавляли еще интереса и завлекательности этим отношениям, которые становились все более частыми и интимными".

Надо сказать, что обстоятельства поначалу чрезвычайно благоприятствовали Адаму Чарторыйскому: сам он, будучи

человеком пылким, что скрывалось под внешней оболочкой холодности и равнодушия, имел дело с Александром — человеком скрытным, но жаждавшим дружбы и думавшим найти в князе ту искреннюю преданность, которая составляла мечту всей его жизни и которая так редко встречается в действительности. Под влиянием такого душевного настроения Александр вверял своему польскому другу все свои помыслы. Его пленяли бывшие тогда в моде идеи братства и благополучия народов под сенью вечного мира. А Чарторыйский в ответ доверился Александру и мечтал через него осуществить свои мечты, связанные с его родной Польшей.

СТРОГАНОВ, НОВОСИЛЬЦЕВ И КОЧУБЕЙ

Помимо Адама Чарторыйского ближайшими соратниками Александра были Павел Александрович Строганов, Николай Николаевич Новосильцев и Виктор Павлович Кочубей.

Если в двух словах, то биографии их таковы.

Павел Александрович Строганов, родившийся в 1772 году в Париже, был сыном от второго брака графа А.С. Строганова с Е.П. Трубецкой, дочерью князя П.Н. Трубецкого. В Париже он получил прекрасное домашнее образование и во время революции имел воспитателем Шарля-Жильбера Ромма, члена Конвента. Лишь в 1790 году П.А. Строганов был вызван отцом в Россию.

На военной службе он числился корнетом в лейб-гвардии Конном полку, а в 1791 году стал поручиком лейб-гвардии Преображенского полка. В 1798 году он был пожалован в камергеры.

Николай Николаевич Новосильцев, родившийся в 1761 году в Санкт-Петербурге, воспитывался в доме графа А.С. Строганова как незаконнорожденный сын его сестры Марьи, выданной замуж за Николая Устиновича Новосильцева.

В 1783 году он был выпущен из Пажеского корпуса в капитаны лейб-гренадерского полка. В 1785 году он уже был секунд-майором, потом воевал со шведами и в 1789 году был произведен в полковники. Выйдя в 1796 году в отставку, Н.Н. Новосильцев жил в Лондоне, где слушал лекции по физике, математике и медицине.

Виктор Павлович Кочубей, родившийся в 1768 году, был племянником (по матери) бездетного князя А.А. Безбородко. Происходил он из малороссийского казацкого рода Кочубеев и был правнуком того самого Кочубея, что был казнен Мазепой.

А.А. Безбородко всю заботу о племяннике принял на себя и

взял его с собой в Санкт-Петербург. Там он учился в частном пансионе и одновременно, в 1776 году, был записан на службу в лейб-гвардии Преображенский полк. Но на военной службе он оставался недолго, ибо влиятельный дядя предназначал племяннику дипломатическую карьеру. В результате для окончания образования молодой человек был послан в Женеву.

Дипломатическую карьеру В.П. Кочубей начал в 1784 году в русской миссии в Швеции, затем он служил в Лондоне, а потом был назначен чрезвычайным посланником в Константинополь.

После вступления на престол Павла I В.П. Кочубей стал графом, но вскоре впал в немилость. Дело в том, что император хотел женить его на своей фаворитке Анне Лопухиной, но Кочубей ослушался и женился на Марии Васильчиковой, дочери камергера В.С. Васильчикова.

Итак, в 1801 году Александру было 23 года, Строганову — 29 лет, Чарторыйскому — 31 год, Кочубею — 33 года, а Новосильцеву — 40 лет.

Про этих людей историк А.Н.Троицкий пишет так:

"Все они походили на 23-летнего царя, их общего друга, умом, обаянием, либеральными иллюзиями, но каждый из них был интересен и сам по себе".

Все четверо составили так называемый "Негласный комитет", собиравшийся в течение 1801–1803 гг. в "туалетной комнате", что находилась сразу же за личными покоями императора в Зимнем дворце. Вместе с Александром они вырабатывали план необходимых преобразований в стране. Протоколы заседаний не велись, а "пятым членом" комитета стал бывший учитель Александра Фредерик-Сезар Лагарп, специально приехавший в Санкт-Петербург в августе 1801 года и пробывший там до мая 1802 года.

Из лиц, составлявших "Негласный комитет", наиболее способным считался Н.Н. Новосильцев, человек со светлым умом, образованный и даже в некоторой степени ученый. Он был постарше остальных и успел повоевать, а после кончины императрицы Екатерины II вышел в отставку и четыре года прожил в Англии.

В.П. Кочубей обращал на себя внимание необыкновенной памятью, соединенной с гордой таинственностью. Образование он тоже получил за границей. Князь А.А. Безбородко, надеясь сделать его наследником, ничего не щадил для его продвижения, а посему, когда тот достиг девятнадцати лет, отправил на выучку в Лондон, к искусному дипломату графу Семену Романовичу Воронцову. Там же в свободное от службы время В.П. Кочубей занимался политическими науками, и к двадцати четырем годам

он уже был чрезвычайным посланником в Константинополе. А вот когда А.А. Безбородко умер, император Павел I уволил В.П. Кочубея со службы, чем нанес ему страшное оскорбление.

"Парижанин" П.А. Строганов, как уже говорилось, воспитывался Шарлем-Жильбером Роммом, а тот был одним из самых ярых последователей энциклопедистов. Когда началась Великая французская революция, молодой граф Строганов переменил себе фамилию и с головой окунулся в водоворот политической жизни Франции. Он был якобинцем и не скрывал этого. Соответственно, императрица Екатерина обошлась с ним милостиво и не подвергла его за это никаким репрессиям, но все же ему пришлось по приезде в Россию поселиться не в столице, а в строгановском имении Братцево, где он и пробыл до 1796 года. Там он женился на Софье Голицыной, и Екатерина II разрешила молодым супругам переехать в Санкт-Петербург. И там на него все показывали пальцем. Еще бы — живой граф-якобинец, да весь такой таинственный…

Таковы были первые приближенные Александра, первоначальные его сотрудники в управлении судьбами обширной империи.

И, что характерно, к моменту воцарения Александра все его молодые друзья служили вдали от двора, находясь в негласной опале. Все они воспитались под непосредственным влиянием времени и были преданы новым общественным идеям, которые распространялись тогда из Франции. Все они ждали от Александра нового правления, где на место произвола и насилия явились бы наконец закон и справедливость.

Один лишь П.А. Строганов был в Санкт-Петербурге, но именно он оказался самым радикальным. Князь Адам Чарторыйский называл его романтично — "самым пылким". А вот графиня П.А. Головина характеризовала гораздо более развернуто:

"Граф Павел Александрович Строганов был одним из тех объевропеившихся русских аристократов, которые умели как-то связывать в своем уме теоретические принципы равенства и свободы со стремлением к политическому преобладанию высшего дворянства".

Кстати сказать, "Негласный комитет" был создан по инициативе именно П.А. Строганова, сына знаменитого вельможи Екатерининских времен.

Чтобы собрать свой "Негласный комитет", Александр вызвал в Санкт-Петербург В.П. Кочубея, который в последнее время жил в

своем имении. Тотчас же были посланы письма к Адаму Чарторыйскому в Италию и Н.Н. Новосильцеву в Лондон.

П.А. Строганов. Художник Ж.-Л. Монье

Например, Адаму Чарторыйскому Александр писал по-французски:

"Как вы уже знаете, мой дорогой друг, после смерти отца я встал во главе дел. Умолчу о деталях, чтобы сказать вам все при встрече. А пишу я вам для того, чтобы вы срочно оставили все дела вашей миссии старшему после вас, а сами отправлялись в Петербург. Должен сказать, что я жду вас с нетерпением. Надеюсь, что Небо будет благоволить вам в дороге и вы прибудете живым и здоровым. Прощайте, мой дорогой друг, я не могу вам сказать больше. Прилагаю для вас паспорт, чтобы вы могли показать его на границе".

Сам Чарторыйский потом рассказывал:

" Навстречу ко мне из столицы выслан был фельдъегерь <…>. Он вез мне дружескую записку от императора и подорожную с

приказом почтмейстерам ускорить мое путешествие. Адрес на письме был написан рукой императора. Он называл меня действительным тайным советником, что равнялось чину генерал-аншефа. Я был удивлен, что Александр так быстро возвел меня в этот чин, и твердо решил не принимать его".

Когда он приехал, Александр повел его в свой кабинет и сказал:

— Хорошо, что вы приехали, наши ожидают вас с нетерпением.

По его словам, под "нашими" молодой император имел в виду "несколько лиц, казавшихся ему более просвещенными, а главное, более либеральными, на которых он смотрел как на своих особых друзей и к которым питал большое доверие".

А вот Н.Н. Новосильцеву написал П.А. Строганов, и в его письме имелись такие строки:

"Приезжайте, мой друг <…>. У нас будет конституция".

3. РЕФОРМЫ

Каждая великая реформа состояла не в том, что вводилось что-нибудь новое, а в том, что уничтожалось что-нибудь старое.

ГЕНРИ БОКЛЬ

Император Александр I выгодно отличался от своего предшественника, и это проявлялось буквально во всем: в его намерениях, в первых указах и даже в повседневных поступках.

Достижения Александра были, как утверждает Н.И. Греч, "многочисленны, разнообразны, велики и благотворительны". Типичный пример — система управления: "нет ни одной отрасли государственного управления, которая не была бы преобразована, исправлена, дополнена в его царствование; многие части созданы им совершенно".

"НЕГЛАСНЫЙ КОМИТЕТ"

Как уже говорилось, четверо "молодых друзей" Александра (Адам Чарторыйский, П.А. Строганов, В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев) составляли так называемый "Негласный комитет".

Главной задачей этого комитета была помощь молодому императору, как метко выразился историк В.О. Ключевский, "в систематической работе над реформой бесформенного здания управления империей". Для этого надо было изучить настоящее положение империи, потом преобразовать отдельные составные части ее администрации, а потом завершить все "уложением, установленным на основании истинного народного духа".

Конечно, теперь известно, что очень скоро у императора и его советников наступило разочарование, но вначале Александр и молодые члены комитета принялись за дело со свойственным новичкам пылом. На первом же заседании было положено до составления планов государственной перестройки "начертать картину современного положения империи, или, говоря другими словами, прежде нежели приступить к преобразованиям, ознакомиться с самим делом".

Проще говоря, сначала хотели заняться статистикой и административной частью империи. Но, когда приступили к обсуждению проблем, предположенная первоначально система

была отложена в сторону, и члены комитета начали обсуждать предметы, требовавшие безотлагательного реформирования.

Совещания большей частью происходили в следующем порядке: один из членов комитета по назначению самого императора делал доклад о деле, подлежавшем рассмотрению, а затем оно совместно обсуждалось и решалось.

Казалось бы, ну что можно решить в стране, в которой уже много веков ничего, по сути, не менялось? Оказывается, можно. "Негласный комитет" работал до ноября 1803 года, и за два с половиной года он успел рассмотреть вопросы проведения сенатской и министерской реформы, крестьянский вопрос, а также ряд внешнеполитических шагов.

Но потом наступило разочарование, ибо одно дело — "рассмотреть вопросы", и совсем другое — что-то действительно изменить.

После этого Н.Н. Новосильцев, один из ближайших сподвижников Александра в первые годы его правления, стал президентом Академии наук и попечителем Петербургского учебного округа.

После разочарования Александра в "Негласном комитете" и его фактического роспуска он в 1806 году был направлен послом к Наполеону, но не успел доехать до Парижа, как была объявлена война. А потом он несколько лет жил в Вене, выполнял различные дипломатические поручения. Николай Николаевич тяжело переживал удаление от двора, начал злоупотреблять крепкими напитками и умер в апреле 1838 года.

Граф П.А. Строганов стал сначала сенатором и товарищем (заместителем) министра внутренних дел, но потом ушел в действующую армию. Став генералом, он участвовал во многих сражениях. Гибель единственного сына в сражении при Краоне в 1814 году совершенно сломила его, и через три года (в июне 1817 года) он умер.

В.П. Кочубей умер в июне 1834 года, но при Николае I он успел стать председателем Госсовета и Комитета министров, а также был возведен в княжеское достоинство.

Дольше всех, до июля 1861 года, прожил Адам Чарторыйский. В 1803 году он стал попечителем Виленского учебного округа, а потом ушел в отставку. С 1833 года он обосновался в Париже, где возглавил консервативное крыло польской эмиграции и поддерживал антироссийскую политику западноевропейских держав.

И все же, как ни малы были реальные результаты трудов "Негласного комитета", особенно если сравнивать их с обширностью задач, возложенных им на себя, но, как пишет М.И.

Богданович, "тем не менее протоколы его заседаний представляют высокий интерес для историка, которому так редко удается присутствовать при зарождении исторических фактов; а на этот раз, можно сказать, такое зарождение совершалось в умах, которые могли бы составить украшение всякого общества в лучшее время его существования".

"НЕПРЕМЕННЫЙ СОВЕТ"

30 марта (11 апреля) 1801 года был создан так называемый "Непременный совет", и именно он стал рассматривать и обсуждать государственные дела и постановления. Он состоял из двенадцати представителей титулованной знати при императоре Александре. В него входили Д.П. Трощинский, А.Р. Воронцов, П.В. Завадовский и др. Председателем был граф Н.И. Салтыков.

Хотя бы по возрасту это была прямая противоположность "Негласному комитету". Графу Николаю Ивановичу Салтыкову было 55 лет. В свое время он был одним из воспитателей Александра. Это был "старый царедворец", и в то время когда император находился при армии, он фактически занимал пост регента. В 1814 году он был возведен в княжеское достоинство, а умер в 1816 году в возрасте 80 лет.

Дмитрию Прокофьевичу Трощинскому в 1801 году было 52 года. По окончании курса в Киевской духовной академии он обратил на себя внимание князя Н.В. Репнина, а потом и Екатерины II. При Павле I он стал сенатором, принимал участие в заговоре против него, а при Александре стал главой Почтового управления империи, затем — министром. Кстати, именно он написал знаменитый манифест о восшествии на престол Александра I, в котором царь отрекался от политики Павла I и торжественно клялся "управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в бозе почивающей августейшей бабки нашей, государыни императрицы Екатерины Великой". Последнюю должность Д.П. Трошинский занимал до 1806 года, а затем он вышел в отставку и умер в феврале 1829 года в возрасте 79 лет.

Петру Васильевичу Завадовскому было 52 года. В свое время он был одним из фаворитов Екатерины II, а Павел I возвел его в графское достоинство, но вскоре отправил в отставку. При Александре он вновь поступил на государственную службу: в 1801 году стал председателем Комиссии составления законов, в 1802 году — первым руководителем Министерства народного просвещения. Он умер в январе 1812 года в возрасте 73 лет.

Графу Александру Романовичу Воронцову было 60 лет. При Екатерине II он был сенатором, но стоял в некотором отдалении от двора. В 1794 году он подал в отставку и оставался удаленным от дел до воцарения Александра, который в 1802 году назначил его государственным канцлером и главой Комиссии по составлению законов. Он умер в 1805 году в возрасте 64 лет.

Точного устава " Непременный совет" не имел, но свою цель его члены видели в том, чтобы "поставить силу и блаженство империи на незыблемом основании закона". При этом правом законодательства "Непременный совет" наделен не был. Это был совещательный орган, то есть он мог только советовать.

В начале своей деятельности "Непременный совет" рассмотрел ряд важных вопросов и подготовил несколько реформ, но потом, в январе 1810 года, согласно проекту М.М. Сперанского, он был преобразован в Государственный совет.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СОВЕТ

О создании Государственного совета было объявлено специальным манифестом Александра от 1 (13) января 1810 года. Как уже было сказано, его предшественником был "Непременный совет", учрежденный 30 марта (11 апреля) 1801 года, а посему некоторые историки датой основания Государственного совета называют 1801 год.

Государственный совет, который состоял из общего собрания, концелярии и департаментов: законов, военного, гражданских и духовных дел, государственной экономии (позднее временно был создан еще и департамент по делам Царства Польского). Кроме того, при нем действовали различные временные особые совещания, комитеты, присутствия и комиссии.

Государственную канцелярию возглавлял государственный секретарь, им был назначен сам М.М. Сперанский, которого историк В.О. Ключевский называл "Вольтером в православнобогословской оболочке".

Зал Совета императора Александра I. Художник Э.-П. Гау

Кстати, Л.Н. Толстой в своем романе "Война и мир", смотря на Сперанского глазами князя Андрея, увидел в нем "разумного и добродетельного человека". Он отмечал его "логический склад ума", а также достоинства "строго мыслящего, огромного ума человека, энергией и упорством достигшего власти и употребляющего ее только для блага России".

Председателем Государственного совета был либо сам император Александр, либо один из его членов по назначению председателя. В состав Государственного совета входили все министры, а также представители высших сановников, назначаемые императором. Отметим, что Государственный совет, как и "Непременный совет", не издавал законы, а служил лишь совещательным органом при их разработке.

Обычно Государственный совет собирался во дворце в половине девятого утра, а ровно в девять прибывал Александр и произносил речь, сочиненную Сперанским, но собственноручно им исправленную. Кстати, члены совета приносили присягу. В течение двух лет император раз в неделю присутствовал на общих собраниях совета, а перед заседанием он всегда принимал Сперанского, делавшего ему персональный доклад.

СЕНАТ

8 (20) сентября 1802 года был подписан указ "О правах и

обязанностях Сената", который определил как саму организацию Сената, так и его взаимоотношения с другими высшими учреждениями.

Как известно, Сенат заменил Боярскую думу еще при Петре I, но при Павле I его реальное положение оставалось приниженным. При Александре же действовали "Негласный комитет", "Непременный совет" и Комитет министров, что снижало роль Сената. С другой стороны, по словам историка А.Н. Пыпина, "императору больно было видеть Сенат, впавшим в унизительное состояние, в каком он находился".

В результате Сенату было поручено самому составить доклад о своих правах. В Сенате этот указ произвел сильное впечатление. Г.Р. Державин в своих "Записках" рассказывает:

"При слушании сего указа в общем Сената собрании произошли разные мнения — графы Воронцов и Завадовский весьма в темных выражениях или, так сказать, тонких жалобах на прежнее (то есть Павлово) правление, словами Тацита, что говорить было опасно, а молчать — бедственно, хотели ослабить самодержавную власть и присвоить больше могущества Сенату".

В любом случае Сенат составил свой доклад. Кроме того, представлено было несколько отдельных мнений, в том числе и сам Г.Р. Державин представил свой проект преобразования этого государственного органа.

Доклад Сената был рассмотрен Н.Н. Новосильцевым, который выступил со своим видением проблемы в "Негласном комитете". Исходной точкой при этом была мысль, что Сенат нельзя рассматривать как законодательное учреждение, что при самом основании его Петр I предполагал пользоваться им под своим председательством и что не может быть со своими подчиненными иных отношений кроме как отношений хозяина с управляющими. Поэтому, согласно Новосильцеву, законодательную власть и нельзя было вручать подобному собранию. Он считал, что власть Сената должна быть ограничена одной судебной частью (в качестве высшей судебной инстанции), но здесь ему должно было бы дать весь необходимый простор власти.

В таком вот виде рассматривался вопрос о преобразовании Сената.

А.Н. Пыпин констатирует:

"Очевидно, что советники императора далеко не были в положении людей, руководящих решениями императора. Он, по-видимому, был всех чувствительнее к вопросу об ограничении деспотизма и огорчался тем, что не представлялось удовлетворительных средств к решению этого вопроса. Но должно

заметить, что эти конституционные мечтания вовсе не были одним легкомыслием <…>. Молодые сотрудники Александра разделяли, конечно, его желание в этом отношении, но и "старые служивцы", "опытные", "осторожные", "искусившиеся опытами жизни" и т. д. также заговорили об этом предмете, рассуждали о нем в Сенате и в своих записках, писанных для императора, требовали Сенату новых прерогатив, воображали превратить его в Законодательное собрание".

В результате Сенат был объявлен "верховным местом" Российской империи. Однако огромные полномочия, дарованные в конечном итоге Сенату, не смогли сколько-нибудь поднять его значение. Дело в том, что по своему составу Сенат остался собранием далеко не первых людей империи. Плюс не было создано механизмов непосредственных взаимодействий этого "верховного места" с верховной властью, и это предопределило характер его отношений с теми же министрами.

В конечном итоге Сенат так и остался полностью зависимым, что дало право флигель-адъютанту императора С.Н. Марину написать такие строки:

…Там люди для парада,
Расшит чтоб был кафтан, а головы — не надо.
И без нее дела доныне там решат…

СВЯТЕЙШИЙ СИНОД

Изменениям подвергся и Святейший синод, членами которого состояли митрополиты и архиереи. При Александре представители этого высшего духовенства уже не собирались, а вызывались на заседания по выбору главы Синода, которым стал гражданский чиновник в звании обер-прокурора. Права последнего были значительно расширены (с 1803 по 1824 год место обер-прокурора занимал князь Александр Николаевич Голицын — друг юности императора, ставший с 1816 года также и министром народного просвещения).

С 1813 года был сменен весь личный состав Святейшего синода кроме митрополита Амвросия (в миру Андрея Ивановича Подобедова), да и самому ему стоило немалого труда удержаться на месте.

Самым ценным его помощником и поддержкой в это время был Филарет (в миру Василий Михайлович Дроздов), новое яркое светило православной церкви. Он был сыном коломенского

дьякона и родился в 1782 году. В 1812 году его определили ректором Санкт-Перебургской духовной академии, и он оставался там до 1819 года, радикально модернизировал программу преподаваемых дисциплин. А в июле 1817 года, по представлению митрополита Амвросия, ему было поведено быть епископом Ревельским с оставлением за ним должности ректора академии. Как видим, митрополит Амвросий принял Филарета под свое особое покровительство и не ошибся.

А тем временем манифестом от 24 октября 1817 года было создано сдвоенное Министерство духовных дел и народного просвещения с А.Н. Голицыным во главе, и Святейший синод был поставлен в его ведомстве совершенно в такое же положение, как католическая коллегия, духовные управления армян, евреев и других иноверцев. В довершение всего князь Голицын передал свою обер-прокурорскую должность другому лицу, князю Петру Сергеевичу Мещерскому, поставив его себе в прямое подчинение, так что обер-прокурор стал представлять в Синоде не самого императора, а лишь одного из его министров.

Долготерпение Амвросия наконец кончилось, и он высказался против князя Голицына. После этого он был признан несоответствующим своему посту и в марте 1818 года освобожден от управления Санкт-Петербургской епархией. Его удалили в Новгород с титулом митрополита Новгородского и Олонецкого. А через два месяца, в мае 1818 года, он скончался, и на его место назначили черниговского архиепископа Михаила Десницкого. Но и тот вступил в конфликт с А.Н. Голицыным, долго жаловался на него Александру I и скончался в марте 1821 года.

УЧРЕЖДЕНИЕ МИНИСТЕРСТВ

8 (20) сентября 1802 года, издав манифест "Об учреждении министерств", Александр I начал министерскую реформу. В результате вместо прежних коллегий (детищ Петра Великого) было утверждено восемь министерств: иностранных дел, военных сухопутных сил, морских сил, внутренних дел, финансов, юстиции, коммерции и народного просвещения.

В частности, первым министром иностранных дел стал канцлер граф А.Р. Воронцов, первым военным министром — граф С.К. Вязьмитинов, первым министром внутренних дел — граф В.П. Кочубей, первым министром финансов — граф А.И. Васильев, первым морским министром — адмирал Н.С. Мордвинов, первым министром юстиции — Г.Р. Державин, первым министром коммерции — граф Н.П. Румянцев, первым министром народного

просвещения — граф П.В. Завадовский.

Существовавшие "до того" коллегии поступили в состав министерств и были преобразованы в департаменты.

Министрам был предоставлен "обширный круг власти" по делам подчиненных им ведомств, а для суждения о делах, требующих "общих соображений", был учрежден Комитет министров, нередко собиравшийся при личном участии императора. Отчеты о своем управлении министры должны были подавать через Сенат.

В целом можно сказать, что Александр I, вверяя важнейшие посты в государстве людям заслуженным и опытным из прежнего времени, употреблял рядом с ними людей новых, молодых, более соответствующих духу времени. Как уже говорилось, В.П. Кочубею в 1802 году исполнилось 34 года. П.А. Строганов, которому исполнилось 30 лет, был назначен товарищем (заместителем) министра внутренних дел. В 1803 году 42-летний Н.Н. Новосильцев стал товарищем министра юстиции. Адам Чарторыйский в 1802 году (в 32 года) стал товарищем министра иностранных дел, а через два года и министром, сменив 63-летнего А.Р. Воронцова.

Также очень скоро был отправлен в отставку и 48-летний адмирал Н.С. Мордвинов, которого заменил 35-летний П.В. Чичагов. Точно так же в 1808 году 64-летнего С.К. Вязьмитинова сменил 39-летний А.А. Аракчеев. И таких примеров много.

Декабрист А.М. Муравьев в свое время написал об Александре:

"Чтобы понравиться властелину, нужно быть иностранцем или носить иностранную фамилию".

Но из восьми первых министров Александра не было ни одного иностранца!

Другое дело, что потом "иностранцев" стало гораздо больше: графа А.Р. Воронцова, как уже говорилось, сменил поляк Чарторыйский, а потом министрами были остзейский дворянин[3]Готтард фон Будберг, родившийся в Лиссабоне немец Карл фон Нессельроде, француз Жан-Батист де Траверсе, грек Иоанн Каподистрия и многие другие.

Тем не менее, как утверждает историк Н.А. Троицкий, "факты свидетельствуют, что царь подбирал себе сотрудников по родству убеждений, личной преданности, способностям, но независимо от их национальности и фамилии".

После издания манифеста "Об учреждении министерств" все дела стали решаться единолично министрами, отчетными перед

императором. При этом каждый министр имел товарища (заместителя) и мощную канцелярию. Министерства подразделялись на департаменты, департаменты — на отделения, отделения — на столы во главе со столоначальниками.

12 (24) июля 1810 года вышел подготовленный М.М. Сперанским манифест "О разделении государственных дел на особые управления", который разделил все государственные дела "в порядке исполнительном" на пять главных направлений:

внешние сношения (компетенция Министерства иностранных дел);

внешняя безопасность (компетенция военного и морского министерств);

государственная экономия (компетенция министерств внутренних дел, просвещения и финансов);

гражданский и уголовный суд (компетенция Министерства юстиции);

внутренняя безопасность (компетенция Министерства полиции).

Манифестом 1810 года было провозглашено создание новых центральных органов государственного управления, в частности, Министерства полиции (первым министром полиции стал генерал А.Д. Балашов) и Главного управления духовных дел разных исповеданий. Всего число министерств и приравненных к ним Главных управлений достигло двенадцати.

ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА

Следует отметить, что еще в конце 1808 года Александр поручил М.М. Сперанскому разработку плана государственного преобразования России, и в октябре 1809 года соответствующий проект под названием "Введение к уложению государственных законов" был императору представлен.

К сожалению, этот прогрессивный проект встретил упорное противодействие сенаторов, министров и прочих высокопоставленных сановников (по выражению Адама Чарторыйского, "всех инвалидов и лентяев империи"), и Александр не решился его реализовать.

К сожалению, и вся преобразовательная деятельность того времени носила на себе признаки поспешности и неполноты. Например, создали министерства и начали строить новый административный порядок в государстве, но не сделали подробных инструкций, не позаботились о точном разграничении функций и т. д. К тому же власть министров постоянно

сталкивалась с Сенатом, коллегиальные формы управления — с централизацией, консервативное — с новаторским, новое — со старым… Из трех ветвей высшего управления (законодательной, исполнительной и судебной) были в той или иной степени преобразованы только две. Судебной же ветви реальная реформа вообще не коснулась.

Типичный пример — положение крестьянства. Вопрос этот был наиважнейший, ибо в то время примерно 95 % населения страны проживало в деревне, занимаясь сельскохозяйственным трудом. При этом земля находилась в монопольной собственности помещиков (дворян) и государства.

Доля крепостных крестьян в населении России мри Александре I составляла примерно 57–58 %. Крепостные крестьяне имели земельные наделы, но за пользование ими они несли повинности — барщину и оброк.

Понимая серьезность сложившейся ситуации, Александр несколько раз принимался за выработку подходов к этим проблемам, и при нем появились первые признаки ослабления монополии дворянства на земельные владения.

Так, например, в 1801 году была разрешена свободная купля-продажа незаселенной земли. То есть ее было разрешено покупать людям недворянского звания (например, купцам, мещанам и государственным крестьянам).

А в 1803 году Александр подписал важнейший указ "О вольных хлебопашцах", позволявший помещикам освобождать своих крепостных крестьян и дворовых за выкуп. Правда, результаты этого указа оказались более чем скромными (за время царствования Александра было "уволено" около 47 000 душ). Забитые и недалекие крестьяне говорили помещикам так: пусть все останется по-прежнему, то есть мы — ваши, а земля — наша. Впрочем, на иное никто особо и не рассчитывал. Скорее этим указом была произведена разведка настроений дворянства по отношению к вопросу об отмене крепостного права.

В 1804 году Александр утвердил проект аграрной реформы в Прибалтике. Он был разработан специальным комитетом, занимавшимся проблемами улучшения быта остзейских[4] крестьян. Согласно этому документу, крестьяне были объявлены владельцами своих земельных наделов, а размеры их повинностей в пользу помещиков должны были быть зафиксированы в особых договорах. Продажа и заклад крестьян обоего пола от одного помещика другому (без земли) были запрещены. Крестьяне получили право избирать судей из своего сословия в крестьянские и приходские суды, а также в

ландгерихты[5]. Крестьянские суды получили право выбирать людей к отдаче в рекруты. Кроме того, крестьянин, владевший данным ему от помещика участком наследственно, мог потерять это право только по приговору крестьянского суда, утвержденному приходским судом. Хозяева наследственных участков могли подвергаться наказанию не иначе как по приговору крестьянского суда и т. д.

Но и этот указ, как бы он ни был хорош, не решил аграрного вопроса в Прибалтике, и после окончания войны с Наполеоном правительству пришлось вновь вернуться к нему. Соответственно, законы 1816–1819 гг. предоставили крестьянам личную свободу, но при этом лишили их земли, оставив ее в собственности помещиков и заставив крестьян арендовать ее.

Как известно, при Александре I начал развиваться новый класс — буржуазия (арендаторы земель, владельцы постоялых дворов, мельниц, мануфактур и т. д.). В 1818 году и крестьянам тоже было разрешено организовывать фабрики и заводы, но реально воспользоваться правом владения имуществом и заключения договоров смогли лишь единицы. Как пишет историк М.И. Богданович, "иностранные писатели справедливо славили великодушные виды императора Александра, но в действительности помещичьи крестьяне Остзейских губерний по-прежнему остались рабами".

Таким образом, личная свобода крестьян продолжала оставаться, по сути, фикцией. Однако попытки проведения аграрной реформы в Прибалтийских губерниях стали свидетельством того, что Александр I понимал, что крепостное право является тормозом для развития российской экономики.

В этом смысле весьма характерен разговор, имевший место между Александром и государственным секретарем А.С. Шишковым. Последний в 1814 году написал текст указа-обращения императора с благодарностью ко всем сословиям, участвовавшим в войне с Наполеоном. Шишков, понятное дело, первым государственным сословием считал дворянство. По этому поводу у него с Александром даже возник спор, в ходе которого Александр Семенович заявил:

— Всякая связь между людьми, из которых одни повелевают, а другие повинуются, на сем токмо основании нравственна и благотворна, что самая вера и законы предписывают сие правило.

На это император возразил ему весьма решительно, и А.С. Шишков потом написал об этом так:

"Сие несчастное в государе предубеждение против

крепостного права в России, против дворянства и против всего прежнего устройства и порядка внушено ему было находившимся при нем Лагарпом и другими окружавшими его молодыми людьми, воспитанниками французов, отвращавшими глаза и сердце свое от одежды, от языка, от нравов — словом, от всего русского".

С другой стороны, великий князь Николай Михайлович тоже утверждает, что "Александру Павловичу дворянство было всегда ненавистно", но, по его мнению, "корень ненависти скрывался не в крепостном праве, а в роли дворянства в кровавом событии 11 марта 1801 года, не забытом государем в течение всей его жизни".

И все же роль Лагарпа в этом вопросе не стоит недооценивать. С некоторых пор именно Лагарп начал говорить Александру о необходимости сделать что-нибудь в пользу крестьян, которые были доведены до самого плачевного состояния, не имея никаких гражданских прав. Например, в 1801 году он предупреждал Александра о том, что "народ, доведенный до крайности суровостями, несомненно, может бороться с теми, кто его притесняет". В этом же письме он говорил о том, что "решение состоит в том, чтобы дать законам свободный ход". Но все это в отношении крестьянства не могло быть сделано иначе, как постепенно, и первый шаг, который предлагался, состоял в том, чтобы позволить тем, кто не был крепостным, покупать земли.

Историк М.И. Богданович констатирует:

"Император был согласен с ним, но он желал, чтобы эти люди, которые будут иметь право покупать только одни земли, могли бы в то же время покупать и крестьян; и крестьяне, которыми будут владеть недворяне, могли подчиняться правилам более умеренным и не считаться их рабами…"

По сути, пропитанный "лагарповскими идеями" Александр искренне желал освободить крестьян от крепостной неволи. И надо отдать ему должное — он очень многое сделал в этой области.

Кстати говоря, "Негласный комитет" много раз обсуждал вопрос о возможности отмены крепостного права в России, по после долгих дискуссий было решено с этим не торопиться, ибо "внезапное ограничение помещичьей власти могло дать повод к неповиновению крестьян и к большим беспорядкам". Кроме того, опасения вызывало и неизбежное "неудовольствие дворянства", не считаться с мнением которого было невозможно.

И все же указ 1803 года "О вольных хлебопашцах", по мнению историка В.О. Ключевского, это было "первое решительное выражение правительственного намерения отменить крепостное

право".

А вот слова М.И. Богдановича:

"Великому подвигу освобождения помещичьих крестьян <… > положено было основание в царствование Александра I, который с самого вступления на престол принял непоколебимо намерение не жаловать (как было до него) никому населенных имений".

На письмо одного из государственных сановников, желавшего получить такое имение, Александр ответил так:

"Русские крестьяне большей частью принадлежат помещикам; считаю излишним доказывать унижение и бедствие такого состояния. И потому я дал обет не увеличивать числа этих несчастных и принял за правило не давать никому в собственность крестьян. Имение, о котором вы просите, будет пожаловано в аренду вам и вашим наследникам, следовательно, вы получите желаемое, но только с тем, чтобы крестьяне не могли быть продаваемы подобно бессловесным животным. Остаюсь в убеждении, что вы поступили бы не иначе на моем месте".

Наконец, в марте 1809 года Александр отменил право помещиков ссылать своих крестьян в Сибирь за малозначительные проступки. Более того, было подтверждено правило: если крестьянин единожды получил свободу, то он не мог быть вновь отдан помещику. Кроме того, получали свободу выходцы из плена, а также взятые по рекрутскому набору, а помещикам предписывалось кормить крестьян в голодные годы и т. д.

Недооценивать подобные реформы нельзя. Тем более что проводились они в самом начале XIX века, когда общество еще не было к ним готово. В частности, даже самые просвещенные из государственных людей того времени (например, Гавриил Романович Державин), платя дань вековым предрассудкам, "считали освобождение крестьян не только несообразным с общею пользою, но вредным для безопасности государства".

Кстати, не одобряли тогда "реформаторской горячки" Александра многие именитые дворяне: князь П.М. Волконский, князь П.П. Долгорукий, граф Е.Ф. Комаровский и др. Да и императрица-мать всеми силами пыталась "удержать сына от пагубных увлечений, предсказывая ему самые тяжелые последствия".

РЕФОРМА СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

Великий князь Николай Михайлович вообще удивляется в своей биографии Александра I, что в подобных условиях "кое-что было сделано". При этом, как он пишет, "как ни странно, но более всего продвинулось вперед дело народного просвещения".

Тут, безусловно, имеется в виду реформа учебных заведений и всей системы образования.

И ничего странного в этом нет, ибо новому правительству нужны были новые чиновники, подготовленные по-европейски, а старая система образования уже не отвечала этим требованиям.

В результате в 1802 году, то есть почти сразу же после вступления Александра на престол, было учреждено Министерство народного просвещения и образовано шесть учебных округов: Московский, Петербургский, Виленский, Дерптский (Тартуский), Харьковский и Казанский. Каждый из учебных округов возглавлял соответствующий попечитель.

Указ Александра I от 1803 года предполагал создание новой системы образования, основанной на принципах бессословности и состоящей из четырех уровней (разрядов): бесплатные приходские училища — бесплатные уездные училища — губернские гимназии — университеты. Всей системой образования должно было ведать Главное управление училищ.

Учебные округа возглавили попечители, а над ними встали ученые советы при университетах, которые должны были методически руководить всеми учебными заведениями своего учебного округа.

Кстати сказать, в годы правления Александра I было основано пять университетов: в 1802 году — в Дерпте (Тарту), в 1803 году — в Вильно, в 1804 году — в Казани и Харькове. А открытый в 1804 году в Санкт-Петербурге Педагогический институт был преобразован в университет в 1819 году.

Интересно отметить, что новый университетский устав поначалу предоставил университетам очень большую автономию: они могли сами выбирать ректора и профессоров, имели собственный суд, высшая администрация не могла вмешиваться в их дела и т. д. Но при этом высшее образование в России, естественно, было доступно лишь привилегированным сословиям.

Событием в истории российского образования стало открытие лицеев — закрытых привилегированных учебных заведений, программа которых была рассчитана на шесть лет. Уровень знаний, который давали лицеи, был близок к университетскому, и они готовили элиту общества. Достаточно сказать, что в Царскосельском лицее под Санкт-Петербургом, основанном по указу Александра I в 1810 году помимо А.С. Пушкина, И.И. Пущина, В.К. Кюхельбекера и А.А. Дельвига

учились будущий министр иностранных дел А.М. Горчаков, будущий тверской губернатор А.П. Бакунин, будущий академик М.А. Корф и многие другие.

Сверх того были учреждены Институт Корпуса путей сообщения, училища Инженерное, Артиллерийское и Кораблестроительное, Школа гвардейских подпрапорщиков, военные училища в Туле и Тамбове, институты и кафедры восточных языков и т. д.

Академии наук, художеств и медико-хирургическая были при Александре преобразованы и усовершенствованы. Под покровительством императриц Марии Федоровны и Елизаветы Алексеевны стали процветать институты для воспитания благородных девиц.

Одним словом, как пишет великий князь Николай Михайлович, в первые годы правления Александра "все оживилось на почве просвещения".

ВОЗВЫШЕНИЕ СПЕРАНСКОГО

Безусловно, развитие реформ при Александре I нельзя рассматривать в отрыве от имени такого человека, как Михаил Михайлович Сперанский.

По свидетельству великого князя Николая Михайловича, его возвышение стало "неожиданным для современников" и возбудило "в публике самые противоположные толки, а при дворе вызвало зависть". Это и понятно, ведь Сперанский был сыном бедного священника и воспитанником семинарии. Своими первоначальными успехами по службе он был обязан покровительству генерал-прокурора князя А.Б. Куракина (он был учителем в доме Куракиных). Проявил он себя и при его преемниках П.В. Лопухине и А.А. Беклешове. А императору Александру о нем много говорил граф В.П. Кочубей. Все они уважали Сперанского и "пользовались им и его пером для всяких работ и проектов". При этом все эти люди очень ценили ум и работоспособность Михаила Михайловича.

После восшествия Александра I на престол Сперанский в звании статс-секретаря поступил к Д.П. Трощинскому, бывшему докладчиком при царе, а после учреждения министерств — к министру внутренних дел В.П. Кочубею.

Биограф Сперанского В.И. Новаковский отмечает:

"Кочубею <…> нужен был человек, который бы занялся приготовительными работами к образованию его будущего министерства. Искусный в выборе людей, он тотчас остановился

на Сперанском, имя которого гремело уже в чиновничьем мире, и втайне поручил ему эти работы. Сперанский охотно взялся за них и, сказавшись больным, перестал являться на службу; он рассчитал, что ему гораздо выгоднее служить при образованном, светском и знатном вельможе, притом любимце государя, чем при начальнике хотя умном и дельном, но зачерствелом в старой приказной колее, с отсталыми понятиями, несогласовавшимися с направлением нового царствования, при человеке, кроме того, звезда которого клонилась уже к падению".

Понятно, что Д.П. Трощинский при этом обиделся, ибо лишился в лице Сперанского своей правой руки, но В.П. Кочубей написал тогда императору:

"Сперанский должен необходимо состоять исключительно при Министерстве внутренних дел и быть поставлен вне всякого прикосновения к прежнему месту своего служения. Зависимость от двух начальников была бы неуместна…"

В результате Сперанский, назначенный управлять Департаментом по государственному благоустройству, быстро стал "душою всего департамента и делал разные перемены, а еще более предполагал их сделать".

Во время болезни В.П. Кочубея доклады императору Александру делал Сперанский, и это стало поводом для их сближения. По словам В.И. Новаковского, Александр был так "очарован отчетливостью докладов, ловкостью и сметливостью в исполнении повелений своего статс-секретаря, умевшего на лету ловить и угадывать каждое слово, что с этого времени стал давать ему разные личные поручения". Как отмечает великий князь Николай Михайлович, "Александр скоро привык к новому для него человеку".

В 1809 году М.М. Сперанский был произведен в тайные советники, что соответствовало чинам генерал-лейтенанта и вице-адмирала. Подобное возвышение "скромного труженика" заставило тогдашнюю аристократию и чиновничий мир вздрогнуть.

В том же 1809 году Сперанский обратил на себя внимание своей активной деятельностью по преобразованиям в государстве. При этом он явно находился под впечатлением своего знакомства с Наполеоном. Став заместителем министра юстиции, Сперанский приступил к коренной ломке существовавшего в России строя, и основанием для его проекта стали Кодекс Наполеона и французская Конституция 1799 года. Как отмечает В.И. Новаковский, после посещения Эрфурта он "очарован был как Наполеоном, так и всем французским. Из сравнения русского с французским еще яснее увидел он необходимость задуманных им

преобразований в своем государстве, где все казалось дурно и потому требовало переделки".

Основной мыслью Сперанского была централизация власти. По его мнению, император должен был обладать всей полнотой власти, а под ним должен был находиться Государственный совет "как посредник между царской властью и прочими управлениями". Этими прочими управлениями должны были стать Государственная дума (законодательное учреждение), министерства (исполнительное учреждение) и Судебный сенат (судебное учреждение). Ниже должны были находиться местные органы: губернские, окружные и волостные.

Став любимцем императора, Сперанский почувствовал свою силу. Он с необыкновенным жаром взялся за дело.

М.М. Сперанский. Художник МЛ. Васильев

К сожалению, Сперанский был один и единомышленников у него было мало. Да и сама Россия, как уже говорилось, тогда еще не была готова к такой коренной ломке. В результате из всех его

задумок увидел свет, по сути, лишь Государственный совет, торжественно открытый в январе 1810 года. По меткому определению великого князя Николая Михайловича, "на деле вышло, что гора родила мышь".

Но и Государственный совет — это было немало. И, естественно, преобразования и проекты Сперанского вызвали множество толков и даже порицаний, как это бывает и при всякой реформе, когда старое заменяется новым.

Конечно же Михаил Михайлович наделал немало ошибок.

В.И. Новаковский пишет:

"Финансовыми своими операциями, особенно возвышением налогов как мерою для покрытия государственных долгов, он возбудил неудовольствие и в народе; а враги, которых у него теперь было много, пользуясь этим, делали самые нелепые толкования исходивших от него бумаг по финансовой части. Но если Сперанский как человек во многом мог ошибаться, то нельзя было отнять у него самого пламенного стремления к добру, правде, ко всему возвышенному. Верный своему правилу: "не устрашаться ропотом, слухами или злословием, он бесстрашно шел к своей цели; а как государственный секретарь, пользовавшийся необыкновенным доверием императора, он имел полную возможность дать ход своим преобразовательным идеям, потому что он же проводил их через Государственный совет, а главное, подносил на высочайшее утверждение, причем при разногласии членов совета государь принимал его сторону".

С этими словами можно согласиться, но только отчасти, ибо император Александр легко увлекался какими-то идеями и какими-то людьми, поддавался влиянию, но при этом часто менял свои пристрастия и очень многое не доводил до конца. Долго продержаться с такой "поддержкой" было трудно, но Михаил Михайлович держался.

4. АЛЕКСАНДР ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

Затаенная вражда опаснее явной.

ЦИЦЕРОН

ПОПЫТКИ СОЮЗА С РОССИЕЙ

Великий князь Николай Михайлович отмечает:

"Хотя Бонапарт всячески старался заручиться симпатиями русского императора, несмотря на ряд неудач, но чаша и его терпения вскоре переполнилась".

Как это понимать?

А это следует понимать так: Бонапарт с его потрясающей способностью быстро ориентироваться в самой сложной обстановке сразу же понял, что "Франция может иметь союзницей только Россию". Этот вывод он сформулировал уже в январе 1801 года, а вот к пониманию этой истины он пришел еще раньше — где-то в начале 1800 года. Для будущего императора французов это было очевидно, но его заботило не отношение к этому во Франции, а то, как добиться союза с Россией, какими средствами, какой ценой?

Сначала расчеты Бонапарта строились на взбалмошном характере Павла I. При этом сам Наполеон был уверен: Франция и Россия "созданы географически, чтобы быть тесно связанными между собой". Интересы Франции и России практически нигде не пересекались так остро, как это имело место в отношениях между Францией и Англией.

Историк А.З. Манфред отмечает:

"Экспансия буржуазной Франции и экспансия русского царизма шли в главном по разным, несоприкасающимся направлениям. Огромная континентальная страна, простиравшаяся от Балтийского и Черного морей до Тихого океана, Россия как европейская и мировая держава была, естественно, заинтересована во всех вопросах Европы и мира. Но в ее политике по отношению к Франции не было тех имманентных противоречий, которые были присущи англо-французским отношениям. Следовательно, если и возникали разногласия по тем или иным вопросам (а они, естественно, должны были возникать), то они не затрагивали коренных интересов обеих стран".

Как видим, стратегический вывод Наполеона имел под собой весьма прочные основания.

Когда Павла I не стало, Наполеон был очень огорчен, но ему, вопреки ожиданиям, удалось найти пути соглашения с новым русским императором. Он послал в Россию с поздравлениями по поводу восшествия на престол Александра I умного и сдержанного Дюрока, который сумел понравиться Александру. Да и Александр Дюроку тоже понравился.

А.З. Манфред пишет:

"Оба молодые (им не было и тридцати лет), они сумели найти дружеский тон, умело дозируемый сознанием разницы положения. Переговоры быстро пошли вперед, и 26 сентября (8 октября) в Париже был подписан мирный договор между Французской республикой и Российской империей".

По мнению этого историка, "это был несомненный успех французской дипломатии, одна из крупных ее побед. Без нее. вероятно, не был бы возможен и Амьен".

Теперь, когда стало понятно, почему Бонапарт "всячески старался заручиться симпатиями русского императора", следует разобраться в том, из-за чего "чаша его терпения вскоре переполнилась".

Дело в том, что послом России во Франции с 1801 года был граф А.И. Морков. По словам Н.М. Карамзина, это был человек "знаменитый в хитростях дипломатической науки", и он считал необходимым противодействовать дальнейшему усилению Франции. Полагая, что разрыв с Францией и сближение с Англией соответствуют интересам России, он в 1803 году воспрепятствовал осуществлению плана Наполеона прибегнуть к посредничеству Александра I по вопросу о Мальте.

Л.Н. Толстой в романе "Война и мир" рассказывает, что Бонапарт однажды, желая испытать Моркова, "нарочно уронил перед ним платок и остановился, глядя на него". В ответ Аркадий Иванович "тотчас же уронил рядом свой платок и поднял свой, не поднимая платка Бонапарта".

Подобное поведение русского посла, часто граничившее с дерзостью, и его откровенные антифранцузские настроения привели к большим проблемам. В результате по настоянию Наполеона Александр отозвал А.И. Моркова из Парижа, заменив его Петром Яковлевичем Убри, дипломатом голландского происхождения, отец которого приехал в Россию и служил советником в Коллегии иностранных дел. Кстати сказать, именно Убри вел в Париже активную разведывательную деятельность, именно он 28 августа 1804 года (через пять месяцев после расстрела герцога Энгиенского) вручил Министерству

иностранных дел Франции ноту о разрыве отношений между Россией и Францией.

Убри выехал из Парижа 20 сентября 1804 года. Одновременно было предписано покинуть Санкт-Петербург французскому представителю генералу Жозефу д'Эдувиллю. В ответ, как пишет великий князь Николай Михайлович, Наполеон приказал Талейрану написать ноту протеста, "но пересолил. В ответе было прямо сказано, что, когда в Петербурге был умерщвлен император Павел <…>, никто из заговорщиков не был наказан. Этот намек Наполеона никогда не был ему прощен…"

"НАПОЛЕОН ИЛИ Я…"

Император Александр I всегда имел склонность к внешней политике. В июле 1801 года, начиная вырабатывать основы своей внешней политики, он рассуждал так:

"Великая держава, если она руководствуется справедливостью, может действовать открыто <…>. Мои посланники обязаны защищать интересы великой империи, действовать твердо и прямодушно, но они не должны забывать, что их государь никогда не пожелает злоупотреблять своим могуществом, что он уважает права и правительств, и независимость наций".

Следует отметить, что Александр вступил на престол в весьма бурное время. Его отец, император Павел I, недовольный действиями своих союзников, сблизился с тогдашним французским правительством и объявил в 1801 году войну Англии. После этого грозный британский флот двинулся в Балтийское море и остановился в виду русских берегов. В сентябре 1800 года англичане захватили Мальту, и Павел I начал формировать антианглийскую коалицию, в которую должны были войти Швеция, Пруссия и Дания. А 12 (24) марта 1801 года Павла I не стало.

Александр, заняв место отца, изъявил желание прекратить эту никому не нужную войну, и Лондон с радостью принял это предложение. В результате 5 (17) июня между обеими державами был подписан мирный договор. А потом последовали мирные договоры с Испанией и Францией.

А вскоре (в марте 1802 года) был заключен Амьенский мир между Францией и Англией, означавший распад Второй антифранцузской коалиции.

Александр I. Художник Дж. Доу

Все уже клонилось к заключению общего мира, к утверждению спокойствия и благоденствия. Но, к сожалению, в Европе Александр правил не один. Примерно в одно время с ним возник на горизонте, как пишет Н.И. Греч, "блистательный метеор, с необычайной силой сжавший в себе все бурные стихии кровавой революции французской". Это был Наполеон Бонапарт, который "изумил величием своего гения весь тогдашний мир; он успокоил Францию, победил и усмирил несметных врагов ее, пролил реки обилия и богатства на свое отечество, озарил его блистательною славою, но недолго пользовался бескорыстным удивлением современников". Бесконечные нарушения прав человека, покушения на чужую собственность, жертвование общим благом ради возвышения членов своего многочисленного семейства и, наконец, злодейское убийство ни в чем не повинного герцога Энгиенского — все это открыло глаза Европе.

Первой восстала против него Англия. Что же касается Александра, то он с самого начала возненавидел Наполеона, которого считал "исчадием ада", "злым гением" революции и своим главным конкурентом. Про него он говорил: "Наполеон или

я, я или он, но вместе мы не можем царствовать". Или вот еще его слова: "В Европе нет места для нас обоих. Рано или поздно один из нас должен уйти".

А в 1802 году, когда Наполеон объявил себя пожизненным консулом, Александр написал Лагарпу:

"Я совершенно переменил, так же как и вы, мой дорогой, мнение о первом консуле. Начиная с момента установления его пожизненного консульства, пелена спала: с этих пор дела идут все хуже и хуже. Он начал с того, что сам лишил себя наибольшей славы, которая может выпасть на долю человеку. Единственно, что ему оставалось, доказать, что действовал он без всякой личной выгоды, только ради счастья и славы своей родины, и оставаться верным Конституции, которой он сам поклялся передать через десять лет свою власть. Вместо этого он предпочел по-обезьяньи скопировать у себя обычаи королевских дворов, нарушая тем самым Конституцию своей страны. Сейчас это один из самых великих тиранов, которых когда-либо производила история".

Как видим, забота о конституционном строе Франции тогда беспокоила Александра. И его слова вовсе не следует считать демагогией, так как все последние годы он исповедовал именно эти принципы, да и процитированное выше письмо носило сугубо личный характер. Вывод: Александр совершенно верно уловил державные претензии корсиканца.

И это было не просто ревнивое отношение монархической России к новой либеральной Франции, но и личная конкуренция Александра с Наполеоном, который сознательно или бессознательно был выбран на роль героя-антагониста.

Исходя из этого, Александр и строил свою внешнюю политику. В результате уже в 1805 году путем заключения ряда договоров была оформлена новая антифранцузская коалиция, и в сентябре того же года отважный русский император лично отбыл в действующую армию.

ПЕРВЫЕ ВОЙНЫ ПРОТИВ НАПОЛЕОНА

В свою очередь, Наполеон решительно двинул свои войска на Вену.

В знаменитой "битве трех императоров" при Аустерлице союзная армия насчитывала 85 000 человек, из которых русских было примерно 60 000 человек. У Наполеона людей было намного больше, и это в конечном итоге предопределило исход

сражения, хотя непосредственно на поле боя у французов оказалось не более 75 000 человек.

Потери Наполеона составили около 10 000 человек, потери союзников — около 27 000 человек. Сражение было проиграно, императоры Александр и Франц бежали с поля боя, а главнокомандующий М.И. Кутузов едва спасся от плена. Тем не менее, оценивая несколько лет спустя действия русских в этом сражении, Наполеон написал:

"Под Аустерлицем русские оказали более мужества, нежели в других битвах со мною".

В конечном итоге 22 ноября (4 декабря) 1805 года было заключено перемирие, согласно которому остатки русских войск вынуждены были покинуть территорию Австрии. По сути, это означало распад третьей антифранцузской коалиции.

8 (20) июня 1806 года в Париже был подписан русско-французский мирный договор, но Александр отказался его ратифицировать. В том же году, в сентябре, Пруссия начала очередную войну против Франции. Надо сказать, что Александр почему-то очень любил Фридриха-Вильгельма III, а посему он тут же объявил о выступлении России против Франции, направив на помощь королю Пруссии два корпуса общей численностью 100 000 человек. Так была сформирована четвертая антифранцузская коалиция, в которую вошла еще и Англия.

В ответ на это Наполеон в сражениях под Йеной и Ауэрштедтом разгромил пруссаков и 12 октября 1806 года вступил в Берлин.

В марте 1807 года Александр выехал к армии и 5 апреля прибыл в главную квартиру генерала Л.Л. Беннигсена. Вслед за этим последовали ожесточенные сражения под Голымином и Пултуском, но они не выявили победителей.

Генеральное сражение произошло 26–27 января (7–8 февраля) 1807 года при Прейсиш-Эйлау. У Наполеона на тот момент было 65 000 человек, у союзников — 75 000—80 000 человек, и потери оказались примерно равными (от 20 000 до 25 000 человек). Русские войска начали отход, а у французов не было сил препятствовать этому. Знаменитый наполеоновский маршал Ней, глядя на тысячи убитых и раненых, не удержался тогда и воскликнул:

— Что за бойня, и без всякой пользы!

Тем не менее Наполеон объявил себя победителем, тем более что к этому времени главные силы русской армии были отвлечены на войны с Турцией и Персией. Это давало Наполеону большое численное превосходство.

Тем не менее под Гейльсбергом генерал Л.Л. Беннигсен

отразил атаки французов, а вот под Фридландом численное превосходство наполеоновской армии сыграло решающую роль. В сражении 2 (14) июня 1807 года у Наполеона было 80 000 человек, у русских — 75 000 человек. Потери составили соответственно 10 000 человек и 20 000 человек. К тому же французы захватили множество русских пушек и знамен.

После сражения Наполеон сказал:

— Фридланд стоит Аустерлица, Йены и Маренго, годовщину которого я праздную сегодня!

Тем не менее беспристрастный очевидец сражения лорд Джон Хели-Хатчинсон, находившийся при главной квартире генерала Беннигсена, написал английскому правительству так:

"Мне недостает слов описать храбрость русских войск; они победили бы, если бы только одно мужество могло доставить победу".

И все же Наполеон одержал решительную победу, и главным итогом этого стало подписание Тильзитского мира.

5. ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР

В политике можно объединяться ради известной цели даже с самим чертом — нужно только быть уверенным, что ты проведешь черта, а не черт тебя.

КАРЛ МАРКС

ВСТРЕЧА НА СЕРЕДИНЕ РЕКИ

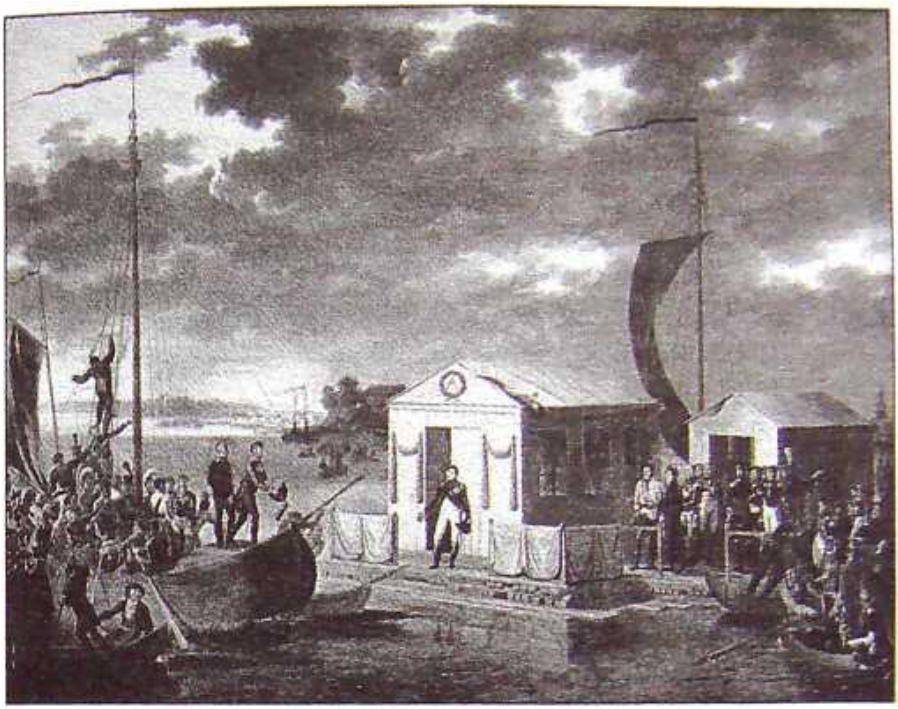
Для этого Александр встретился с Наполеоном в период с 25 июня по 9 июля 1807 года в городе Тильзите (ныне это город Советск), что на реке Неман. Встречи происходили в палатке, сооруженной на пароме, стоявшем посередине реки.

В своих "Мемуарах" Талейран описывает это так:

"Страх, посеянный среди русских последней битвой, вызвал у них решительное желание окончить эту великую борьбу. Свидание на Немане, предложенное императором Александром, было так романтически задумано и могло быть так великолепно осуществлено, что Наполеон, видевший в нем блестящий эпизод для поэмы своей жизни, на него согласился. Там были заложены основы мира. Оттуда все отправились в Тильзит…"

Как рассказывают очевидцы, во время решающей встречи от двух противоположных берегов отплыли две лодки. На одной находился Наполеон с маршалами Мюратом, Бертье и Бессьером, обер-гофмаршалом Дюроком и обер-шталмейстером Коленкуром; на другой — император Александр I, его брат Константин Павлович, генералы Л.Л. Беннигсен и Ф.П. Уваров, князь Д.И. Лобанов-Ростовский, граф Х.А. Ливен и министр иностранных дел барон А.Я. Будберг.

Ф.В. Булгарин в своих "Воспоминаниях" пишет: "Наполеон прибыл несколькими минутами прежде на паром, и подал императору нашему руку <…>. Рука об руку, они вошли в павильон в виду многочисленных зрителей, которыми усеяны были оба берега…



Тильзитский мир. Встреча Александра I и Наполеона в павильоне на середине Немана. Художник А.-Э.-Г. Рён

Судьба и вся будущность Европы и, можно сказать, всего образованного мира сосредоточены были на этом пароме! Здесь были два полные властелина Севера и Запада Англия ничего не значила на твердой земле; другие государства уже не имели никакого голоса".

По условиям этого мирного договора Россия вынуждена была признать все завоевания Наполеона и присоединиться к объявленной Наполеоном Континентальной блокаде, направленной против Англии. Таким образом, Россия должна была полностью отказаться от торговли со своим главным партнером, что для нее было крайне невыгодно. Кроме того, Франция и Россия обязались помогать друг другу в любой наступательной и оборонительной войне, где только это ни потребуется.

Помимо этого на территории польских владений Пруссии Наполеон образовал Герцогство Варшавское, полностью зависимое от Франции, а Россия была вынуждена признать и это.

Более того, она должна была вывести свои войска из Молдавии и Валахии, признать Рейнский Союз, созданный Наполеоном из немецких княжеств, вышедших из состава Священной Римской империи, а также Жозефа Бонапарта —

королем неаполитанским, Луи Бонапарта — королем голландским, а Жерома Бонапарта — королем вестфальским.

По мнению Талейрана, император Александр был удовлетворен тем, "что он ничего не терял и даже кое-что приобретал, <…> и тем, что ему удалось обойтись без ущерба для своего самолюбия перед лицом своих подданных".

Согласиться с таким мнением невозможно. На самом деле Тильзитский мир стал блестящей победой Наполеона над Александром, и был он почти целиком в пользу Франции. Правда, Россия получила незначительное территориальное расширение — Белостокскую область, но зато она брала на себя такого рода обязательства, которые шли вразрез с ее интересами, и тяжесть этого обстоятельства должна была обнаружиться в весьма недалеком будущем.

По сути, в Тильзите Россия признала все последние завоевания Наполеона и признала его братьев Жозефа, Луи и Жерома соответственно королями Неаполя, Голландии и Вестфалии. Кроме того, Александр согласился на присоединение России к задуманной Наполеоном Континентальной блокаде его главнейшего врага — Великобритании. По итогам Тильзитских соглашений был оформлен русско-французский союз.

По мнению историка А.К. Дживелегова, Александру "нужно было усыпить малейшие подозрения Наполеона", и он "решил не останавливаться для этого ни перед чем, даже перед унижениями". Но при этом его "ненависть к Наполеону не утратила ни силы, ни остроты, но он сумел ее скрыть".

КРЕСТ ВСЕОБЩЕГО НЕДОВОЛЬСТВА

Естественно, Тильзитский мир был очень неприветливо встречен в России, можно даже сказать — с негодованием. Русскому обществу он показался национальным унижением и изменой по отношению к своим союзникам. Недаром же и многие русские политические деятели, и прусские диплома ты находили поведение Александра "предательским".

Как следствие Александр I сразу же по возвращении домой почувствовал перемену в отношении к нему столичной аристократии. В отношениях последней было много предупредительности, придворной вежливости, но зато отсутствовали доверие и чувства симпатии к государю. В столице на сентиментальную душу монарха явно повеяло холодом, в особенности когда его недавние друзья, бывшие члены "Негласного комитета", открыто или тайно начали выражать ему

свое неудовольствие по поводу Тильзитского мира.

При первой же встрече преданный Александру Н.Н. Новосильцев попросил об отставке, указывая, что новая политическая система противна его убеждениям. При этом он сказал:

— Государь, я должен вам напомнить о судьбе вашего отца.

Вскоре в "долгосрочный отпуск" ушел и В.П. Кочубей.

Конечно же Александр знал о настроениях в обществе. Как отмечает А.Н. Архангельский, "едва ли не впервые он смотрел на вещи трезво и горько. Более того: именно после Тильзита он добровольно понес крест всеобщего недовольства". И, что характерно, "страшным для него было не поражение как таковое, даже не унизительность условий предстоящего мира; страшным был крах задуманного исторического сюжета, в жертву которому было принесено все: экономика России, жизни сотен тысяч русских солдат, карьера "молодых друзей", здравый смысл. Вопреки осторожным советам окружения, царь в 1805-м сам встал во главе войск, ибо это ему принадлежала идея преображения европейской истории на путях либеральной монархии; это он блистающим всадником должен был явиться на поле брани и повергнуть в прах антихристова посланника. Теперь же приходилось не только склонять голову перед сильным врагом, но и отрекаться от своего собственного метафизического призвания. По крайней мере — на время изменить ему".

К сожалению, реальное положение дел требовало от Александра сохранения мира любой ценой. В одном из писем к сестре он написал:

"Бонапарт думает, что я дурак, но хорошо смеется тот, кто смеется последний".

Очевидно, что Александр I не сдался. Однако новая международная обстановка требовала новых людей, а посему ненавидевший Наполеона барон А.Я. Будберг был сменен на посту министра иностранных дел более покладистым графом Н.П. Румянцевым, а личных друзей императора заменил М.М. Сперанский, открыто высказывавший свою симпатию Франции. Военным же министром вместо графа С.К. Вязьмитинова стал граф А.А. Аракчеев.

Историк С.П. Мельгунов характеризует значение Тильзитского соглашения так:

"Французский историк Вандаль так охарактеризовал значение Тильзита: это "искренняя попытка к кратковременному союзу на почве взаимного обольщения". Трудно, конечно, сказать,

насколько искренен был Александр в своем обольщении Наполеоном; насколько искренен был он, когда говорил Савари: "Ни к кому я не чувствовал такого предубеждения, как к нему (т. е. Наполеону), но после беседы… оно рассеялось, как сон". Может быть, здесь сказывалось то "в высшей степени рассчитанное притворство", <…> которое в области дипломатии у Александра доходило до виртуозности. В этом, по-видимому, солидарны все современники".

РУССКО-ШВЕДСКАЯ ВОЙНА

Развитие русско-французских отношений после Тильзитского мира не могло не отразиться на отношениях России и Швеции. Положение последней стало крайне затруднительным, ибо страна управлялась крайне своенравным и недальновидным королем Густавом IV Адольфом. Кроме того, она очутилась теперь между двух огней: Франции с Россией — с одной стороны, и Англии — с другой. И королю предстоял непростой выбор, ибо политика нейтралитета была теперь невозможна.

В результате Густав IV Адольф выбрал Англию, помогавшую Швеции денежными субсидиями, и это стало главной причиной войны его страны с Россией.

Впрочем, с русской стороны была и другая причина, и ее четко обозначает Н.И. Греч в своей книге "Записки о моей жизни":

"На войну со Швецией надобно смотреть с иной стороны. Правительство наше имело к России обязанности обеспечить северо-западную ее границу. Владения Швеции начинались в небольшом отдалении от Петербурга. Крепости ее владычествовали над северными берегами Финского залива. Финляндия, огромная гранитная стена, давила плоскую Ингерманландию[6]".

По сути, красноречивее описать господствовавшие тогда настроения невозможно.

В результате в начале февраля 1808 года русские войска вторглись в Финляндию, принадлежавшую тогда Швеции, а 9 (21) февраля была объявлена война. Вслед за этим русские войска под командованием генерала Ф.Ф. Буксгевдена вторглись в Финляндию. Потом русские быстро заняли Гельсингфорс (нынешние Хельсинки), осадили Свеаборг, взяли Аландские острова и Готланд. В результате шведская армия была вытеснена на север Финляндии, и шведский король заключил с генералом Буксгевденом перемирие, но оно не было утверждено Александром.

В декабре 1808 года Буксгевдена сменил генерал фон Кнорринг. 1 (13) марта 1809 года Густав IV Адольф был свегнут, а русские войска развернули новое наступление, переправились через Ботнический залив. В конечном итоге Швеция была вынуждена просить мира, и он был подписан 5 (17) сентября 1809 года в городе Фридрихсгаме. Согласно этому договору, к России отошли вся Финляндия (на правах Великого княжества) и Аландские острова, а Швеция, потеряв статус великой державы, обязалась разорвать отношения с Англией и присоединиться к Континентальной блокаде.

Первым генерал-губернатором Финляндии был назначен герой этой войны М.Б. Барклай-де-Толли, а потом, уже в 1810 году, он стал военным министром России.

6. КРИЗИС СОЮЗА С НАПОЛЕОНОМ

Тот, кто имеет союзников, уже не вполне независим.

ГАРРИ ТРУМЭН

ЭРФУРТСКАЯ ВСТРЕЧА ДВУХ ИМПЕРАТОРОВ

А в сентябре 1808 года Александр еще раз встретился с Наполеоном — на этот раз в саксонском городе Эрфурте. И там 30 сентября (12 октября) 1808 года была подписана секретная конвенция, согласно которой Наполеон согласился на присоединение к Российской империи Финляндии, Молдавии и Валахии, а император Александр I — на признание Жозефа Бонапарта, старшего брата Наполеона, королем Испании (на троне в Неаполе его сменил маршал Мюрат, женившийся на одной из сестер Наполеона). Кроме того, Россия вновь обязалась помогать своему "союзнику" в его предстоящей войне с Австрией.

Тем не менее свидетели Эрфуртской встречи двух императоров заметили, что, несмотря на внешние изъявления взаимной дружбы, между великими монархами уже не было никакой искренности. И стало понятно, что Александр не простил былых обид, а властолюбие Наполеона так и не смогло свыкнуться с мыслью, что для успеха своих замыслов ему необходимо согласие русского императора. Но тогда время для окончательного разрыва между этими могучими соперниками еще не настало.

С российской стороны помимо самого Александра в Эрфурт приехали министр иностранных дел граф Н.П. Румянцев, обер-гофмаршал граф Н.А. Толстой, посол во Франции граф П.А. Толстой, князья П.М. Волконский, П.Г. Гагарин и В.С. Трубецкой, а также М.М. Сперанский и многие другие.

В своих "Мемуарах" Талейран так пишет о планах Наполеона:

"Будучи невысокого мнения о талантах и характере императора Александра, он надеялся на успех. Он предполагал сначала запугать его, а затем воздействовать одновременно на его тщеславие и честолюбие".

В Эрфурте Талейран, начавший уже "отделять свою судьбу от судьбы Наполеона", встретился с Александром и заявил ему:

— Государь, для чего вы приехали сюда? Вам надлежит

спасти Европу, и вы в этом преуспеете, если только будете противостоять Наполеону. Французы — цивилизованный народ, а их правитель — нет. Правитель России цивилизован, а народ — нет. Значит, русский государь должен быть союзником французского народа.

Следует заметить, что Александру Талейран был крайне несимпатичен. Дело в том, что он всю жизнь не мог простить французскому министру иностранных дел ту самую ноту, в которой намекалось на соучастие Александра в убийстве его отца Павла I. По этой причине подобные речи ближайшего советника Наполеона показались Александру удивительными и даже подозрительными. Конечно же он не поверил ни одному его слову.

А Талейран тем временем продолжал, говоря о том, что естественные границы Франции проходят по Рейну, Альпам и Пиренеям.

— Все остальное — завоевания императора. Франции нет до них никакого дела.

Французский дипломат и в самом деле был не согласен с безудержными завоевательными планами Наполеона. Принято считать, что после этого, для того чтобы доказать серьезность своих намерений, Талейран вдруг начал выдавать русским один секрет Наполеона за другим, указывая границы, до которых можно доходить в решении спорных вопросов, не вызывая окончательного разрыва.

Историк А.З. Манфред по этому поводу даже высказывается так:

"Талейран пытался оправдать свое беспримерное предательство тем, что, изменяя Наполеону, он действовал будто бы в интересах Франции. То были, конечно, софизмы. Талейран действовал в своих личных интересах и в интересах Австрии".

Кстати, софизм — это ложное высказывание, которое при поверхностном рассмотрении кажется правильным. На наш взгляд, в данном случае подобное определение неверно, ибо Талейран действительно думал об интересах Франции, уставшей от бесконечных войн, но это уже тема совсем другой книги…

Что же до Наполеона, то он приехал в Эрфурт 27 сентября утром, сопровождаемый только маршалом Бертье. Потом приказание отправиться в Эрфурт получили маршалы Сульт, Даву, Ланн, Мортье и Удино, генералы Дюрок, Сюше, Нансути, Клапаред, секретари Фэн и Меневаль, а также Дарю, Шампаньи и другие.

На другой день оба императора обговорили порядок дня на

время своего пребывания вместе. Они условились, что каждый из них оставит себе утро для личных дел, время после полудня будет посвящено вопросам политики и официальным приемам, а вечер — развлечениям.

В ходе переговоров Талейран усиленно старался делать вид, что он находится в тени, но при этом он планировал вести свою собственную игру — игру пока скрытого, но вполне сформировавшегося противника Наполеона.

По сути, каждое утро Талейран обсуждал ход переговоров с Наполеоном, а каждый вечер — с Александром.

В начале переговоров Наполеон самоуверенно говорил:

— Мне кажется, что император Александр готов сделать все, что я захочу.

Но постепенно его тон начал меняться.

А в это время Талейран настраивал императора Александра:

— Австрийский представитель барон фон Винцент надеется, что Ваше Величество не позволит императору Наполеону толкнуть вас на мероприятия, угрожающие Австрии. Что касается меня, то я испытываю такие же желания.

— Я тоже этого хочу, — неуверенно отвечал Александр, — но это очень трудно, так как мне кажется, что император Наполеон очень раздражен.

По свидетельству Талейрана, Наполеон в Эрфурте стал "предупредителен, дружественен и откровенен с императором Александром. Соглашение, сделавшееся таким бессодержательным, было заключено почти без всяких возражений; казалось, что Наполеон испытывает истинное желание делать лишь то, что может быть угодно его августейшему союзнику".

Понятно, что это не так. Возражения были, и переговоры проходили совсем не так гладко. Например, во время одной из официальных встреч Наполеон, в очередной раз натолкнувшись на неожиданное упорство русской стороной, вспылил, бросил на пол свою шляпу и начал топтать ее ногами. Александр с улыбкой посмотрел из него, помолчал немного, а затем спокойно сказал:

— Вы вспыльчивы, а я упрям. Гневом от меня ничего не добьешься. Поговорим, обсудим — иначе я ухожу.

И он направился к двери, а Наполеону оставалось только замолчать и удержать его, но при этом его дело нисколько не подвинулось вперед.

Наполеон, видя упорство Александра, ничего не мог понять, а посему сильно нервничал. В связи с этим биограф Талейрана Жан Орьё утверждает:

"Если бы Наполеон вел переговоры с Александром один на

один, он бы его победил. Царь был слабым и безвольным, обаяние и интеллектуальная мощь императора его бы пересилили. Взяв себе в помощники Талейрана, Наполеон добился противоположного результата по сравнению с тем, что он ожидал: Талейран разрушил влияние, которое тот имел на царя".

На самом деле в ходе переговоров император Александр с каждым днем становился все более и более уверенным в себе и невозмутимым. Наполеон, видя это, все более и более раздражался. И вот однажды он сказал Талейрану:

— Я ничего не достиг с императором Александром. Я обрабатывал его со всех сторон, но не подвинулся ни на шаг вперед.

— Сир, — возразил ему Талейран, — мне кажется, что за ваше пребывание здесь вы уже многого достигли и император Александр совершенно поддался вашему обаянию.

— Он это только изображает, и вы им одурачены! — воскликнул Наполеон. — Если он меня так любит, то почему же он не соглашается со мной и не ставит свою подпись?

— Сир, в нем есть нечто рыцарское. Он считает, что его чувства к вам обязывают его больше, чем какие-то договоры…

— Это все вздор!

И в конечном итоге Наполеон начал уступать. Более того, он действительно вдруг пустился в откровения с императором Александром.

— Беспокойная жизнь меня утомляет, — говорил он, — я нуждаюсь в покое и стремлюсь лишь дожить до того момента, когда можно будет безмятежно отдаться прелестям семейной жизни, к которой меня влекут все мои вкусы. Но это счастье создано не для меня. Без детей не может быть семьи, а разве я могу их иметь! Моя жена старше меня на десять лет. Я прошу простить меня: все, что я говорю, может быть, смешно, но я следую движению своего сердца…

И вот тут-то, как утверждается, впервые было произнесено слово "развод".

В Эрфурте в конечном итоге Наполеон подписал конвенцию, которую многие считают провальной, ибо она не дала ему ничего нового по сравнению с тем, о чем было договорено еще в Тильзите. По сути, как утверждает историк Виллиан Слоон, к концу эрфуртской встречи "император Александр добился от Наполеона выполнения если не всех, то, по крайней мере, весьма многих своих требований".

А Талейран после этого заявил в кругу своих близких людей:

— Знаете, все спасают Францию. Это случается по три-четыре

раза в год. В Эрфурте я спас Европу.

Наполеон и Александр I на конной прогулке в окрестностях Эрфурта

Императоры расстались 2 (14) октября 1808 года, обнявшись на прощание. Союзный договор между ними был подписан, но он так никогда толком и не соблюдался.

А за пять дней до этого Наполеон написал своей жене Жозефине:

"Я был на балу в Веймаре. Император Александр танцевал, а я нет, сорок лет — это сорок лет".

Похоже, именно в Эрфурте он в первый раз стал жаловаться на возраст. Всем остальным, если судить по его переписке, он был доволен. Той же Жозефине, например, он писал:

"Все идет хорошо. Я доволен Александром, а он должен быть доволен мной. Если бы он был женщиной, я думаю, что это была бы моя возлюбленная".

Однако, по мнению А.З. Манфреда, "то была лишь игра. За лицевой, парадной стороной эрфуртского свидания, за дружескими рукопожатиями и улыбками скрывалась невидимая посторонним неожиданно острая борьба".

Со времен Тильзита Наполеон получал от самого Александра многократные заверения в прочности союза России и Франции. Но "тильзитский угар" быстро рассеялся, "трезвые расчеты оттеснили сантиметры", и Наполеон понял, что Александр гораздо хитрее, чем это казалось. Много позже, уже на острове Святой Елены, Наполеон оценивал Александра так:

"Русский император — человек, стоящий бесконечно выше всех остальных. Он обладает умом, изяществом, образованием; он обольстителен; но ему нельзя доверять: он неискренен, это истинный византиец эпохи упадка империи <…>. Если я здесь умру, он будет моим подлинным наследником в Европе".

В устах скупого на похвалы Наполеона столь высокая оценка многого стоит.

Как уже говорилось, в Эрфурте была подписана конвенция между Россией и Францией.

В преамбуле к основному тексту этого документа говорилось:

"Его Величество император всероссийский и Его Величество император французов, король итальянский, протектор Рейнского союза, желая придать соединяющему их союзу более тесный и навеки прочный характер…" и т. д.

Навеки прочный? Во всяком случае, так написано на бумаге, скрепленной подписями и печатями. Но можно ли было верить подобным официальным заявлениям?

Перед самым прощанием Наполеон и Александр вдвоем поехали за город, где Александра ожидали кареты. Там они спешились и долго еще ходили взад и вперед, оживленно беседуя.

О чем они говорили? Это так и осталось неизвестным. Потом два императора крепко пожали друг другу руки, потом обнялись и расцеловались. Это была их последняя встреча…

ПРОВАЛ "РУССКОГО ПРОЕКТА"

А в 1810 году Наполеон развелся с Жозефиной, оказавшейся неспособной подарить ему законного наследника, и встал вопрос о новом браке. Так вот, в качестве одной из претенденток рассматривалась великая княжна Анна Павловна, младшая сестра императора Александра I. Но тогда в России слишком затянули с ответом. По официальной версии, Анна Павловна была еще слишком молода, ей было всего пятнадцать. Конечно же это была лишь отговорка, и конечно же все прекрасно поняли, что

Александр ни за что не отдаст свою малолетнюю сестру за французского "злого гения".

Кое-кто из историков в связи с этим даже делает вывод о том, что "Наполеон посчитал себя оскорбленным, и это было одной из причин последовавшего в 1812 году похода на Москву".

Чтобы разобраться, рассмотрим этот вопрос более подробно.

Наполеон, как известно, был человеком действия, и он не мог себе позволить предаваться долгим раздумьям. После развода ему нужно было срочно жениться, как он сам говорил, "на брюхе", то есть на высокородной принцессе королевских кровей, способной родить ему сына. Плюс это должен был быть политический брак, и тут у Наполеона не имелось особо большого выбора — либо Россия, либо Австрия.

Других вариантов, по сути, и не было. На свете кроме Франции были лишь три великих державы: Англия, Россия и Австрия. Но с Англией постоянно шла война не на жизнь, а на смерть. Оставались только Россия и Австрия. Но Россия ответила ему фактическим отказом, а вот в Вене Габсбурги, имевшие богатый опыт беспринципных сделок в любой сфере, отнеслись к предложенному варианту как к счастливой находке, как к Божьему дару, вдруг упавшему с небес.

В России, как уже говорилось, кандидаткой № 1 была Анна Павловна, родившаяся 7 (18) января 1795 года. Таким образом, когда Наполеон изъявил желание жениться на ней, она была великой княжной, и ей еще не исполнилось пятнадцати лет.

По донесению тогдашнего французского посла в России Армана де Коленкура она выглядела так:

"Высока ростом для своего возраста и <…> вполне сформирована физически. Рост ее, стан — все указывает на это. У нее прекрасные глаза, нежное выражение лица, любезная и приятная наружность, и хотя она не красавица, но взор ее полон доброты. Нрав ее тих и, как говорят, очень скромен. Доброте ее дают предпочтение перед умом. Она уже умеет держать себя, как подобает принцессе, и обладает тактом и уверенностью, необходимыми при дворе".

Историк Альбер Вандаль рассказывает:

"Выбор его остановился на великой княжне Анне, сестре Александра. Этот выбор был естественным, законным, почти вынужденным. Прежде всего, он отвечал желанию быстрой развязки, которая руководила действиями императора за все время этого дела. Затем, между Наполеоном и Александром этот вопрос не был новым, так как в Эрфурте, в минуту откровенной беседы, подготовленной Талейраном, императоры говорили о

женитьбе Наполеона и произнесли имя младшей дочери Павла I. В то время Анна Павловна только что вышла из детского возраста, и вопрос о ее замужестве мог быть рассматриваем только как желательное будущее. С тех пор прошло тринадцать месяцев. Великой княжне было почти пятнадцать лет. Можно было предполагать, не имея, конечно, безусловной в том уверенности, что с тех пор физически она настолько развилась, что можно думать о ее замужестве. Ее чрезмерная молодость, которая предоставляла известные затруднения в то время, по-видимому, не была уже препятствием <...>. После разговора в Эрфурте сватовство не должно было вызвать в Петербурге удивления. Казалось, что на этой уже подготовленной почве все пойдет легче и скорее, чем в другом месте. Для Наполеона, по его собственному признанию, "было требованием безусловного приличия" никоим образом не искать другой партии прежде, чем он не переговорит окончательно с Россией. По его словам, если бы он пренебрег этим долгом приличия, этим обязательством, которые налагала на него дружба, он рисковал бы нанести новый удар согласию двух дворов и дать царю законный повод к неудовольствию и обиде".

По сути, такой семейный союз, если бы его удалось заключить, должен был убедить обоих монархов в искренности их взаимных чувств. По мнению Альбера Вандаля, "Александр нашел бы в нем доказательство, что Наполеон остается непоколебимо верным в своем предпочтении и в своих симпатиях. Со своей стороны, и Наполеон получил бы наконец от России столько раз и так горячо просимое доказательство ее дружбы".

Александр всегда умел говорить красиво и никогда не жалел обещаний, но каждый раз, когда дело шло о том, чтобы проявить свою дружбу к Наполеону на деле, он под разными предлогами уклонялся. Точно так же все получилось и с согласием на брак с его сестрой.

Для начала Александр заявил, что такой семейный союз является его самым дорогим желанием, но дело зависит не от него: право решения принадлежит его матери. По большому счету, это было правдой: вдовствующая императрица пользовалась полной властью над своими дочерьми и выдавала их замуж по своему усмотрению.

Арман де Коленкур знал об этом, и он счел своим долгом проинформировать об этом Наполеона в письме, написанном 4 февраля 1809 года. "С первым предложением, равносильным официальному, — писал он, — обращаются к матери". Но Наполеон. по словам Вандаля, "считал себя слишком крупной величиной, чтобы идти этим путем. Что ему за охота считаться с

волей женщины и почтительно отдавать на ее усмотрение дело великого государственного значения? Кроме того, он считал невозможным, чтобы Александр, хозяин в империи, не был бы таковым и в своей семье".

В любом случае письмо Колен кура так и осталось без ответа. С другой стороны, во второй половине ноября 1809 года он приказал генералу начать переговоры. А 16 декабря того же года официально вступил в силу его развод с Жозефиной.

Соответственно, Александру I было направлено письмо, в котором Коленкур писал:

"Могу ли я известить, что можно рассчитывать на вашу сестру? Подумайте об этом, Ваше Величество, в течение двух дней и ответьте мне откровенно, не как посланнику Франции, но как человеку, глубоко преданному обоим семействам. Я не делаю формального предложения, я прошу только искренне высказать мне ваше мнение. Если я решаюсь на этот шаг, то только потому, что более чем привык говорить Вашему Величеству все, что думаю, и не боюсь, что вы когда-либо поставите меня в неловкое положение".

То есть официального предложения сделано не было, но зато Коленкуру поручили в глубочайшей тайне, делая вид, что он действует по собственному побуждению, основательно прояснить этот вопрос.

По мнению Альбера Вандаля, подобная предосторожность "имела целью, если бы дело не пошло успешно, охранить достоинство обоих императоров и их будущие отношения. Употребленный прием представлял еще и ту выгоду, что не обязывал императора бесповоротно. У него было правилом, всячески стараясь обеспечить себя со стороны других, насколько возможно позднее связывать самого себя обязательствами".

Наполеон торопился с этим "русским проектом", и для него важно было получить надлежащие сведения об Анне Павловне: прежде всего, о ее способности сделаться матерью, причем в самом ближайшем будущем, ибо "обеспечение династии и вытекающее отсюда спокойствие Франции не должно было быть отсрочено ни на одну минуту". В декабре 1809 года — развод; до конца января 1810 года — другая императрица, в 1811 году — наследник престола. Это был четкий план, и Наполеон не собирался срывать его из-за чьей-то там нерешительности…

Думая о "русском проекте", Наполеон был уверен, что Александр не сразу согласится на его предложение, и для ускорения процесса он был готов на всевозможные средства, которыми можно было бы задобрить Россию. Но в России все

тянули и тянули с ответом. В результате 29 января 1810 года было собрано специальное совещание высших сановников империи по этому вопросу. Многие, в том числе архиканцлер Камбасерес и министр полиции Фуше, выступили за союз с Россией, но министр иностранных дел Талейран предпочитал австрийский брак.

А в России все тянули с ответом. По официальной версии, Анна Павловна была еще слишком молода. Конечно же это была лишь отговорка. В России ненависть к Наполеону росла с каждым годом, по мере того как усиливались строгости Континентальной блокады. Как бы то ни было, в Санкт-Петербурге попросили отсрочить решение вопроса о браке Анны Павловны с Наполеоном, и последний, сильно раздраженный уклончивостью русского двора, дал понять, что склоняется в пользу "австрийского варианта".

Относительно поведения Наполеона в тот момент историк Десмонд Сьюард пишет:

"Наполеон был ослеплен своей наивной верой, что подобный альянс, которому Господь пошлет сына и наследника, наконец-то даст ему пропуск в крошечный заколдованный круг монархов "старого режима" и что великие сеньоры дореволюционной Франции примут его как законного правителя. Он был далеко неискренен, заявляя с напускной прямотой: "В конце концов я женюсь на утробе". Он убедил себя, что Австрия теперь заинтересована в сохранении его режима, что бы ни случилось, а Россия, возможно, присоединится к альянсу трех императоров. Этот выдающийся политический реалист позволил, чтобы его здравые суждения затмило, грубо говоря, примитивное продвижение по иерархической лестнице".

Князю фон Меттерниху, тогдашнему австрийскому послу в Париже, был передан запрос, согласен ли австрийский император отдать Наполеону в жены свою дочь Марию-Луизу? Из Вены тут же ответили, что Австрия на это согласна.

После этого события начали разворачиваться с калейдоскопической быстротой. 7 февраля 1810 года Наполеон сообщил Александру I о том, что идея о "русском" браке им окончательно отброшена, и тут же был подготовлен "австрийский" брачный договор. Над текстом много не работали: взяли из архива и просто переписали брачный договор, составленный при женитьбе предшественника Наполеона на французском престоле, короля Людовика XVI, на другой австрийской эрцгерцогине, Марии-Антуанетте, которая приходилась тетушкой нынешней невесте Наполеона. Этот брачный договор был отправлен на ратификацию австрийскому императору. Франц быстро его

ратифицировал, и сообщение об этом пришло в Париж 21 февраля.

Одновременно с этим Наполеон послал Марии-Луизе письмо:

"Блестящие качества, что отличают вас от всех остальных, исполнили нас желанием служить вам и почитать вас, и мы, соответственно, обратились к вашему отцу-императору, умоляя его вверить нам счастье вашего императорского высочества".

И уже в начале марта 1810 года маршал Бертье прибыл в столицу Австрии, чтобы официально попросить руки Марии-Луизы от имени Наполеона.

В свою очередь, Анна Павловна в 1816 году вступила в брак с нидерландским наследным принцем Оранским, который потом стал королем Виллемом II.

"Русский проект" провалился, и победителем тут вышел хитроумный Талейран, активно лоббировавший "австрийский вариант". А.З. Манфред в связи с этим констатирует:

"Тем поразительнее допущенная Наполеоном <…> ошибка. Он возложил на Талейрана самую деликатную миссию — дать понять Александру, что Наполеон хотел бы породниться с ним, женившись на его сестре. Психологически трудно объяснить образ действий Наполеона. Как мог он доверить самые важные политические переговоры (а в то время не было ничего важнее союза с Россией!) человеку, вызывавшему его подозрения? То было удивительное ослепление, не случавшаяся до сих пор ни разу потеря интуиции".

7. БОЛЬШАЯ ВОЙНА 1812–1814 ГГ

Война есть продолжение политики другими средствами.

КАРЛ ФОН КЛАЙЗЕВИЦ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА

К сожалению, мир оказался недолгим, так как 12 (24) июня 1812 года Великая армия Наполеона начала вторжение в Россию.

Александр в это время находился на балу у генерала Л.Л. Беннигсена в его имении под Вильном. Здесь он и получил сообщение о переходе войск Наполеона через Неман.

Уже на следующий день Александр отдал приказ по армии о начале войны. В нем было сказано:

"Из давнего времени примечали мы неприязненные против России поступки французского императора, но всегда кроткими и миролюбивыми способами надеялись отклонить оные <…> Но все сии меры кротости и миролюбия не могли удержать желаемого нами спокойствия. Видя его никакими средствами непреклонного к миру, не остается нам ничего иного, как, призвав на помощь Всемогущего Творца Небес, поставить наши силы против неприятельских <…>. Воины! Вы защищаете Веру, Отечество, Свободу. Я с вами. На Зачинающего Бог".

Специальный царский манифест о начале войны с Францией заканчивался словами:

"Я не положу оружия, доколе ни единого неприятельского воина не останется в царстве моем".

Прибыв в действующую армию, Александр не объявил М.Б. Барклая-де-Толли (командующего 1-й Западной армией и военного министра) главнокомандующим и тем самым принял командование на себя. Он одобрил план оборонительных военных действий, разработанный Барклаем, и запретил вести с Наполеоном мирные переговоры до того времени, пока хотя бы один вражеский солдат будет оставаться на русской земле.

Император Александр находился при 1-й Западной армии до отступления ее к Дриссе. Там он оставил главную квартиру и отбыл в Москву, а потом в Санкт-Петербург. Произошло это в

ночь на 7 (19) июля. При этот Александр сделал следующее заявление:

"Все люди честолюбивы; признаюсь откровенно, что и я не менее честолюбив <…>. Но когда я подумаю, как мало я опытен в военном искусстве в сравнении с неприятелем моим и что, невзирая на добрую волю мою, я могу сделать ошибку от которой прольется драгоценная кровь моих детей, тогда, невзирая на мое честолюбие, я готов охотно пожертвовать моею славою для блага армии. Пусть пожинают лавры те, которые более меня достойны их".

Генерал А.И. Михайловский-Данилевский пишет:

"Война 1812 года навсегда останется незабвенною, как повесть событий, беспримерных в летописях военных, как память великого подвига императора Александра и любви к нему и отечеству русского народа. Но не тем только будет бессмертна наша Война Отечественная: она довершила собою ряд происшествий, дотоле неслыханных, и начала новую эпоху в истории государств".

Как мы уже говорили, вхождение России в систему Континентальной блокады Англии, придуманную Наполеоном, было для нее крайне невыгодно. Соответственно, Россия постоянно нарушала условия этой блокады, что вызывало недовольство Наполеона. Еще больше оно было усилено фактическим отказом Александра I выдать за него замуж одну из своих сестер. Но конечно же не это было главной причиной войны. Главной причиной были непомерные амбиции Наполеона и его уверенность в своей непобедимости. А на его пути стоял Александр — "во всей силе, во всем величии". Но как "не светить на небе двум солнцам", так, по мнению Наполеона, ему одному должно было господствовать, не имея рядом равного.

Следственно, именно в самом Наполеоне и в его алчности следует искать истинные причины новой войны с Россией, длившейся почти два года и завершившейся для императора французов полным разгромом.

В планы Наполеона, имевшего в начале войны 600-тысячную армию, входила быстрая победа над русскими войсками в одном или нескольких приграничных сражениях, однако планам этим не суждено было сбыться. Первая русская армия под командованием М.Б. Барклая-де-Толли начала отступать на восток. Вслед за ней начала отступать и вторая армия под командованием П.И. Багратиона. Так стал осуществляться план так называемой

скифской войны, задуманный Барклаем еще во время войны на территории Финляндии, где русским войскам пришлось столкнуться именно с такой тактикой. Заманивание противника имело следующий смысл: прежде всего, с каждым днем наступавшая армия Наполеона таяла, теряя свое преимущество в численности. Кроме того, в наполеоновской армии быстро начались проблемы с продовольствием, с дисциплиной и болезнями, неизбежными на войне. Более того, с первых же дней войны тылы наполеоновской армии начали беспокоить русские партизанские отряды. Конечно, это были не партизаны в ставшем классическим понимании этого слова (с бородами, косами и вилами), а армейские отряды под командованием опытных офицеров, а посему их эффективность была очень высока, к чему Наполеон оказался совершенно не готов.

Еще раз подчеркнем: идея "скифской войны" родилась задолго до 1812 года, и впервые она была выдвинута именно Барклаем-де-Толли. На этот факт обращает внимание ряд весьма уважаемых авторов. Например, А.И. Попов пишет:

"Очевидно, что русское командование заранее предполагало применить "скифскую тактику", — об этом говорят все распоряжения Барклая перед войной и в самом ее начале".

А вот мнение генерала М.И. Богдановича:

"Весьма неосновательно мнение, будто бы действия русских армий в первую половину кампании 1812 года, от вторжения Наполеона в пределы России до занятия французами Москвы, ведены были без всякого определенного плана <…>. Не подлежит сомнению, <…> что план отступления наших армий внутрь страны принадлежит не одним иностранцам <…> и что главный исполнитель этого соображения, Барклай-де-Толли, сам составил его задолго до войны 1812 года".

Генерал М.И. Богданович пишет о Барклае-де-Толли:

"Давно уже он уверен был в необходимости отступать для ослабления неприятельской армии, и это убедительно доказывается словами, им сказанными знаменитому историку Нибуру в то время, когда Барклай, будучи ранен в сражении при Прейсиш-Эйлау 1807 года, лежал на одре болезни в Мемеле. "Если бы мне довелось воевать против Наполеона в звании главнокомандующего, — говорил тогда Барклай, — то я избегал бы генерального сражения и отступал до тех пор, пока французы нашли бы вместо решительной победы другую Полтаву".

Нибур тогда же довел слова Барклая де Толли до сведения прусского министра Штейна, который сообщил их генералу Кнезебеку, а Кнезебек — Вольцогену и Фулю".

Это свидетельство М.И. Богдановича имеет принципиальное значение, и есть смысл разобраться, откуда авторитетный военный историк взял эту информацию. Сам он ссылается на "Мемуары" французского генерала Дюма, опубликованные в Париже в 1839 году.

Гийом-Матьё Дюма, родившийся в 1753 году, был потомственным дворянином. В феврале 1805 года он получил чин дивизионного генерала, участвовал в сражениях при Ульме и Аустерлице, в марте 1806 года стал военным министром при неаполитанском короле Жозефе Бонапарте, а когда тот занял испанский престол, вместе с ним покинул Неаполь и в июле 1807 года стал военным министром Испании.

Как видим, генерал Дюма был человеком весьма серьезным, и допустить какую-то непроверенную информацию с его стороны крайне сложно. Вот дословно что он пишет в своих "Мемуарах":

"Я узнал, что государственный советник Нибур, сын знаменитого датского путешественника, с которым я познакомился во время пребывания в Гольштейне, находится в Берлине. Я поспешил пойти увидеть его; а так как мы заговорили о предстоящей войне против России и о догадках, которые можно было бы сделать относительно наступательных планов императора Наполеона, он мне сказал, что с тех пор, как он узнал о том, что генерал Барклай-де-Толли стал главнокомандующим русскими армиями, он не сомневается, что тот будет реализовывать план оборонительной кампании, который он представил во время Тильзитского мира <…>. Нибур провел три месяца в Мемеле в близких отношениях с Барклаем-де-Толли, который, будучи тяжело ранен при Эйлау, был перевезен в Мемель, куда перебрался двор Пруссии. Нибур отлично запомнил все детали этого плана комбинированных отступлений, которыми русский генерал надеялся завлечь великолепную французскую армию в самое сердце России, даже за Москву, истощить ее, удалить от операционной базы, дать ей израсходовать свои ресурсы и оборудование, а потом, управляя русскими резервами и с помощью сурового климата, перейти в наступление и дать Наполеону найти на берегах Волги вторую Полтаву. Это было страшное и очень верное пророчество; оно мне показалось таким позитивным и таким важным, что, едва присоединившись к генеральному штабу, я тут же поведал о нем князю Ваграмскому. Я не мог сомневаться, что он не доложит об этом императору, но со мной об этом больше не говорили".

Поясним, что упомянутый Нибур — это Бартольд-Георг Нибур, родившийся в Копенгагене и привлеченный в 1806 году министром Штейном на прусскую службу. А князь Ваграмский —

это маршал Луи-Александр Бертье, неизменный начальник генерального штаба Наполеона.

Как видим, генерал Дюма избегает принятых в мемуарах формулировок типа "по слухам…" или "рассказы вали, что…", а называет конкретные имена людей, и это все были люди весьма ответственные и не склонные к фантазиям. В связи с этим довольно спорным выглядит мнение историка В.М. Безотосного, который пишет:

"Мнение Дюма — мемуариста — носит легендарный характер, и как свидетельство, полученное из третьих рук (Барклай — Нибур — Дюма), должно быть взято под большое сомнение. Даже если такой разговор имел место, то одно дело — частное мнение командира бригады, не несущего ответственности за свои слова, коим был Барклай в 1807 году, и совсем другое — план военного министра, принятый после серьезного анализа всех деталей обстановки и трезвой оценки последствий".

Да, в 1807 году Барклай-де-Толли был простым генерал-майором, но после этого, как мы уже знаем, у него был богатейший опыт боевых действий в Финляндии. Там противник, ведя настоящую "скифскую войну", настолько измотал русских бесконечными отступлениями и нападениями партизан, что Михаил Богданович, став военным министром, твердо решил использовать этот опыт в борьбе с Великой армией Наполеона. И произошло это именно "после серьезного анализа всех деталей обстановки и трезвой оценки последствий". В этом вообще можно не сомневаться, так как Барклай-де-Толли всегда все делал только после серьезного анализа и оценки последствий.

В любом случае еще в мае 1811 года император Александр так разъяснил свое отношение к предстоящей войне послу Франции в России Арману де Коленкуру:

"Если император Наполеон начнет против меня войну, то возможно и даже вероятно, что он нас побьет, если мы примем сражение, но это еще не даст ему мира <…>. За нас — необъятное пространство, и мы сохраним хорошо организованную армию <…>. Если жребий оружия решит дело против меня, то я скорее отступлю на Камчатку, чем уступлю свои губернии и подпишу в своей столице договоры, которые являются только передышкой. Француз храбр, но долгие лишения и плохой климат утомляют и обескураживают его. За нас будут воевать наш климат и наша зима".

И вот теперь русские армии, как и планировалось, отступали, избегая генерального сражения. Продолжая отступление, 1-я и 2-я

Западные армии, несмотря на все усилия Наполеона, сумели соединиться 22 июля (2 августа) в районе Смоленска. Там Наполеону был дан большой бой, после чего русские оставили горящий город и продолжили отход на восток. Замысел Барклая был единственно верным на тот момент, но отступление уже давно вызывало недовольство в рядах русских солдат и офицеров.

К сожалению, покидая в свое время армию, Александр не назначил единого командующего русскими армиями, что привело к возникновению конфликтной ситуации между Барклаем и князем Багратионом.

А.Н. Архангельский оценивает это так:

"Александр I поступил безобразно, когда, покидая 6 июля войска, оставил вакантным место единого главнокомандующего тремя русскими армиями[7]. На Барклая, который стоял во главе самой крупной из них, был военным министром и автором самой идеи единого главкома, все стали смотреть как на основного претендента. А значит — как на виновника отступления, в котором видели тогда не гениальный тактический маневр, но постыдный стратегический просчет <…>. Но никакой реальной власти государь Барклаю не предоставил; и чего стоили после этого слова из личного письма полководцу: "Я передал в ваши руки, генерал, спасение России"?

…Иди, спасай <…>.

Вновь приближенному досталась роль громоотвода <…>.

Знал Александр Павлович об умонастроениях "русской партии" во главе с Петром Багратионом?

Несомненно.

Мог предвидеть, что Барклаю припишут в лучшем случае недостаток патриотизма, в худшем — подготовку измены?

Должен был!"

В результате все 42 дня, прошедших с момента отъезда императора, русские армии находились без главнокомандующего, и лишь после оставления Смоленска Александр призвал в армию М.И. Кутузова, назначение которого главнокомандующим состоялось 5(17) августа 1812 года.

Великий князь Николай Михайлович отмечает, что "Александр не любил Михаила Илларионовича, не забыв ему Аустерлица, и мало уважал его как человека", а посему назначил его не он сам, а специальный Чрезвычайный комитет под председательством графа Н.И. Салтыкова. Сам император лишь утвердил потом постановление этого комитета.

М.И. Кутузов прибыл в действующую армию, подбодрил солдат, заявил, что с такими молодцами отступать невозможно,

и… приказал продолжить отступление.

Наполеон был в бешенстве, ибо генеральное сражение, о котором, он так мечтал, у него случилось лишь 26 августа (7 сентября) в районе села Бородино, что в 120 километрах от Москвы. Сражение длилось целый день. Наполеону ценой огромных потерь удалось захватить все русские позиции, но он не добился главного — не уничтожил русскую армию, которая как ни в чем не бывало продолжила отступление.

В результате 2 (14) сентября наполеоновский авангард вошел в оставленную русскими Москву, но и это ничего, по сути, не изменило. Армия Наполеона таяла на глазах, проблемы с подвозом припасов становились все более и более острыми, русские постоянно получали подкрепления, а сам город вдруг запылал и через несколько дней оказался полностью уничтоженным огнем. К тому же начала портиться погода, и Наполеон вдруг понял, что с падением Москвы война для него не только не закончилась, а, напротив, началась с новой силой и уже в совсем других условиях.

21 сентября (3 октября) Наполеон послал к русским, стоявшим на юго-западе от Москвы в районе Тарутина, своего парламентера, но М.И. Кутузов отверг любые переговоры о мире. В подобных обстоятельствах Наполеону ничего не оставалось, как начать отступление из Москвы в сторону Смоленска. Русская армия тут же двинулась вслед за ним, сделав все возможное, чтобы захватчики вынуждены были идти именно по той дороге, по которой они пришли в Москву, то есть по разоренной территории, напрочь лишенной съестных припасов и нормального жилья. Для наполеоновских солдат и офицеров это стало настоящей катастрофой. К тому же очень скоро началась зима, и температура воздуха понизилась до такого уровня, что люди стали умирать не только от голода, но и от холода.

При этом М.И. Кутузов не торопился вступать в бой с все еще очень сильным Наполеоном. Он занял выжидательную позицию, не переставая, однако, беспокоить отступающего противника отдельными боями и бесконечными нападениями армейских партизанских отрядов, которые не позволяли фуражирам Наполеона выполнять свои обязанности по обеспечению войск продовольствием и фуражом.

Кончилось для Наполеона все в ноябре, в районе реки Березины. И там война реально могла закончиться. В самом деле, ведь там, в районе Борисова, Наполеон оказался практически окруженным с трех сторон, и шансов спастись у него не было никаких. Не зря же Карл фон Клаузевиц авторитетно заявлял:

"Никогда не встречалось столь благоприятного случая, как этот, чтобы заставить капитулировать целую армию в открытом поле".

К сожалению, ничего подобного не произошло. Наполеону удалось спокойно навести мосты и переправить основную часть своих войск на другой берег. И конечно же очень быстро был найден виновник этого серьезного стратегического просчета. Им стал адмирал П.В. Чичагов[8] (Кутузов всегда умел находить "козлов отпущения"), хотя он, имея в районе Березины всего 20 000—30 000 человек, был единственным, кто несколько дней активно сражался с превосходящими силами противника. При этом у стоявшего чуть севернее П.Х. Витгенштейна имелось около 40 000 человек, а у М.И. Кутузова — до 50 000 человек (это, кстати, из 130 000 человек, которые выступили с ним из-под Москвы).

Но, как известно, в Борисове Чичагов так и не дождался ни Витгенштейна, ни Кутузова. Первый стоял по приказу Кутузова, и сам Михаил Илларионович тоже стоял, причем на весьма значительном расстоянии. И, что удивительно, он словно специально остановил свой марш и в течение нескольких дней не двигался с места, практически перестав даже координировать действия своих войск. В результате Наполеону удалось осуществить обманный маневр против оставшегося в меньшинстве Чичагова, который был дезорганизован ложными сведениями, получаемыми из генерального штаба, и, по сути, оказался брошенным на произвол судьбы.

В конечном итоге Наполеон потерял на Березине от 25 000 до 40 000 человек (это огромные потери), а убыль русских войск составила, по разным данным, от 8000 до 14 000—15 000 человек. К сожалению, имея менее 30 000 человек под ружьем, адмирал Чичагов просто физически не мог ни остановить Наполеона на всех пунктах по течению Березины, ни противостоять ему в каком-то одном пункте.

Переправа через Березину 23 ноября 1812 г. Художник В. Адам

Чем же объясняется столь странная пассивность главнокомандующего русскими войсками М.И. Кутузова? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно.

Одни историки считают, что у Кутузова "были довольно мрачные предчувствия". Говорят, например, что в начале января 1813 года один из близких помощников главнокомандующего записал в своем дневнике, что Михаил Илларионович на вопрос о перспективах похода в Европу ответил так: "Вернемся с мордой в крови…"

Другие историки явно намекают на "масонский след", а вот Я.А. Гордин утверждает, что дело заключалось в том, что Кутузов "не швырялся солдатскими жизнями". Этот историк пишет, что все вокруг "требовали от Кутузова генерального сражения: догнать, разгромить и пленить Наполеона. Кутузов же этого категорически не хотел. Он считал, во-первых, что нужно "беречь русскую кровь", во-вторых, он совершенно не был уверен, что новое генеральное сражение даст желаемый результат". Более того, по мнению Я.А. Гордина, заграничный поход вообще был не нужен России. "Кутузов всегда говорил о том, что его задача — изгнание Наполеона из России. Он был, безусловно, выдающимся полководцем, но он был также еще и крупным дипломатом <… >. Кутузов как геополитический мыслитель вовсе не мечтал об окончательном крушении Наполеона, он считал, что его нужно изгнать из России, но наполеоновская Франция должна существовать как противовес Англии". Кутузов якобы откровенно заявлял, что "интересы Англии не во всем отвечают интересам

России".

При этом военный специалист Карл фон Клаузевиц оценивает мотивацию Михаила Илларионовича следующим образом:

"Мы не станем отрицать, что личное опасение понести вновь сильное поражение от Наполеона являлось одним из главных мотивов его деятельности".

Историк И.Н. Васильев предполагает:

"Скорее же всего, Кутузов не имел ни определенного плана своих действий, ни желания вмешиваться в решающие события, предпочитая отдать все на волю случая. Но при этом он сделал все, чтобы обезопасить себя от каких-либо нареканий, что, в свою очередь, нуждалось в подыскании другой удобной кандидатуры для нападок. А кого выдвинуть на ату роль, как не своего заклятого врага? Просто нужно было надлежащим образом подготовить к этому общественное мнение, чем фельдмаршал активно и занялся".

Всегда старающийся сохранять объективность американец Дэвид Чандлер замечает:

"Трудно понять медлительность Кутузова вплоть до 26 ноября, если не видеть в этом намеренного желания дать Наполеону уйти за Березину. Его противоречивые приказания своим подчиненным, особенно Чичагову, были основной причиной потери, казалось бы, неизбежного и полного успеха".

Как все было на самом деле, неизвестно, но факт остается фактом: Наполеон благополучно ушел, а "козлом отпущения" был сделан адмирал П.В.Чичагов.

Военный историк генерал М.И. Богданович пишет:

"Остается исследовать, кому должна быть приписана неудача общего плана действий русских армий, на основании которого имелось в виду "Наполеона с главными его силами искоренить до последнего". Современники нашей Отечественной войны обвиняли в том исключительно одного Чичагова. Да и не могло быть иначе: князь Кутузов — освободитель России от нашествия Наполеона и его полчищ, граф Витгенштейн — защитник нашей Северной столицы <…>. Оба они стояли так высоко в общем мнении, что никто не смел усомниться в безошибочности их действий. Никто не помышлял, что военное дело, будучи основано большей частью на неопределенных данных, сопряжено с ошибками, которых избегнуть не может самый гений. Общему порицанию подвергся Чичагов, потому что, во-первых, положение, занимаемое его армией, давало ему наиболее возможности преградить путь Наполеону; во-вторых, потому что, командуя в Отечественную войну впервые сухопутными силами, он еще не

успел заслужить славы искусного военачальника".

Этот же автор констатирует:

"Кутузов не хотел изнурить вконец свою армию усиленными переходами и вовсе не имел намерения вступать в решительный бой с гениальным противником и его армией, которая, будучи поставлена в отчаянное положение, могла продать дорогою ценою свое существование <…>. Кутузова упрекали в том, что он не прибыл сам на Березину в решительное время переправы Наполеона <…>. Он один мог принять на себя ответственность в последствиях встречи с Наполеоном, и, быть может, на берегах Березины его ожидала слава победить того, кого вся Европа в течение многих лет привыкла считать непобедимым".

Чем же обернулось для России и для русской армии нежелание М.И. Кутузова "вступать в решительный бой с гениальным противником и его армией"? Ответ на этот вопрос прост: удивительное спасение Наполеона продлило войну еще на долгих шестнадцать месяцев…

ЗАГРАНИЧНЫЙ ПОХОД РУССКОЙ АРМИИ

Итак, остатки Великой армии Наполеона были изгнаны из России, и император Александр некоторое время находился перед дилеммой: завершить войну подписанием мира или продолжить ее на территории Европы, добившись окончательного уничтожения Наполеона?

В пользу продолжения войны говорило то, что окончательный разгром Наполеона явно укрепил бы позиции России в Европе и позволял рассчитывать на приобретение новых территорий.

Соответственно, Александр потребовал "следовать беспрерывно за неприятелем" и лично прибыл к армии в Вильно. Со своей стороны, М.И. Кутузов, как мы уже знаем, не торопился с заграничным походом и предпочел бы вообще обойтись без него.

— Ваш обет исполнен, — говорил он царю, — ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле. Теперь остается исполнить и вторую половину обета: положить оружие.

А.Н. Архангельский констатирует:

"Кутузов, постаревший, не желавший расставаться с Виленским покоем и привычной роскошью, быть может, предчувствующий близкую кончину, но также верный своей "домашней философии", полагал задачу русской армии выполненной, войну, по существу, законченной, победу до конца одержанной".

Однако Александр, не желавший останавливаться на достигнутом, настоял на своем, ибо для него война с Наполеоном была, как выразился историк М.В. Довнар-Запольский, "актом борьбы его личного самолюбия, независимо от тех политических причин, которые ее вызывали".

В результате в январе 1813 года русские войска вошли в Польшу и Пруссию тремя армиями: Главной (с ней были сам император и М.И. Кутузов), 3-й Западной под начальством адмирала П.В. Чичагова и Резервной. На направлении Кенигсберг — Данциг двигался также отдельный корпус П.Х. Витгенштейна.

Россия, "сокрушительница врага в собственных пределах", шла теперь освобождать от наполеоновского ига и другие страны.

Наступление шло весьма энергично, и вскоре на сторону русских перешел прусский корпус генерала Йорка фон Вартбурга. Плюс в армию был вызван М.Б. Барклай-де-Толли, в свое время замененный на Кутузова и долгое время находившийся в вынужденном бездействии. Этот благородный человек забыл все свои обиды и уже 23 января (4 февраля) принял командование 3-й Западной армией вместо заболевшего адмирала П. В. Чичагова.

Когда Барклай принял командование, на него было возложено взятие крепости Торн (Торунь), расположенной на правом берегу Вислы.

28 марта (9 апреля) начались осадные работы, а с 4 (16) апреля пошли переговоры о капитуляции. В результате, гарнизон сложил оружие. Было захвачено 52 орудия, более 10 000 ружей и значительный запас провианта. При этом русские потеряли лишь 28 человек убитыми и 167 человек ранеными.

По прибытии 6(18) апреля в Бунцлау император Александр и М.И. Кутузов расположились в городе на четыре дня. Здесь ими и была получено известие о том, что Барклай овладел Торном.

По взятии Торна его 3-я армия двинулась в Силезию. К этому времени тяжелобольной 67-летний генерал-фельдмаршал М.И. Кутузов уже "тихо угас на лаврах". Произошло это 16 (28) апреля, и его тело было отправлено в Санкт-Петербург, дабы быть погребено со всеми подобающими его высокому званию и заслугам почестями. При этом Александр велел выдать жене Михаила Илларионовича 200 000 рублей и сохранить за ней пожизненно в виде пенсии полный фельдмаршальский оклад. Император написал ей:

"Болезненная не для одних вас, но и для всего Отечества потеря, не вы одна проливаете о нем слезы: с вами плачу я, и

плачет вся Россия".

После этого армию возглавил генерал от кавалерии граф П.Х. Витгенштейн, имевший после 1812 года яркую славу "защитника Петрова града". Пруссаки, перешедшие к тому времени на сторону России, согласились с этим решением императора Александра, а вот генералы А.П. Тормасов и М.А. Милорадович отказались служить под его командой, ссылаясь на свое старшинство (Витгенштейн был действительно моложе обоих).

Уже с Витгенштейном во главе русско-прусская армия 20 апреля (2 мая) 1813 года провела сражение при Лютцене.

По оценкам, в этом сражении французы потеряли примерно 20 000 человек убитыми и ранеными (в том числе был убит командир конной гвардии Наполеона маршал Бессьер), а союзники — около 12 000 человек. Естественно, последние поспешили назвать Лютцен своим успехом.

Со своей стороны, Наполеон после сражения написал:

"Лютценская битва будет поставлена выше сражений при Аустерлице, Йене, Фридланде и Москве-реке. Я уже двадцать лет командую французскими армиями и никогда не видел еще столько смелости и преданности".

Как бы то ни было, после этого сражения русско-прусская армия, при которой находились союзные монархи, поспешно отступила за Эльбу и заняла позицию за Бауценом — саксонским городком, что в сорока километрах восточнее Дрездена.

Прибыв туда, Витгенштейн нашел ожидавшее его желанное подкрепление. Это была армия Барклая-де-Толли, которая подошла от Торна.

Вслед за этим, 8 (20) мая, Наполеон с основными силами (а он совершил чудо и сумел быстро набрать новую армию в примерно в 140 000 человек) форсировал в нескольких местах реку Шпрее.

У союзников в районе Бауцена имелось лишь 96 000 человек, в том числе 68 000 русских и 28 000 пруссаков. И Наполеон со своими мальчишками-новобранцами выиграл сражение, но его преследование получилось медленным и малоэффективным.

Отметим, что Бауценское сражение коренным образом изменило положение Барклая в армии. В тяжелом бою он показал себя очень хорошо. А вот граф Витгенштейн с ролью главнокомандующего не справился — это был не его уровень.

В результате последний сам попросил, чтобы его поставили под начальство Михаила Богдановича.

Итак, Барклай после отставки прежнего командующего встал во главе объединенной русско-прусской армии, которая

насчитывала 140 батальонов, 182 эскадрона, 29 казачьих полков и 340 орудий.

Произошло это как раз накануне временного перемирия с Наполеоном. Сначала это перемирие было заключено на 36 часов, потом его продлили до 20 июня, а потом — еще на три недели. Делалось это для того, чтобы дать Австрии время закончить свою тайную мобилизацию. Наполеон, также желавший завершить свою подготовку, не возражал, и это стало его роковой ошибкой: за время перемирия к антинаполеоновской коалиции присоединились Австрия и Швеция, и у союзников появился решающий перевес в силах.

После окончания перемирия армия Барклая-де-Толли вошла в состав Богемской армии союзников под командованием австрийского фельдмаршала Шварценберга, еще совсем недавно воевавшего против России на стороне Наполеона.

Согласно составленному плану, все силы союзников были разделены на три армии.

Богемская армия включала в себя примерно 238 000 русских, пруссаков и австрийцев при 698 орудиях. Союзные монархи находились при этой армии.

Силезская армия под командованием прусского генерала Блюхера состояла из трех русских корпусов и одного прусского. Всего эта армия насчитывала 95 000 человек и 356 орудий.

Наконец, Северная армия, состоявшая под начальством шведского наследного принца Бернадотта (бывшего наполеоновского маршала), включала в себя русские, шведские и прусские войска — всего 155 000 человек при 387 орудиях.

Итого в союзных армиях насчитывалось 488 000 человек и 1441 орудие. Соответственно, Наполеон удивительным образом сумел набрать примерно 400 000 человек пехоты и 40 000 кавалерии при 1284 орудиях.

Перемирие между Наполеоном и членами антинаполеоновской коалиции закончилось 27 июля (8 августа) 1813 года, а 13 (25) августа Богемская армия фельдмаршала Шварценберга подошла к Дрездену, и после этого началась сильная артиллерийская перестрелка.

Александр со своей главной квартирой в это время находился в Нетнице, что под Дрезденом.

На следующий день Наполеон вошел в Дрезден, собрав там около 70 000 солдат и офицеров. Союзники к тому времени имели в районе города более 110 000 человек, но императора французов не смущал их численный перевес. При этом союзники не спешили атаковать город, так как никто не хотел брать на себя

за это ответственность.

Князь Шварценберг, еще недавно воевавший на стороне Наполеона, был опытным царедворцем, и он делал все возможное, чтобы дружеское расположение к нему союзных монархов, особенно Александра I, сохранялось до конца его жизни. Но вести своих австрийцев на погибель ему явно не хотелось.

Император Александр незадолго до этого имел встречу с императором Францем. В тот же день в лагерь союзников прибыли два бывших французских генерала: Жан-Виктор Моро и Анри Жомини. Первый некогда был славным полководцем республиканских войск и одним из главных конкурентов Наполеона. Затем, обвиненный в участии в заговоре, он был изгнан в США, но в 1813 году он вернулся в Европу и стал советником при главной квартире союзных монархов. Второй был писателем и основателем военной науки. Он уже давно имел намерение поступить на русскую службу, в чем Наполеон ему препятствовал, оставляя без внимания его неоднократные просьбы об отставке. Убедившись в невозможности получить увольнение с французской службы, этот швейцарец за несколько дней до истечения перемирия тайно перешел на сторону русских и стал генерал-лейтенантом. Теперь он состоял при особе императора, и его советы совершенно оправдывали громкое имя, приобретенное им своими сочинениями.

Согласно принятому союзниками плану, решено было действовать против Наполеона наступательно. Для этого главная армия 8 (20) августа 1813 года тронулась четырьмя колоннами.

Первая из них, под начальством графа П.Х. Витгенштейна, направилась из Теплица к Дрездену; вторая, генерала Клейста, — из Брюкса на Сайду, третья — из Комотау на Мариенберг, а четвертая — из Себастиансберга на Цвиккау.

По словам генерала А.И. Михайловского-Данилевского, "в авангардах колонн помещены были войска различных держав — для того чтобы на некоторое время ввести неприятеля в заблуждение насчет состава армий, действовавших со стороны Саксонии. Император Александр постоянно ехал с войсками и, невзирая на ненастную осеннюю погоду, всегда с рассветом бывал на лошади".

Союзники были уверены, что главные силы французов удалены от Дрездена. Тем не менее корпуса их главной армии двигались медленно и со всеми предосторожностями.

На имевшем место 11 (23) августа совещании монархов положено было двигаться к Дрездену. При этом отменили принятое прежде решение идти по направлению к Лейпцигу — из

опасения, что противник может воспользоваться удалением войск из Богемии, вторгнуться в нее, занять Прагу и ударить с тыла по главной армии. По этой причине было приказано 12-го числа всем корпусам соединиться у Дипольдисвальде.

Генерал Моро советовал не терять ни минуты и ударить по Наполеону, но князь Шварценберг и некоторые другие генералы не соглашались с этим мнением. В Дрездене оставался гарнизон, который не мог бы долго продержаться против огромной армии союзников.

Генерал А.И. Михайловский-Данилевский пишет:

"Фельдмаршал, как и все присутствовавшие, ясно видел малочисленность неприятелей, но желал для начала атаки выждать соединения всех корпусов австрийской армии, из которых иные были остановлены в следовании своем бесчисленными обозами, еще находившимися в теснинах Богемских гор. Время проходило в сих прениях, и наконец согласились атаковать Дрезден на следующий день, в четыре часа пополудни. Таким промедлением дали Наполеону целые сутки, чтобы двинуться на помощь маршалу Сен-Сиру, находившемуся в Дрездене".

Кстати, положение Сен-Сира стало критическим, ибо у него было только 17 000 французских солдат, которые должны были противостоять громадным силам противника. Маршал был крайне обеспокоен, ожидая вражеской атаки, но он приободрился, когда Наполеон вошел в Дрезден во главе гвардии и многочисленных войск всех родов оружия.

Союзная армия провела ночь в окрестностях Дрездена, и на следующее утро, 14 (26) августа, обложила его со всех сторон. Войска стояли на всех высотах, окружающих город. Зрелище это было великолепное, и генерал Моро заявил, "что предводительствовать столь огромными армиями — это подвиг не просто необычайный, но и превышающий силы человеческие".

Князь Шварценберг и генералы, окружавшие союзных монархов, часто не согласовывались в суждениях своих. Генерал А.И. Михайловский-Данилевский свидетельствует: "Они были почти друг с другом незнакомы и впервые встречались здесь, на поле сражения. При этом случае нельзя было не вспомнить князя Кутузова, который в сражениях 1812 года, обыкновенно сидя на небольшой скамье, один возносил голос. Около него царствовала тишина. Все долженствовало покорствовать велениям его, и горе тому, кто, бывало, без вызова его осмеливался подавать совет".

А вот слова генерала и военного историка М.И. Богдановича:

"Шварценберг, убедившись, что нападение на укрепленный

город, обороняемый целой армией под начальством самого Наполеона, не обещало выгодных последствий, отправился отыскивать своего начальника штаба для отдания новых приказаний в отмену прежней диспозиции. Гораздо было бы проще разослать нужные предписания начальникам частей войск через ординарцев, состоявших при главной квартире, но Шварценберг не мог на это решиться".

В конечном итоге русские и пруссаки стали обвинять в нерешительности австрийцев, австрийцы — М.Б. Барклая-де-Толли. По мнению того же М.И. Богдановича, "осторожный

Барклай действительно не решался штурмовать укрепленный город, находясь по непростительной небрежности главнокомандующего в совершенном неведении насчет средств, которыми располагает неприятель".

Наполеон прибыл в Дрезден в десятом часу утра.

Примерно в это же время союзники, все еще продолжая думать, что имеют дело только с одним корпусом маршала Сен-Сира, атаковали город. Они двигались очень уверенно, но тут послышались пушечные выстрелы со стороны Пильница, как раз напротив союзного правого крыла. Это обстоятельство совершенно изменило планы союзников, полагавших напасть на Дрезден в отсутствие Наполеона, ибо теперь была очевидна невозможность взять приступом город, защищаемый мощной армией. Гораздо выгоднее показалось отойти на несколько километров назад и, заняв позицию, ожидать нападения, на которое Наполеон просто обязан был решиться, потому что ему нельзя было оставить армию союзников на своих сообщениях.

В любом случае благоприятный момент для атаки был потерян, и французским генералам удалось восстановить повсюду порядок. Более того, уступая неприятелю в численности, П.Х. Витгенштейн отошел к Виндмюленбергу.

При этом гранаты и ядра союзной артиллерии сыпались на улицы Дрездена, и несколько русских колонн смогли ворваться в городские предместья, где все горело. Но Наполеон контратаковал и оттеснил их. Союзники принуждены были возвратиться из-под стен Дрездена почти к тем самым местам, с которых, за несколько часов перед тем, они пошли на приступе.

Ночь положила конец бою, в котором обе стороны понесли серьезный урон; в числе раненых были французские генералы Дюмутье, Тиндаль, Буальдьё, Дюлон и Комбель. У русских был убит генерал Ф.А. Луков и смертельно ранен генерал А.П. Мелиссино.

С наступлением ночи полил крупный холодный дождь; войска промокли до костей и при всяком передвижении увязали в

грязи.

Союзные войска провели ужасную ночь. Французы после форсированных маршей и жаркого боя тоже были изнурены до крайности, но, будучи прикрыты в бою природными и искусственными преградами, потеряли менее людей и отразили нападение на всех направлениях, что значительно укрепило их нравственные силы; к тому же они могли укрываться от непогоды в городских постройках, в то время как союзные войска были расположены под открытым небом и в непролазной грязи.

15 (27) августа стрельба возобновилась с новой силой. К этому времени Наполеон располагал уже 120-тысячной армией против почти 150 000 австрийцев, русских и пруссаков, имевшихся тогда у Шварценберга.

Рано поутру Александр I был уже на поле боя. Обе армии стояли в самом близком расстоянии одна от другой, под сильным дождем, который продолжал лить рекой.

Передовые русские войска отошли на позицию, где ожидали нападения, ибо Наполеону необходимо было очистить занятые союзниками пути сообщения. В скором времени обнаружился его план, заключавшийся в том, чтобы, прикрывая свой центр Дрезденскими укреплениями и оттуда поражая союзников огнем артиллерии, действовать против обоих его флангов. Мюрат напал на крыло, где стояли австрийцы, отделенные от главной армии глубоким оврагом, мешавшим оказать им поддержку. Маршал Ней двинулся на Груну, Сен-Сир — на Штрелен, Мармон — между Рекницем и Плауэном, а Виктор пошел на Росталь.

Из-за сырости воздуха из ружей стрелять было практически невозможно, и по всей линии расположения войск открылась пушечная пальба. Примерно в десять часов левое крыло Наполеона подалось вперед и вынудило прусские войска генерала Клейста отступить к Лейбницу. В это время другой французский корпус направлялся почти параллельно Эльбе на правое крыло союзников. Маршал Ней, командовавший этим корпусом, так далеко отошел от Дрездена, что можно было отрезать его. Соответственно, генералы Моро и Жомини советовали решительно напасть на маршала Нея. Жомини, в частности, предложил, чтобы корпуса Милорадовича и Клейста "переменили фронт правым флангом назад" и двинулись на правое крыло маршала Нея, и чтобы в то же самое время Барклай-де-Толли атаковал французов спереди.

Александр I и король Пруссии согласились на это предложение, и все стали ждать, чтобы генерал Барклай-де-Толли начал спускать свои войска с гор.

И в этот момент посреди многочисленной свиты, окружавшей союзных монархов, произошло великое смятение: генерал Моро был смертельно ранен. Он находился возле Александра I, стоявшего у одной австрийской батареи, на которую французы направили сильный огонь. При императоре тогда находились лорд Каткарт, английский генерал Вильсон, полковник Рапатель и несколько русских офицеров, а Моро упрашивал его отъехать назад, к другому пригорку, откуда можно было лучше обозревать сражение.

— Поверьте моему опыту, — сказал Моро и, поворотив лошадь, поехал перед императором.

И только тот последовал за ним, как французское ядро (согласно легенде, Наполеон увидел своего врага в подзорную трубу, а потом лично навел орудие) оторвало у генерала Моро правую ногу, пролетело сквозь лошадь, вырвало левую икру и повредило колено.

Все бросились на помощь раненому. Через несколько минут, придя в себя, генерал спросил об императоре и, будучи успокоен, что тот жив и здоров, сказал полковнику Рапателю:

— Я погибаю, но не печалься, мой друг! Как приятно умирать за правое дело и на глазах столь великого монарха!

На скорую руку были сделаны носилки из казачьих пик, на которые положили генерала Моро, укрыли его плащами и отнесли в ближайший домик деревни Каиц. Там царский лейб-медик Вилие ампутировал ему обе ноги. Генерал перенес боль с твердостью настоящего воина.

Генерал Марбо в своих "Мемуарах" потом написал:

"Саксонский кюре, бывший свидетелем этой тяжелой операции, сообщал, что Моро, от которого не сумели скрыть, что его жизнь была в опасности, проклинал сам себя и непрерывно повторял: "Как, я! Я, Моро, умираю среди врагов Франции, сраженный французским ядром!""

Через две недели после операции он скончался. Кстати, похоронили Моро в Санкт-Петербурге в католической церкви Святой Екатерины.

Смертельное ранение генерала Моро произвело на Александра и на войска самое тягостное впечатление. Полученные вслед за этим известия также оказались неблагоприятны. Барклай-де-Толли прислал адъютанта, который, по причине ненастной погоды и темноты, долго искал императора, а потом доложил, что Барклай опасается спуститься с гор для нападения на маршала Нея, ибо в случае неудачи, он

мог бы лишиться всей артиллерии, которую при тогдашней грязи невозможно было затащить обратно на горы.

Согласно диспозиции, Барклай-де-Толли, находившийся на правом фланге союзной армии, должен был спуститься от Лейбница к Зейдницу. Войска же, которые должны были атаковать маршала Нея, ждали, пока Барклай спустится с гор вниз. Но, как уже говорилось, сильный дождь ухудшил видимость и создал страшную грязь на дорогах. В таких условиях передвигать войска и тяжелые орудия стало практически невозможно. К тому же примерно в это время Барклаю привезли донесение о поражении австрийских войск, находившихся на левом фланге за Плауэном.

Генерал Марбо свидетельствует:

"Король Мюрат, командовавший этой частью французской боевой линии, проявил себя еще более блистательным, чем обычно. Он форсировал ущелье Котты, затем повернул и, отделив от австрийской армии корпус Кленау, бросился на этот корпус с саблей наголо во главе своих карабинеров и кирасир. Это сыграло решающую роль: Кленау не смог сопротивляться этой ужасной атаке! Почти всем его разбитым батальонам пришлось сложить оружие. Та же судьба ждала и две другие дивизии".

На самом деле это выглядит некоторым преувеличением. Граф Иоганн фон Кленау, войска которого составляли крайний левый фланг армии союзников, был отделен Плауэнским оврагом, и он опоздал прибыть туда, где Мюрат громил австрийскую пехоту. А происходило это так. Кирасирская дивизия под командованием генерала Бордессуля атаковала австрийскую дивизию, построившуюся в каре. Генерал Меско фон Фельзё-Кубини отказался сдаваться, и тогда Бордессуль выехал вперед и крикнул, что ни одно из ружей австрийской пехоты неспособно стрелять. Меско ответил на это, что его солдаты будут защищаться штыками. Плюс он заявил, что лошади у французов вязнут в грязи по колено, а посему они никому не смогут причинить вреда.

— Я уничтожу ваше каре из пушек! — крикнул Бордессуль.

— Но у вас их нет, потому что они все остались в грязи!

— А если я покажу вам пушки, расположенные позади моего первого полка, вы сдадитесь?

— Конечно! Мне придется это сделать, так как в таком случае у меня не останется ни малейшего способа защиты.

И тогда французский генерал приказал выдвинуть на расстояние не менее тридцати шагов от противника батарею из шести орудий. Канониры, держа в руках запалы, уже готовы были открыть огонь по австрийскому каре. При виде этих пушек

генерал Меско и вся его дивизия сдались в плен в полном составе.

Эта неудача австрийцев стала следствием ошибочных распоряжений князя Шварценберга. Войска, стоявшие по левую сторону оврага (всего 25 батальонов и 12 эскадронов в числе до 20 000 человек пехоты и 2000 человек кавалерии), были растянуты на большом пространстве и не имели за собой достаточных резервов. Главная сила этой позиции заключалась в лежавших на ней деревнях, но их заняли и укрепили весьма слабо.

Наполеон был опытным полководцем, и он, разгадав слабость левого крыла противника, сосредоточил против него для нанесения решительного удара значительные силы.

День склонялся к вечеру, но буря и не думала утихать. Земля превратилась в такое месиво, что лошади с трудом передвигали ноги. Кроме того, тогда же получили известие, что корпус под командованием генерала Вандамма, выйдя из Кёнигштайна, оттеснил союзные войска, которые стояли недалеко от крепости, и стал угрожать союзным сообщениям. Все эти обстоятельства в совокупности заставили союзников задуматься о прекращении сражения. Один лишь король Пруссии никак не хотел отступать. Император Александр также желал на другой день вновь начать бой, потому что, по его мнению, успехи противника были не столь значительны.

Однако поражение левого крыла австрийской армии произвело очень сильное впечатление на Шварценберга и главных людей из его штаба. Все они дружно настаивали на необходимости немедленно отступать в Богемию. Король Пруссии пытался возражать, но Шварценберг настоял на своем, утверждая, что австрийские войска не имеют больше ни провианта, ни обуви и что при них практически не осталось боеприпасов. В результате союзные монархи приняли решение отказаться от дальнейших попыток овладеть Дрезденом.

Отступление началось поздно вечером.

А.И. Михайловский-Данилевский свидетельствует:

"Дороги были почти непроходимы, люди и лошади вязли в грязи, войска были утомлены, и наступивший непроницаемый мрак, при сильном дожде и завывании ветра, увеличивал беспорядок. Только и были слышны вопли раненых и ругательства, произносимые солдатами на всех почти европейских языках, ибо кроме русских тут были немцы, поляки, итальянцы, венгерцы и другие".

Общие потери союзников под Дрезденом оцениваются

разными источниками в 20 000—28 000 человек. Из 12 000— 15 000 пленных большую часть составили австрийцы. Русских выбыло из строя около 1300 человек (во всяком случае, именно так написано на одной из стен храма Христа Спасителя в Москве).

Генерал Марбо в своих "Мемуарах" потом написал:

"Дождь парализовал огонь пехоты обеих армий и намного замедлил движение кавалерии, поэтому основную роль в сражении сыграла артиллерия, особенно французская. Принимая во внимание большую трудность передвижения по земле, промокшей от проливных дождей, Наполеон приказал вдвое увеличить число лошадей, тащивших орудия, за счет тех лошадей, которых быстро выпрягли из повозок администрации, находившихся в безопасности в городе Дрездене. Поэтому наши орудия нанесли противнику большой урон".

По оценкам этого генерала, в первый день сражения "враг потерял 5000 человек убитыми и ранеными и 3000 солдат были взяты в плен. С французской стороны было убито и ранено 2500 человек, среди них 5 генералов". Во второй день "неприятель оставил на поле битвы 18 знамен, 26 пушек и 40 тысяч человек, из которых 20 тысяч были взяты в плен. Главные потери понесла австрийская пехота, потерявшая двух генералов убитыми, трех ранеными и двух захваченными в плен".

Потери французов под Дрезденом составили не более 10 000 человек (по некоторым оценкам, от 9000 до 12 000 человек). При этом выбыло из строя 15 генералов и около 600 офицеров. И стало казаться, что миф о непобедимости Наполеона вновь ожил.

После сражения расстроенные войска союзников начали отступать на юг, в сторону Богемии. Целью князя Шварценберга, естественно, было прикрытие направления на Вену. Барклаю-де-Толли со всеми бывшими у него войсками было предписано отступить к Теплицу. Туда же перебралась и главная квартира императора Александра.

Генерал М.И. Богданович пишет:

"Наполеон справедливо гордился своим успехом. Ему помогли многие ошибки его противников, но тем не менее изумительна победа, одержанная им над союзниками, имевшими полуторный перевес в силе; у Наполеона было только до двадцати пяти тысяч человек кавалерии, а у союзников до сорока тысяч; войска его состояли почти исключительно из конскриптов (новобранцев. — С.Н.); напротив того, союзники имели в рядах своих много старых солдат; превосходство в артиллерии также было на их стороне. Но все эти преимущества не могли вознаградить недостатка в единоначалии, в быстроте общего соображения и исполнения действий".

Французский военный историк Анри Лашук оценивает итоги сражения при Дрездене следующим образом:

"Все французские войска, воодушевленные присутствием Наполеона, проявили себя при Дрездене самым лучшим образом… Увы, замечательная победа при Дрездене, эта новая демонстрация полководческого искусства Наполеона, была в значительной степени сведена на нет неудачами других военачальников, командовавших отдельными группировками Великой армии в Германии".

А вот вывод, сделанный всегда объективным военным историком Дэвидом Чандлером:

"Дрезден встал в один ряд с Лютценом и Бауценом в растущем списке практически ненужных побед Наполеона".

Итак, войска союзников стали отступать на юг, в сторону Богемии.

Увидев это, Наполеон решил, что его корпус под командованием генерала Вандамма успеет опередить русских и пруссаков и атаковать их с тыла.

При успешном выполнении Вандаммом поставленной перед ним задачи для союзных войск могла сложиться крайне опасная и даже критическая ситуация. Но на пути корпуса Вандамма (а у него было около 35 000 человек) близ местечка Кульм, что в сорока километрах к югу от Дрездена, оказался 10-тысячный отряд под командованием графа А.И. Остерман-Толстого.

А вечером 17 (29) августа к Кульму подошел Барклай-де-Толли и принял личное начальство над всеми находившимися там союзными войсками. Медлительность австрийцев его просто бесила. Он писал императору Александру:

"Князь Шварценберг хочет совершенно раздробить армию вашу <…>. Ежели случится несчастие, то нам собраться не можно будет и подкрепить себя некем. Против Наполеона надобно действовать массами, а не растянуто".

Тем не менее под Кульмом русские действовали отменно, а граф Остерман-Толстой "решительностью своею стяжал бессмертие". Ему помог и генерал фон Клейст, который, пытаясь спастись от преследовавшего его маршала Сен-Сира, неожиданно наткнулся на войска Вандамма в самый острый момент его боя с графом Остерман-Толстым.

В результате 18 (30) августа французский корпус был совершенно разбит: примерно 12 000—13 000 человек было взято в плен, в том числе пять генералов и сам Вандамм, и с ними 84 орудия, несколько знамен, 200 зарядных ящиков и весь обоз.

В лагере союзников ликовали.

У А.И. Михайловского-Данилевского читаем:

"Кульмское сражение решительно положило предел успехам Наполеона. С того времени почти все военные предприятия его были неудачны. Известие о Кульмской победе распространило повсюду тем большую радость, что никто не ожидал успехов через три дня после неудачи нашей под Дрезденом".

За эту победу Барклай был удостоен ордена Святого Георгия 1-й степени и награжден высшим орденом Австрийской империи — командорским крестом Марии-Терезии.

А затем имела место знаменитая Битва народов при Лейпциге.

Силы союзников стягивались под Лейпциг по частям. Первыми подошли Силезская армия фельдмаршала Блюхера и Богемская армия князя Шварценберга. В ходе сражения подтянулись Северная армия кронпринца Бернадотта, а также немалое количество иных войск. Всего союзная армия в конечном итоге насчитывала более 300 000 человек, из которых 127 000 составляли русские, 89 000 — австрийцы, 72 000 — пруссаки и 18 000 — шведы.

У Наполеона под Лейпцигом было девять пехотных корпусов (более 120 000 человек), императорская гвардия (около 42 000 человек), пять кавалерийских корпусов (до 24 000 человек) и гарнизон города Лейпцига (около 4000 человек). Итого: около 190 000 человек.

По количеству орудий Наполеон также существенно уступал союзникам: у него их имелось в наличии 717, а у союзников — 893.

3 (15) октября 1813 года Наполеон разместил свои войска вокруг Лейпцига, при этом большую часть своей армии (примерно 110 000 человек) он поставил южнее города. Корпус генерала Бертрана (около 12 000 человек) расположился на западе от города, а на севере находились войска маршалов Нея и Мармона (около 50 000 человек).

Союзники к этому моменту имели в наличии примерно 200 000 человек, так как австрийский корпус графа Коллоредо и русская Польская армия генерала Л.Л. Беннигсена лишь только подтягивались к месту битвы, равно как и Бернадотт, возглавлявший Северную армию.

Согласно плану фельдмаршала Шварценберга, основная часть войск союзников должна была обойти правый фланг французов. При этом около 20 000 человек под командованием графа Гиулая должны были атаковать Линденау, а Блюхеру следовало наступать на Лейпциг с севера.

Таким образом, союзная армия делилась на несколько отдельных частей. Генерал Жомини, узнав о планах австрийского генерального штаба, доложил императору Александру I, что хотя эта идея и была вполне основательна в стратегическом отношении, но все же увлекаться ею не следовало бы, ибо подобное разделение могло подвергнуть войска явной опасности. По его мнению, союзники не должны были дробить свои силы, а им следовало бы двинуть на Лейпциг главные силы Богемской армии, а также силы Блюхера и Бернадотта. Жомини совершенно справедливо полагал, что делить войска на несколько частей, лишенных надежной связи, — это чистое безумие.

Генерал К.Ф. Толь, со своей стороны, считая диспозицию, составленную в штабе Шварценберга, в высшей степени несоответствующей обстоятельствам, старался убедить в том как самого князя, так и его советников. По его мнению, переправа через реку при Конневице, под картечью и огнем вражеских стрелков, была невозможна, но даже если бы она и удалась, то не иначе как в узкой колонне, что помогло бы противнику атаковать превосходящими силами и уничтожить головные войска, прежде чем остальные смогли бы подоспеть им на помощь. На основании этого генерал Толь предлагал направить главные силы армии по правой стороне реки Плейссе, чтобы обойти неприятельскую позицию с левого фланга. Но его усилия отклонить австрийских стратегов от их первоначального плана не имели успеха. При этом мнение К.Ф. Толя разделяли генералы М.Б. Барклай-де-Толли и И.И. Дибич. И тогда император Александр приказал пригласить к себе князя Шварценберга, еще недавно воевавшего в России на стороне Наполеона. Тот прибыл и принялся упорно защищать свой план действий.

Александр, обычно уступчивый на совещаниях, в данном случае вспылил и заявил на чистейшем французском языке:

— Итак, господин фельдмаршал, если вы остаетесь при своих убеждениях, вы можете распоряжаться австрийскими войсками, как вам будет угодно. Что же касается русских войск, то они перейдут на правую сторону от Плейссе, где им следует быть, но ни в какой иной пункт.

Все последующие события показали правоту русских генералов, но князь Шварценберг, несмотря на предостережения даровитых военных, состоявших при главной квартире императора Александра, лишь немного изменил распоряжения, сделанные им накануне сражения.

В конечном итоге было принято решение о том, что австрийский корпус графа фон Кленау, русские войска генерала П.Х. Витгенштейна и прусский корпус генерала фон Клейста под

общим командованием М.Б. Барклая-де-Толли будут атаковать французов в лоб с юго-востока. Таким образом, Богемская армия оказалась разделенной на три части: на западе находились австрийцы Гиулая, другая часть австрийской армии должна была действовать на юге между реками Эльстер и Плейссе, а остальная часть Богемской армии под начальством Барклая — на юго-востоке, между Дрёзеном и Хольцхаузеном.

Сражение под Лейпцигом 6 октября 1813 г. Фрагмент. Художник В.И. Мошков

В результате под общим командованием Михаила Богдановича оказалось примерно 84 000 человек с 404 орудиями, и эти войска встали в две линии.

4 (16) октября еще до рассвета войска Барклая начали выдвижение, и около восьми часов утра был открыт сильный артиллерийский огонь по французам.

Примерно в 9.30 войска генерала фон Клейста захватили деревню Маркклеберг. Затем была взята деревня Вахау, однако из-за наносящего большой урон огня французской артиллерии к полудню она была оставлена.

Аналогичные упорнейшие бои шли за любую деревню на юго-востоке от Лейпцига. При этом обе стороны несли тяжелые

потери.

На юге наступление австрийцев не имело успеха, и после полудня князь Шварценберг направил один австрийский корпус на помощь Барклаю-де-Толли.

А в районе 15.00 Наполеон решил перейти в контрнаступление, направив кавалерию маршала Мюрата (около 10 000 сабель) на прорыв центра союзников у Вахау. Но и это действие не имело успеха, равно как неудачей закончилась и попытка наступления корпуса генерала Лористона.

В это время на западе наступление войск графа Гиулая также было отбито генералом Бертраном. С другой стороны, на севере большого успеха добилась Силезская армия. Не дожидаясь подхода Северной армии, прусский фельдмаршал Блюхер отдал приказ присоединиться к общему наступлению на Лейпциг через Мёккерн, который защищали войска маршала Мармона. В результате корпус последнего был смят, и фронт французских войск севернее Лейпцига оказался прорван. Это отвлекло Наполеона от сражения в районе Вахау, и он не смог довершить начатое.

С наступлением ночи боевые действия прекратились. Несмотря на огромные потери, в целом день завершился без особого преимущества для какой-либо из сторон.

А вот в воскресенье, 5 (17) октября, к союзникам подошло подкрепление, и положение Наполеона стало очень тяжелым. Однако генерал Л.Л. Беннигсен заявил, что его солдаты слишком устали от долгого перехода и не могут немедленно включиться в сражение. В результате было принято решение возобновить общее наступление утром следующего дня.

Что же касается Наполеона, то он ночью оставил свои старые позиции и отступил к Лейпцигу. У него к этому времени оставалось лишь примерно 150 000 человек, а вот силы союзников теперь были примерно в два раза больше.

Несмотря на это, бои, начавшиеся 6 (18) октября, получились крайне ожесточенными и далеко не на всех участках удачными для союзников.

В 7.00 князь Шварценберг отдал приказ о наступлении, и вскоре французов начали теснить на всех пунктах. А потом саксонская дивизия, сражавшаяся в рядах наполеоновских войск, неожиданно перешла на сторону союзников, а чуть позже то же самое совершили вюртембергские и баденские части.

Барон Марбо в своих "Мемуарах" по этому поводу написал:

"Подобное предательство со стороны наших союзников

привело к образованию ужасной пустоты в самом центре французской армии".

Короче говоря, в тот день Наполеона спасла лишь темнота, прекратившая боевые действия.

А 7 (19) октября, когда утренний туман рассеялся, стало ясно, что штурма Лейпцига не понадобится: некоторые приближенные советовали Наполеону сжечь предместья Лейпцига и обороняться за городскими стенами, но он предпочел отступить.

В образовавшейся толчее сам Наполеон лишь с огромным трудом смог выбраться из города. Но значительной части его армии повезло гораздо меньше. Дело в том, что по ошибке был взорван каменный мост через Эльстер, и внутри города осталось около 30 000 французов, в том числе маршалы Макдональд и Понятовский, а также генералы Ренье и Лористон. Что это было? Предательство? Вовсе нет… Как пишет историк Анри Лашук, "просто один капрал инженерных войск потерял голову".

Что же произошло? Все дело в том, что под мост в Лейпциге была подведена лодка с тремя бочонками пороха для взрыва. Но, позаботившись об уничтожении единственного моста, французы не подумали об устройстве нескольких дополнительных переправ, что, конечно, ускорило бы переход через Эльстер огромной армии Наполеона. Однако заблаговременное устройство таких переправ могло обнаружить план отступления, а Наполеон предпочитал тщательно скрывать это до последней минуты.

К сожалению, император французов возложил ответственность за подготовку моста к уничтожению на генерала Дюлолуа. Тот, в свою очередь, перепоручил эту задачу некоему полковнику Монфору, а тот покинул свой пост, оставив какого-то капрала в одиночестве со всеми подрывными зарядами. На вопрос капрала, когда следует зажечь заряд, ему ответили: "При первом появлении противника".

В результате, после того как несколько русских стрелков заняли близлежащие дома и оттуда посыпались пули, капрал запаниковал и в час дня вдруг взорвал мост, несмотря на то что он был запружен французскими войсками.

Барон Марбо в своих "Мемуарах" свидетельствует:

"Катастрофа была полной и ужасной! После взрыва моста многие французы, отрезанные от пути к отступлению, бросились в Эльстер, чтобы его переплыть. Многим это удалось. Среди них был и маршал Макдональд. Но огромное количество наших солдат и офицеров, в том числе и князь Понятовский, погибли, потому что, переплыв через реку, они не смогли взобраться на

крутой берег реки, к тому же с противоположного берега в них стреляли вражеские пехотинцы".

Участник войны И.Ф. Ортенберг, дослужившийся потом до чина генерал-лейтенанта, описывает этот взрыв так:

"Вдруг осветилось небо необыкновенным светом, поднялось дымное облако, раздался громовой удар. "Мост взорван!" — передалось из ряда в ряд, и французы, лишившиеся последней надежды к спасению, обратились в бегство. Неприятельские войска, обозы и офицерские экипажи, находившиеся в городе и не имевшие выхода, перемешались на улицах и сделали их непроходимыми…"

При взрыве моста знаменитая Старая гвардия Наполеона, находившаяся уже за Эльстером, встала в боевой порядок фронтом к городу и выдвинула свои батареи. Но эта мера не могла уже помочь французам и полякам, находившимся по другую сторону от того, что еще совсем недавно было мостом.

По оценкам, примерно 20 000 человек не успели перейти по мосту и были взяты в плен. Маршалу Макдональду повезло: он пришпорил свою лошадь, и та счастливо переплыла через Эльстер, а вот лошадь Понятовского в воде сбросила своего седока, и тот утонул. Тело его было найдено рыбаком лишь через неделю. Подобным образом погиб и дивизионный генерал Дюмутье.

Союзные войска жители города встретили с восторгом и громогласными криками "Ура!". Части французских и польских войск, стоявшие на улицах, при появлении союзных монархов невольно салютовали им. Император Александр, король Пруссии и несколько генералов поехали к Ранштедским воротам, где еще продолжался бой. По пути им были представлены пленные, и в их числе генералы Лористон, Репье, Мандевилль, Рожнецкий, Малаховский, Броникoвский, Каминский и другие. Русский император был в особенности милостив к Лористону, еще совсем недавно бывшему французским посланником в Санкт-Петербурге.

Французская армия, по разным оценкам, потеряла под Лейпцигом от 60 000 до 70 000 человек. Были убиты три генерала, в плен взяты король Саксонский, два корпусных командира, два десятка дивизионных и бригадных генералов. Как уже отмечалось, среди погибших оказался и Юзеф Понятовский, получивший свой маршальский жезл лишь за два дня до этого рокового дня. Он был ранен в воде и не смог выбраться на противоположный берег.

Кроме того, союзникам достались в качестве трофеев 325 орудий, 960 зарядных ящиков, 130 000 ружей и большая часть

обоза. Примерно 15 000—20 000 немецких солдат, служивших в армии Наполеона, перешли на сторону союзников.

Потери союзников составили примерно 54 000 человек убитыми и ранеными, из них до 23 000 составили русские, 16 000 — пруссаки, 15 000 — австрийцы.

У союзников были убиты и ранены 21 генерал и 1800 офицеров. В частности, под Лейпцигом был смертельно ранен герой Отечественной войны 1812 года генерал-лейтенант Д.П. Неверовский.

М.Б. Барклай-де-Толли въехал в Лейпциг вместе с императором Александром, и в этом сражении он был одним "из главнейших виновников победы". Эти его новые заслуги были достойно награждены — возведением в графское достоинство Российской империи.

После Битвы народов при Лейпциге союзные войска заняли Потсдам.

12 (24) октября маршал Мюрат бросил Наполеона и уехал к себе в Неаполитанское королевство, вступив там в сепаратные переговоры с австрийцами.

13 (25) октября Наполеон оставил Эрфурт, а на следующий день Вюртемберг перешел на сторону союзников. Вслед на ним последовали герцогства Вюрцбургское, Гессенское и Баденское.

23 октября (4 ноября) Наполеон переправил остатки своей армии через Рейн и расположился у Майнца. Гарнизоны крепостей, оставшихся на правом берегу Рейна, начали капитулировать один за другим, а союзные монархи объявили, что воюют не против Франции, а против Наполеона и война закончится лишь после его низложения.

Таким образом, кампания 1813 года завершилась для Наполеона неудачно, и уже в январе 1814 года союзные армии вторглись на территорию Франции.

ОКОНЧАНИЕ ВОЙНЫ

К началу 1814 года все гарнизоны в Германии, кроме Гамбурга и Магдебурга, уже капитулировали, и это лишило Наполеона более 150 000 штыков, так необходимых ему для защиты Франции. Саксония, последний союзник Наполеона, перешла на сторону коалиции, а брат Наполеона Жером был изгнан из Вестфалии, и это искусственно созданное королевство прекратило свое существование. Король Баварии также отказался от союза с Наполеоном, уведомив его об этом письменно. Король

Вюртемберга, а также великие герцоги Гессен-Дармштадт-ский и Баденский последовали примеру своего баварского "коллеги".

1 (12) января 1814 года русские войска во главе с самим императором Александром вошли на территорию Франции со стороны Швейцарии, а другие корпуса союзной армии пересекли Рейн. До Парижа оставалось не более двухсот километров.

Специалисты считают кампанию 1814 года вершиной военного гения Наполеона. Это действительно так, ибо он умудрился нанести целый ряд поражений войскам союзников, существенно уступая им по численности. Его маневры были стремительны и неожиданны для противника, он бил один его корпус за другим, стратегическая инициатива была на его стороне, но что-либо изменить уже было невозможно. И кончилось все так: 19 (31) марта союзные войска вошли в Париж.

А накануне командующий правым флангом французской обороны маршал Мармон отправил к Александру парламентера. Но русский император передал через него такой ответ:

"Я прикажу остановить сражение, если Париж будет сдан: иначе к вечеру не узнают места, где была столица".

Великий князь Николай Михайлович рассказывает о вступлении русских в Париж так:

"Александр сиял на своем сером коне (когда-то подаренном ему Наполеоном) в ореоле блеска и славы. Выражение его лица и особенно глаз показывало то настроение, в коем он пребывал, озаренный лучами Божественного Провидения и исполнения его заветной мечты. Он был действительно великолепен и по простоте формы одежды, в вицмундире Кавалергардского полка, и по той величавой осанке, которая ему была всегда присуща".

К представителям Парижа он обратился со следующей речью:

— У меня во Франции только один враг, и враг этот — человек, обманувший меня самым недостойным образом, злоупотребивший моим доверием, изменивший всем данным им мне клятвам, принесший в мою страну самую несправедливую, самую гнусную войну Никакое примирение между ним и мной отныне невозможно, но я повторяю, что во Франции у меня один только этот враг. Все французы, кроме него, у меня на хорошем счету. Я уважаю Францию и французов и желаю, чтобы они позволили мне помочь им. Скажите же, господа, парижанам, что я вхожу в их город не как враг, и только от них зависит, чтобы я стал им другом…

Понятно, что речь тут шла о Наполеоне, и гот 23 марта (4 апреля) был вынужден отречься от престола. Одновременно с

этим французский сенат издал декрет о низложении Наполеона и учредил временное правительство. А 8 (20) апреля бывший император французов был отправлен в почетную ссылку на остров Эльба, находящийся в Средиземном море.

8. ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС И НОВЫЙ ЕВРОПЕЙСКИЙ ПОРЯДОК

Мир есть не отсутствие войны, но добродетель, проистекающая из твердости духа.

СПИНОЗА

"ПЕРЕСТАЛА ЛИТЬСЯ КРОВЬ..."

А потом еще был период, известный в истории под названием "Сто дней", и там тоже гибли люди. После этого разбитый при Ватерлоо Наполеон был вновь схвачен и отправлен в ссылку на далекий остров Святой Елены, где он в конечном итоге и умер.

И лишь 1 (13) января 1816 года император Александр I смог обнародовать манифест об окончании войны. В нем, в частности, говорилось:

"Умолк гром оружия, перестала литься кровь, потухли пожары градов и царств. Солнце мира и тишины взошло и благотворными лучами освежило вселенную <...>. Мы после стольких происшествий и подвигов, обращая взор свой на все состояния верноподданного нам народа, недоумеваем в изъявлении ему нашей благодарности. Мы видели твердость его в вере, видели верность к престолу, усердие к отечеству, неутомимость в трудах, терпение в бедах, мужество в бранях. Наконец, видим совершившуюся на нем Божескую благодать. Видим, и с нами видит вся вселенная".

После этого вплоть до самого конца жизни императора Александра Россия наслаждалась миром.

Н.И. Греч рассказывает:

"Радости, восторга, исступления России при событиях того времени не опишет ни какое перо! Важнейшие государственные сословия, Синод, Совет и Сенат, положили единодушно просить государя о принятии имени Благословенного и о дозволении воздвигнуть ему приличный монумент. Александр дал на эту просьбу решительный отказ и воспретил всякое торжество по случаю возвращения его в отечество".

С другой стороны, на открывшемся в Вене международном

конгрессе он стал одним из его руководителей, активно участвуя в установлении нового европейского порядка.

"ТАНЦУЮЩИЙ КОНГРЕСС"

2 (14) сентября 1814 года император Александр I выехал из Санкт-Петербурга на конгресс в Вену, и уже через две недели он торжественно въехал в столицу Австрии. В Вене, ставшей тогда средоточием надежд всей Европы, уже были собраны многие государи, князья, представители первостепенных держав и мелких владений. В числе посетителей Вены кроме императора Александра с его супругой и короля Пруссии были короли Дании, Вюртемберга и Баварии с супругами, цесаревич Константин Павлович, принц Эжен де Богарне (бывший вице-король Италии), принц Леопольд Саксен-Кобургский (впоследствии король Бельгии) и многие другие.

Россию на конгрессе помимо императора Александра I представляли граф К.В. Нессельроде и граф А.К. Разумовский, Австрию — император Франц I и князь Клеменс фон Меттерних, Пруссию — государственный канцлер Карл-Август фон Гарден — берг и Вильгельм Гумбольдт, Англию — министр иностранных дел Роберт Каслри и герцог Веллингтон, Францию — Шарль-Морис де Талейран-Перигор.

Целью конгресса было окончательное решение вопросов, оставшихся неопределенными при заключении Парижского мира 1814 года, в числе коих первое место занимало распределение земель, отвоеванных союзниками у Наполеона. Для того чтобы оценить всю важность этого вопроса, достаточно вспомнить, что на отнятых у Наполеона и его вассалов территориях проживало около 32 млн. человек.

Главной целью Австрии на Венском конгрессе было возвращение областей, отнятых у нее Наполеоном в Италии. Кроме того, австрийское правительство, опасавшееся слишком близкого соседства России и Пруссии, всеми силами старалось затруднить этим державам присоединение Герцогства Варшавского и Саксонии.

С первого взгляда казалось, что либеральные планы Александра I должны были вызвать сочувствие со стороны Англии. Однако на практике все вышло иначе: британское правительство поддерживало исключительно интересы своей аристократии и оказалось враждебно к свободомыслию. Одержав победу над французской революцией в лице Наполеона Бонапарта, английские представители на конгрессе желали,

чтобы в Европе все было восстановлено именно в таком виде, в каком Европу застала революция 1789 года.

Со своей стороны, Франция в лице Талейрана, представлявшего нового короля Людовика XVIII, хотела избавиться от всеобщего недоверия и непривычного ей второстепенного положения побежденной державы.

Что же касается Александра, то он явно не выглядел человеком, довольным исключительно ролью восстановителя законной династии Бурбонов.

Все эти самые противоположные стремления и замыслы требовали увязки воедино множества противоположных интересов, а это, в свою очередь, не могло быть улажено без продолжительных прений. Ко всему прочему, работа конгресса явно замедлялась и увеселениями, имевшими место в австрийской столице. В самом деле, балы и маскарады там следовали одни за другими, в промежутках перемежаясь фейерверками, прогулками, охотами и парадами…

Князь Шарль-Жозеф де Линь, работавший на Венском конгрессе и умерший на одном из его заседаний, стал автором знаменитого каламбура: "Конгресс танцует, но не продвигается вперед". После этого конгресс начали называть "танцующим конгрессом". Действительно, одно дело — декларировать что-то о политике равновесия сил, и совсем другое — закрепить все это на практике, особенно при "справедливой" процедуре раздела территорий. Спорных проблем возникало так много, что продвижение вперед шло очень и очень медленно. Особенно это касалось вопроса о судьбе Герцогства Варшавского, которое было оккупировано русскими войсками. Естественно, на эти земли претендовал Александр, полагая, что это будет справедливое решение, учитывая вклад России в достижение победы над общим противником.

Работа Венского конгресса прервалась на период "Ста дней", а потом, когда с Наполеоном было покончено, он возобновил свою работу. В конечном итоге, согласно решениям конгресса, все основные владения Австрии вернулись под контроль Габсбургов. Пруссии достались часть Саксонии и значительная территория Вестфалии. Дания лишилась Норвегии, которая была передана Швеции. Значительная часть созданного Наполеоном Герцогства Варшавского под названием Царство Польское вошла в состав Российской империи (тут Александр, по словам великого князя Николая Михайловича, "остался глух ко всем увещаниям и шел к намеченной цели твердо и определенно").

Таким образом, Венский конгресс определил новую

расстановку сил в Европе и сформировал Священный союз, имевший целью обеспечение незыблемости ведущих европейских монархий.

Н.И. Греч пишет об Александре в это время так:

"И здесь, как везде, был он душой всех действий, и здесь, как везде, своим умом, кротостью, вежливостью умел примирять, согласовать и направлять к одной цели самые противоположные желания и замыслы других; и здесь, как везде, в смирении своем уступал другим наружное первенство…"

Кстати сказать, прибыл на Венский конгресс и бывший наставник Александра Фредерик-Сезар Лагарп. По свидетельству генерала А.И. Михайловского-Данилевского, "с покорением Парижа настало для него истинное торжество; признательность к нему государя не имела пределов".

— Без Лагарпа, — сказал русский император, — не было бы и Александра.

На конгресс Лагарп явился в качестве уполномоченного от своего кантона, и он почти каждую неделю обедал вдвоем с Александром, являясь к нему без всякого этикета, во фраке и сапогах.

А однажды он сказал Михайловскому-Данилевскому:

— Ни для одного смертного природа не была столь щедра, как для Александра. Я находился при нем с седьмого года его возраста и оставил его спустя год после его бракосочетания. С самого младенчества понятия его были очень ясны и точны. Я старался вселить в него убеждение в том, что он истинных друзей иметь не может. Такими правилами довел я государя до того, что он полагается на себя, а не на окружающих его, и хотя в сердце его есть наклонность к дружбе, однако же он не увлекается ею.

Известно, что Александр не раз признавался:

— Никто более Лагарпа не имел влияния на мой образ мыслей…

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ

В 1815 году император Александр, король Пруссии и император Австрии подписали в Париже акт о создании Священного Союза для помощи друг другу в сохранении новых европейских границ.

Манифест о Священном союзе был обнародован, и в нем, в частности, говорилось:

"Познав из опытов и бедственных для всего света последствий, что ход прежних политических в Европе между державами отношений не имел основанием тех истинных начал, на коих премудрость Божия в откровении своем утвердила покой и благоденствие народов, приступили мы <…> к поставлению <…> союза <…>, в котором обязуемся мы взаимно, как между собою, так и в отношении к подданным нашим, принять единственным ведущим к оному средством правило, почерпнутое из словес и учения Спасителя Нашего Иисуса Христа, благовествующего людям жить аки братьям, не во вражде и злобе, но в мире и любви".

После этого император Александр, сделав перед союзными монархами и их представителями блестящий смотр вступившим во Францию русским войскам, вернулся в Санкт-Петербург.

На этом бесконечные войны, шедшие при Александре I, закончились. В их результате Российская империя приобрела значительные территории. При вступлении его на престол площадь России составляла примерно 18 млн кв. км. Приобретение одной только Финляндии добавило к империи еще почти 360 тыс. кв. км. А ведь были еще и Аландские острова, часть Лапландии, Бессарабия, Молдавия, Царство Польское, а также земли на Кавказе и в Закавказье.

Так уж получилось, что с момента восшествия на престол Александру пришлось много воевать: с Наполеоном, со Швецией, с Персией и Турцией. И во всех этих войнах император в конечном итоге вышел победителем. При нем, особенно после победы над Наполеоном, международный престиж России поднялся на невиданную высоту, и Александр стал могущественнейшим из монархов Европы.

Как отмечает великий князь Николай Михайлович, "государь оправдал надежды своих подданных, и это время было лучшим из всех годов его царствования".

При этом, как ни странно, все действия русской дипломатии склонялись к одной цели: к сохранению, поддержанию и упрочению мира и к уничтожению ("наложению узды") последствий Великой французской революции, поколебавшей спокойствие и благоденствие многих стран континента.

Александр I принял участие в подписании важнейших внешнеполитических документов: Тильзитский мир, решения Венского и Аахенского конгрессов и т. д. Он стал одним из главных учредителей Священного союза, призванного поддерживать мир и порядок в Европе. Позднее он резко осудил

революцию 1820 года в Испании, а также народные восстания в Неаполитанском королевстве и Пьемонте. Он даже был готов двинуть туда русские войска, чтобы произвести "усмирение" бунтовщиков.

Когда в 1821 году началось освободительное движение греков против турецкого ига, Александр первоначально отказал восставшим в поддержке. Многие в России тогда требовали оказания помощи повстанцам, дабы не бросать на произвол судьбы православных греков и утвердить влияние России на Балканах, но Александр не хотел начинать новую войну. Попытки же русской дипломатии разрешить греческий вопрос в рамках Священного союза успеха не имели, и разрешать балканские проблемы пришлось уже новому императору Николаю I.

Священный союз, в который вошли три государства победители Наполеона (Россия, Австрия и Пруссия), — это детище Александра I.

Кто-то называет его "сплоченной организацией с резко очерченной клерикально-монархической идеологией, созданной на основе подавления революционного духа и религиозного свободомыслия", кто-то — "реакционным союзом помещичьих стран". Но нам ближе следующие слова М.Н. Каткова, русского публициста и основоположника русской политической журналистики:

"И потом этот пресловутый Священный союз! Какую материальную или нравственную выгоду извлекла из него Россия? Где приобретения, сделанные ею? Но решившись на всякого рода пожертвования для поддержания его, не может ли, по крайней мере, Россия сказать с полным правом, что только благодаря ей в течение целых сорока лет мир ни разу не был нарушен в Германии?"

9. ЛИЧНАЯ ЖИЗНЬ АЛЕКСАНДРА

Некоторые люди и вправду считают свою личную жизнь личным делом.

КЕЙТМОРТОН

"СУЩИЙ ПРЕЛЬСТИТЕЛЬ"

В личной жизни Александра, как и в политике, не все складывалось просто. С одной стороны, имея практически неограниченные возможности, обладая прекрасной внешностью и манерами, он без особых усилий влюблял в себя многих дам (они, кстати, продолжали влюбляться в него даже тогда, когда ему было под пятьдесят). Недаром М.М. Сперанский как-то раз назвал его un vrai charmant (сущий прельститель). Этот талант он унаследовал от бабушки. С другой стороны, сам император чаще всего оставался к дамам безразличным, ограничивая свои контакты с представительницами противоположного пола улыбками и вежливым общением.

Некоторые биографы уверены: легко прельщая окружающих, сам Александр не был способен на глубокое чувство и личную симпатию к кому бы то ни было. Правда, бытовало мнение, что в юности он был тем еще повесой. Об этом, в частности, сохранились воспоминания генерала А.Я. Протасова, который писал, что замечал в Александре Павловиче "сильные физические желания как в разговорах, так и по сонным грезам, которые умножаются по мере частых бесед с хорошенькими женщинами".

Как мы уже говорили, в 1793 году Екатерина II женила Александра на юной принцессе Луизе-Марии-Августе, дочери маркграфа Карла-Людвига Баденского и Фридерики-Амалии Гессен-Дармштадтской[9] — умнице, красавице, очаровавшей, казалось, всех мужчин столицы. Впрочем, как отмечала княгиня Е.Р. Дашкова, ее красота "оказалась наименьшим из ее достоинств. Ум, образованность, скромность, изящество, приветливость и такт в сочетании с редкой для ее возраста осмотрительностью — все в ней привлекало".

Официальное бракосочетание состоялось 28 сентября (9 октября) 1793 года.

Свадебные торжества длились две недели. В них приняли

участие 14 527 солдат и офицеров гвардии под командованием генерала И.П. Салтыкова — троюродного брата попечителя Александра. Пушки палили не переставая, а колокольный звон продолжался три дня.

Принцессе Баденской было четырнадцать лет, и она, приняв православие, была наречена в России Елизаветой Алексеевной. На следующий день после принятия православия прошла торжественная церемония обручения.

Ему было неполных шестнадцать. Они были очень красивой парой. Сначала Елизавета была безумно влюблена в своего молодого супруга, но с годами эта любовь ослабела. Скорее всего, оба они сначала по душевной и даже физической незрелости не смогли удовлетворить друг друга, а затем как следствие этого между ними возникла психологическая несовместимость, которая в конечном итоге привела к полному отчуждению.

Некоторые авторы уверены, что в молодости Александр обожал женщин. Например, А.И. Герцен писал, что Александр любил "всех женщин, кроме своей жены". Возможно, где-то в глубине души это так и было, но он всегда умел не поддаваться даже самым обольстительным любовным чарам. Во всяком случае, страсть, которую питала к нему прекраснейшая и умнейшая королева Луиза Прусская (супруга Фридриха-Вильгельма III), так и осталась, в конце концов, без ответа.

А ведь когда они впервые встретились в 1802 году в Мемеле (нынешняя Клайпеда), молодой русский император произвел на Луизу неизгладимое впечатление. В ее записях потом были обнаружены такие слова:

"Император — один из тех редких людей, которые соединяют в себе все самые любезные качества со всеми настоящими достоинствами <…>. Он великолепно сложен и имеет очень статный вид. Он выглядит, как молодой Геркулес".

Говорят, что и Александр тоже был очарован Луизой, но он не решился развивать эти отношения, не желая потерять независимость своей политики.

Другой весьма характерный пример — это отношения Александра с первой женой Наполеона Жозефиной, а также с ее дочерью от первого брака Гортензией де Богарне. Эта трагическая история достойна того, чтобы остановиться на ней поподробнее.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР И ЖОЗЕФИНА

Они познакомились в сентябре 1808 года в немецком городе Эрфурте, куда Наполеон пригласил Александра на "дипломатическое совещание". Жозефина была женщиной опытной и знала толк в мужчинах, но Александр поразил ее с первого взгляда своей элегантностью. Но не это больше всего привлекло французскую императрицу, а та необыкновенная и весьма притягательная энергия, что исходила от тридцатилетнего русского царя, прекрасно говорившего по-французски.

Как-то после очередного бала, когда все шампанское было уже выпито, а утомленные гости начали расходиться, Александр предложил проводить Жозефину до спальни, находившейся на втором этаже правительственного дворца, выбранного для встречи двух императоров.

Перед самой дверью он взял ее руку и приложил к сердцу. Сквозь парадный мундир взволнованная Жозефина почувствовала учащенные удары. Словно завороженная, она толкнула дверь, и та неслышно отворилась…

Некоторые авторы утверждают, что русский царь пробыл у нее до полуночи. В это время Наполеон, уставший после напряженного дня, спокойно храпел в своей спальне на другом конце длинного коридора. Он и в Эрфурте не нарушал установленного им правила "раздельных спален".

По свидетельству камердинера Наполеона Констана, "после первой интимной встречи Александра и Жозефины русский царь каждое утро приходил в спальню к императрице, и они подолгу беседовали с ним наедине, как старые знакомые".

После подписания соглашения, 2 октября 1808 года, император Александр уехал из Эрфурта, попрощавшись с Жозефиной, казалось, навсегда…

Но вот 16 апреля 1814 года, когда русские войска уже занимали Париж, император Александр I в сопровождении князя А.И. Чернышева прибыл в Мальмезонский замок для встречи с бывшей женой теперь уже бывшего императора французов.

Он начал с того, что сказал:

— Я сгорал от нетерпения увидеть вас, мадам! С тех пор как я нахожусь во Франции, эта мысль не оставляла меня ни на минуту.

Жозефина встретила Александра в картинной галерее замка у камина. Она была очень взволнована, но, следуя правилам этикета, заявила, что считает для себя огромной честью этот визит главы величайшей из держав мира и вождя "бессмертной коалиции, стяжавшего славу умиротворителя вселенной".

— Я прибыл бы к вам раньше, — непринужденно пошутил Александр, — но меня задержала храбрость ваших солдат.

Жозефина рассмеялась. Она протянула ему руку он ее любезно поцеловал. Потом они прошли в гостиную, и там Жозефина предложила:

— Ваше Величество, я хотела бы представить вам мою дочь и внуков.

Жозефина была на четырнадцать лет старше Александра, и водоворот последних лет сделал ее не только бывшей женой, но и настоящей бабушкой. Два ее внука. Наполеон-Луи, которому было девять лет, и Шарль-Луи-Наполеон, которому 20 апреля должно было исполниться шесть, обожали бабушку, разрешавшую им все, что запрещала мать. Она кормила мальчишек сладостями, бегала с ними по аллеям парка, старательно выполняла упражнения с игрушечными ружьями.

Ее дочери Гортензии совсем недавно исполнился тридцать один год. Она была весьма привлекательна, но ее жизнь с Луи Бонапартом, младшим братом Наполеона, сложилась несчастливо, и это наложило отпечаток на ее характер.

Император Александр поздоровался со старшим мальчиком Гортензии и погладил по головке младшего. Мог ли тогда кто-нибудь из присутствовавших предположить, что этот ребенок через неполных сорок лет станет императором Франции Наполеоном III?

— Что бы вы хотели, чтобы я сделал для них? — спросил Александр у Гортензии.

— Благодарю, Ваше Величество, я очень тронута вашей заботой, но мне нечего пожелать для моих детей, — холодно ответила Гортензия.

Дочь Жозефины явно не желала показывать благожелательность по отношению к человеку, объявившему себя личным врагом Наполеона.

— Позвольте мне быть поверенным в их делах? — осторожно спросил император Александр, обращаясь уже к Жозефине.

После этого он вновь обратился к Гортензии:

— Я понимаю, мадам, что своим предложением я причиняю вам боль. Поверьте, в Париж я прибыл, враждебно настроенным к семье Бонапартов, но здесь, в Мальмезоне, я нашел нежность и мягкость. И теперь я искренне хочу отплатить за это добром.

Гортензия очень понравилась императору Александру, и ему действительно хотелось сделать что-нибудь доброе для нее и ее детей.

— Сегодня я должен был быть в Париже с другими монархами, — продолжил он, — а я здесь, в Мальмезоне, и ничуть об этом не жалею.

После этого Александр предложил обеим дамам прогуляться

по парку, но наблюдательная Жозефина, сославшись на недомогание, которого конечно же не было и в помине, предусмотрительно осталась дома.

С каждой минутой разговор российского императора и Гортензии становился все более и более откровенным. Она призналась ему во всех своих несчастьях с Луи Бонапартом. После смерти первенца она все время живет в ожидании еще какой-то беды. Она так одинока.

— Но вы же еще так молоды, и у вас столько друзей! — воскликнул Александр. — Вы несправедливы к Провидению!

— А что, Провидение говорит с русским акцентом? — кокетливо спросила его Гортензия.

Александр тоже начал откровенничать с ней, а когда она спросила, почему он расстался с императрицей, ответ не оставил никаких сомнений:

— Ради бога, не говорите больше о ней. У моей жены нет лучше друга, чем я, но соединиться вновь мы не сможем никогда.

После такого ответа на месте Гортензии ее мать пошла бы дальше. Ковать железо, пока горячо, — это всегда было ее жизненным принципом. Но, в отличие от Жозефины, Гортензия была застенчивой и совсем не авантюристкой. Дальше аллей парка они не зашли, но русский император сделал выводы из этой прогулки.

При прощании с Александром в знак большой признательности Жозефина подарила ему великолепную камею, подарок от Папы Римского, преподнесенный ей в день коронования, а также великолепную чашу со своим миниатюрным портретом.

После этого визита, не оставшегося незамеченным, Мальмезон приковал к себе внимание всех, и прежде всего Талейрана. озабоченного тем, как убедить русского царя-победителя вернуть на французский престол Бурбонов. Но Александру очень не нравилась эта идея. Ему, судя по некоторым признакам, хотелось бы посадить на французский престол трехлетнего сына Наполеона с регентством его матери Марии-Луизы, а предлагавшийся Людовик XVIII был русскому императору в высшей степени антипатичен.

— Как я могу быть уверен, — недоверчиво спросил он Талейрана, — что французский народ желает именно Бурбонов?

Не моргнув глазом, тот ответил:

— На основании того решения, Ваше Величество, которое я берусь провести в сенате, и результаты которого Ваше Величество тотчас же увидит.

— Вы уверены в этом? — переспросил Александр.

— Я отвечаю за это, Ваше Величество.

Сказано — сделано. 2 апреля Талейран спешно созвал сенат, и уже вечером принес императору Александру решение, объявлявшее о низложении Наполеона и о восстановлении власти Бурбонов с конституционными гарантиями.

Казалось бы, дело сделано, и Талейран мог облегченно вздохнуть. Но тут вдруг произошел этот непредвиденный визит русского императора к Жозефине. И всем тут же стало понятно, что Александр благоволит к Жозефине и очень расположен к ее детям от первого брака — Гортензии и Эжену. Особенно ему нравилась Гортензия, и, влекомый одновременно матерью и дочерью, русский император, словно подтверждая это, зачастил в Мальмезонский замок. Там он часами о чем-то разговаривал с Жозефиной, гуляя с ней по аллеям парка или уединяясь в дворцовых покоях.

Неужели далекоидущие планы великого дипломата Талейрана по возведению на престол Людовика XVIII могли рухнуть? Неужели все могло сорваться из-за какой-то личной симпатии человека, от которого в тот момент зависело все?

И тут, словно по заказу, 10 мая 1814 года здоровье бывшей императрицы вдруг неожиданно испортилось. Произошло это как раз в тот момент, когда император Александр в очередной раз прибыл повидать Жозефину и отобедал с ней в Мальмезоне. Пересиливая страдания, она осталась в салоне для беседы. После обеда все стали бегать взапуски на прекрасном газоне, находившемся перед замком. Жозефина тоже попыталась принять участие в игре, но силы вдруг изменили ей, и она была вынуждена присесть. Изменение ее состояния не осталось незамеченным. Ей задали массу заинтересованных вопросов, на которые она старалась отвечать с улыбкой. Она уверяла, что немного отдыха пойдет ей на пользу, и все гости поспешно удалились, думая, что действительно назавтра она будет чувствовать себя лучше…

А потом Жозефине стало совсем плохо.

В ночь с 28 на 29 мая она впала в пятичасовой летаргический сон, а на следующий день умерла…

Уже потом пошли слухи о том, что Жозефина скончалась не от простуды, а была отравлена. Высказывались даже предположения, что ее отравили при помощи яда, помещенного в букет с цветами, который стоял у ее изголовья. Называлось даже имя человека, которому очень выгодна была эта такая быстрая и такая странная смерть…

Если предположить, что все это так, то нетрудно сделать

вывод: Жозефина погибла потому, что слишком много знала и слишком много говорила, а еще потому, что русский император вдруг стал слишком часто приезжать к ней в столь ответственный для побежденной Франции период времени.

ОТНОШЕНИЯ ИМПЕРАТОРА С ЖЕНОЙ

Как уже говорилось, между Александром I и его женой Елизаветой Алексеевной довольно быстро возникла психологическая несовместимость, которая в конечном итоге привела к большим проблемам. В связи с этим Александр вывел для себя следующее кредо:

"Я виноват, но не до такой степени, как можно подумать. Когда домашнее мое благополучие помутилось от несчастных обстоятельств, я привязался к другой женщине, вообразив (разумеется, ошибочно, что теперь ясно понимаю), что поскольку наш брак заключен по соображениям внешним, без нашего взаимного участия, то мы соединены лишь в глазах людей, а перед Богом свободны".

Отметим, что от своей супруги Александр официально имел двух дочерей, и обе они умерли в раннем детстве: Мария, родившаяся в 1799 году, умерла в 1800-м, а Елизавета, родившаяся в 1806 году, умерла в 1808-м.

Кстати сказать, отцовство обеих девочек среди придворных сплетников считалось сомнительным — первую называли дочерью поляка Адама Чарторыйского; отцом второй, вероятно, был молодой штабс-ротмистр Кавалергардского полка Алексей Яковлевич Охотников, ставший любовником Елизаветы Алексеевны примерно в 1803 году.

Елизавета Алексеевна, супруга Александра I. Неизвестный художник

Отметим, что вокруг Елизаветы Алексеевны с самого начала плелись различные сплетни, создавались всевозможные истории…

Например, последний фаворит стареющей Екатерины II князь Платон Зубов якобы без памяти был влюблен в жену Александра, но, получив нарекание от императрицы, оставил ее в покое. Казалось бы, и при чем тут Елизавета Алексеевна? Уж она-то точно не давала никакого повода для сплетен, но зато сам Зубов не считал необходимым скрывать свои чувства, и скоро про его "романтическое увлечение" стало известно всему Санкт-Петербургу.

А потом появился князь Адам Чарторыйский, один из ближайших друзей Александра. Сам он был красавец и, как утверждается, быстро попал под чары жены своего августейшего приятеля. Они виделись ежедневно, и скоро общественное мнение прочно связало их имена.

Графиня В.Н. Головина, ставшая близкой подругой Елизаветы Алексеевны, писала в своих "Мемуарах":

"Каждый день, казалось, влек за собой новые опасности, и я очень страдала из-за всего того, чему подвергалась великая княгиня. Помещаясь над ней, я видела, как она входила и выходила, так же как и великого князя, постоянно приводившего к ужину князя Чарторыйского".

Убедить кого-либо в невинности этих отношений было очень сложно…

В любом случае Чарторыйскому пришлось эмигрировать из России, и умер он в 1861 году под Парижем.

А вот Алексей Охотников вообще был убит в январе 1807 года из-за угла кинжалом, и никто так до сих пор и не знает имени его убийцы.

Императрица родила дочь Елизавету 3 (15) ноября 1806 года.

По этому поводу был издан соответствующий царский манифест, с Петропавловской крепости дали пушечный салют, но в императорской семье это событие было воспринято более чем прохладно. И к тому имелись причины. Сам Александр I не раз заявлял, что давно не имеет супружеских отношений с женой.

Говорят, дочь родилась от Алексея Яковлевича Охотникова. Если это так, то для императрицы это был некий способ самоутверждения. А вот кто такой был этот А.Я. Охотников?

Он происходил из рода богатых воронежских помещиков и родился в 1780 году. В двадцать один год, как и положено было русскому дворянину, он поступил на воинскую службу. Уже через четыре месяца его произвели в офицеры (в корнеты), спустя всего два года он уже был поручиком, а потом и штабс-ротмистром. Он был хорош собой, остроумен и имел успех у женщин.

Точную дату его знакомства с императрицей установить невозможно, потому что все дневники главных действующих лиц этой истории были потом сожжены Николаем I. Однако, по словам великого князя Николая Михайловича, тот имел неосторожность показать эти дневники своей жене — императрице Александре Федоровне, а та переписала кое-что в свой дневник, сохранившийся для потомства.

Великий князь Николай Михайлович пишет:

"Это кратковременное увлечение императрицы нисколько не умаляет ее симпатичного облика. Напротив того, увлечение это, столь страстное, более чем понятно. Ведь государыня была женщина и притом молодая, неопытная, выданная замуж четырнадцати лет от роду: жизни она не знала и знать не могла. Оставленная мужем, она наглядно, чуть не ежедневно видела его измену <…>. Было от чего впасть в отчаяние и раздражение. И, как часто бывает в таких случаях, в это самое время подвернулся

молодой кавалергард, который влюбленно смотрел на Елизавету".

А вот выписка из дневников императрицы Александры Федоровны:

" Если бы я сама не читала это, возможно, у меня оставались бы какие-то сомнения. Но вчера ночью я прочитала эти письма, написанные Охотниковым, офицером-кавалергардом, своей возлюбленной, императрице Елизавете, в которых он называет ее "моя маленькая женушка, мой друг, мой Бог, моя Элиза, я обожаю тебя" и т. д. Из них видно, что каждую ночь, когда не светила луна, он взбирался в окно на Каменном острове или же в Таврическом дворце, и они проводили вместе два-три часа. С письмами находился его портрет, и все это хранилось в тайнике, в том самом шкафу, где лежали портрет и памятные вещи ее маленькой Елизы, — вероятно, как знак того, что он был отцом этого ребенка. Мне кровь бросилась в голову от стыда, что подобное могло происходить в нашей семье".

Нам остается только верить этим словам. Или не верить им. Тем более что Мария Федоровна явно не любила невестку и часто публично высказывала ей всякого рода замечания. Но в обоих случаях нам приходится лишь удивляться тому искусству, с которым молодым людям удавалось сохранить свою тайну от окружающих, ибо никто из придворных или сослуживцев Охотникова не догадывался об этих отношениях.

По мнению Николая Михайловича, определенно знал о любовной интриге императрицы младший брат Александра I — цесаревич Константин Павлович. И он, якобы желая оградить брата от оскорбительных слухов, решил положить конец этой истории…

Как бы то ни было, поздно вечером 4 октября 1806 года, когда Охотников выходил из театра после оперы Глюка "Ифигения в Тавриде", к нему подошел неизвестный и нанес удар кинжалом в грудь.

Князь С.А. Панчулидзев констатирует:

"Подозрение его падало на брата мужа любимой женщины. Последнее время тот неустанно следил за своей невесткой и, как думал Охотников, преследовал ее своей любовью. Если убийство и было делом его рук, то навряд ли мотивом была любовь к невестке, а напротив — его любовь и преданность к брату; если он и следил за своей невесткой, то именно из-за боязни за честь брата".

Рана оказалась тяжелой, а надежных методов лечения подобных ранений тогда не существовало. В результате проболев четыре месяца, 26-летний А.Я. Охотников скончался.

Елизавета Алексеевна была потрясена, и, как утверждается,

она тайно приезжала в дом Охотникова, чтобы проститься с любимым человеком. Но и это тоже следует исключительно из "показаний" великого князя Николая Михайловича.

Естественно, никакого следствия по этому делу заведено не было…

Первая дочь Елизаветы Алексеевны умерла 27 июня 1800 года. После смерти Марии ее мать буквально окаменела от горя, но потом был убит император Павел, Александр взошел на престол, и в эти трагические дни, став императрицей, Елизавета Алексеевна пыталась оказать мужу всяческую нравственную поддержку.

Ее вторая дочь, названная Елизаветой, как уже говорилось, появилась на свет 3 (15) ноября 1806 года. Это долгожданное материнство на какое-то время вернуло императрице счастье, и весь следующий год прошел для нее в заботах о ребенке. Но, к сожалению, 30 апреля (12 мая) 1808 года умерла и вторая дочь: у нее очень трудно резались зубки, начались судороги, и никакие средства не смогли ее спасти…

Горе Елизаветы Алексеевны было безмерным. Четыре дня и четыре ночи она провела без сна у тела дочери.

Лейб-хирург Я.В. Виллие, утешая императора, сказал, что он и императрица еще молоды и у них еще могут быть дети.

— Нет, друг мой, — ответил Александр, — Господь не любит моих детей.

И эти его слова оказались пророческими: у супругов детей больше не было.

Следует отметить, что Елизавета Алексеевна быстро начала тяготиться постоянными балами, обедами и ужинами. Объясняется это просто: 16 декабря 1801 года скончался ее отец, Карл-Людвиг Баденский, и в течение всей зимы она из-за траура вообще практически не выезжала в свет. С другой стороны, по словам великого князя Николая Михайловича, она "ненавидела всякий этикет и церемонию; она любила жить просто и тогда получала полное удовлетворение".

А вот мнение фрейлины императрицы Софьи Александровны Саблуковой (в замужестве княгини Мадатовой):

"Вкусы императрицы были до крайности просты, она никогда не требовала даже самых пустячных вещей для убранства своих комнат, даже не приказывала никогда приносить цветы и растения; однако надобно заметить, что это делалось ею отнюдь не из равнодушия к этим предметам, а единственно из желания никого не беспокоить. Любимейшими ее удовольствиями были

морские купания и верховая езда".

УВЛЕЧЕНИЕ ИМПЕРАТОРА КНЯЖНОЙ НАРЫШКИНОЙ

Примерно в это время как раз и началось увлечение Александра княжной Марией Антоновной Нарышкиной, красивой, но не слишком далекой светской дамой, и уже на исходе 1803 года в письмах Елизаветы Алексеевны стали звучать грустные нотки и жалобы на тягостные предчувствия. При этом отношения между ней и Александром становились все более и более прохладными.

Эта связь императора длилась в течение многих лет. Можно даже утверждать, что Александр имел с Нарышкиной практически вторую семью.

Мария Антоновна родилась в 1779 году и была полькой по происхождению (урожденной княжной Святополк-Четвертинской) и женой обер-егермейстера Дмитрия Львовича Нарышкина.

Французский биограф Александра Анри Валлоттон пишет, что у императора "было три страсти: парадомания, Мария Нарышкина и дипломатия. Полностью он преуспел лишь в третьей".

Дело в том, что и роман с Нарышкиной закончился для Александра расставанием, одной из главных причин которого была неверность любвеобильной княжны. И император потом не стремился сводить счеты ни с ней, ни с ее многочисленными поклонниками. Он лишь стал говорить:

— Я не верю никому. Я верю лишь в то, что все люди — мерзавцы.

Но до этого пока было далеко. Пока интимная связь царя и жены обер-егермейстера, длившаяся долгие годы и не скрывавшаяся при дворе, несомненно, оскорбляла чувства Елизаветы Алексеевны.

А Нарышкина беспечно хвасталась перед ней своей очередной беременностью.

В июне 1804 года императрица писала своей матери:

"Говорила ли я вам, любезная мама, что впервые она бессовестно сообщила мне о своей беременности, которая была еще столь ранней, что я при всем желании ничего бы не заметила. Я нахожу, что для этого нужно обладать невероятной наглостью. Это произошло на балу, и ее положение было не так заметно, как теперь. Я разговаривала с ней, как со всеми остальными, и осведомилась о ее здоровье. Она ответила, что чувствует себя не

совсем хорошо: "Так как я, кажется, беременна" <…>. Она прекрасно знала, что мне небезызвестно, от кого она могла быть беременна. Не знаю, что будет дальше и чем все это кончится; знаю только, что я не стану убиваться из-за особы, которая того не стоит, ведь ежели я до сих пор не возненавидела людей и не превратилась в ипохондрика, то это просто везение".

В шестнадцать лет Мария Антоновна стала Нарышкиной после брака с 37-летним князем Д.Л. Нарышкиным. Это была блестящая партия. Ведь Нарышкины — это родственники императоров, а Наталья Кирилловна Нарышкина была второй женой царя Алексея Михайловича и матерью самого Петра I. И тут же она была пожалована во фрейлины. Зимой Нарышкины жили в своем доме на Фонтанке, а летом — на даче в Колтовской слободе. Жили они с чрезвычайной роскошью, очень открыто, принимали у себя весь город, давали блестящие праздники и балы. Красота Марии Антоновны была "до того совершенна", что, по словам не щедрого на похвалы Ф.Ф. Вигеля, "казалась невозможной, неестественной".

Историк Я.Н. Нерсесов называет ее "божественно красивой". Он пишет, что "при виде Нарышкиной все мужчины просто ахали и потом долго помнили первую встречу". А В.Н. Балязин утверждает, что она "была безоговорочно признана первой красавицей России".

И вот на эту красавицу обратил внимание Александр. И в скором времени их отношения вылились в подобие второй семьи. Хотя официально Александр и был женат, но его отношения с Нарышкиной длились, как утверждают, пятнадцать лет. И, по слухам, они нажили несколько детей, не доживших до зрелого возраста.

А потом Нарышкина, видимо, стала тяготиться своим положением и порождаемыми им кривотолками. Она, как утверждают некоторые очевидцы, "сама порвала ту связь, которую не умела ценить". То есть, по сути, эта экстравагантная дама не только изменила мужу с Александром, но и императору тоже! И до того конечно же дошли слухи, что она изменяет ему "то с князем Гагариным, высланным за это за границу, то с генерал-адъютантом графом Адамом Ожаровским, а потом и с множеством других ветреников и волокит".

М.А. Нарышкина. Неизвестный художник

Так ли это? Кто знает…

Во всяком случае, единственного сына Нарышкиной Эммануила, появившегося на свет в 1813 году, принято считать рожденным от связи с Г.И. Гагариным.

Всего же у нее было шестеро детей, из которых трое скончались в младенческом возрасте, все они официально считались детьми Д.Л. Нарышкина. При этом практически общепринятым является мнение, что отцом обеих Елизавет (первая умерла в 1803 году, а вторая — в 1804 году) и Зинаиды (она умерла в 1810 году) был император Александр. Его же считают и отцом Софьи, родившейся в 1808 году.

Кстати, Д.Л. Нарышкин называл своим ребенком лишь Марину, родившуюся в 1798 году.

После прекращения любовной связи с императором Мария Антоновна не потеряла его благосклонности, но уехала в 1813 году из России и проживала большей частью в Европе.

Ее дочь Софья отличалась слабым здоровьем, и по рекомендации врачей она жила на водах в Швейцарии и

Германии, регулярно наведываясь в Париж и Лондон. Когда она умерла в 18-летнем возрасте от чахотки, несчастнее человека, чем Александр, казалось, не было во всей России.

СТРАДАНИЯ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

А тем временем императрица Елизавета Алексеевна находила себе утешение в чтении книг, и постепенно ее кабинет превратился в серьезную библиотеку. Единственное, что ей оставалось, — это терпеть.

Великая княжна Екатерина Павловна. Художник Ф.-С. Штимбранд

Драматические события 1812 года вынудили ее отвлечься от личных переживаний, вызвали в ней небывалый подъем духа и подвигли ее к совершенно новой деятельности: она окончательно отказалась от внешних почестей и блеска, посвятив все свое время делам благотворительности.

Приближенная к императрице фрейлина С.А. Саблукова

(Мадатова) потом вспоминала:

"Государыня отличалась замечательной самоотверженностью. Так, например, она постоянно отказывалась брать миллион дохода, который получают императрицы, довольствуясь 200 тысячами. Все 25 лет император уговаривал ее брать эти деньги, но она всегда отвечала, что Россия имеет много других расходов, и брала на туалет, приличный ее сану, всего 15 тысяч в год. Все остальное издерживалось ею исключительно на дела благотворительности в России и на учреждение воспитательных заведений".

В годы войны Елизавета Алексеевна мало виделась с императором Александром, потому что он почти постоянно находился при армии. При этом, по складу своего характера склонная к отрешению, она думала о том, чтобы закончить жизнь где-нибудь в тихом уединении, но обязательно в России.

Ее отчаяние усилилось вследствие нового постигшего ее несчастья. Маленькая Лиза Голицына, которую она воспитывала после смерти Н.Ф. Голицыной и которая неотлучно при ней находилась, заболела и в декабре 1816 года умерла. Это новое горе воскресило в ней воспоминания о собственных дочерях, и она, как принято сейчас говорить, "сломалась".

А потом Елизавета Алексеевна пережила еще несколько тяжелых потерь. Сначала, в 1819 году, умерла ее верная подруга графиня Варвара Николаевна Головина, племянница фаворита императрицы Елизаветы I И.И. Шувалова. Вслед за ней, 20 октября 1823 года, умерла сестра Каратина-Амалия-Кристиана-Луиза Баденская, которая приехала с Елизаветой Алексеевной в Россию еще в ту далекую пору, когда Екатерина II выбирала среди них невесту для любимого внука и наследника (она прожила при русском дворе до февраля 1814 года).

"Императрица Елизавета от горести похудела и не перестает плакать о сестре", — писал Н.М. Карамзин поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву 27 ноября 1823 года.

В 1824 году Елизавете Алексеевне исполнилось 45 лет. Она все еще была стройна, хорошо сложена, но, как писала жена французского дипломата Софи Шуазель-Гуффье, "нежный цвет ее тонкого лица пострадал от сурового климата". Она же отмечала:

"Можно было представить себе, как очаровательна была государыня в весеннюю пору своей жизни. Ее разговор и приемы, в которых отражалась какая-то трогательная томность, и в то же время полный чувства взгляд, грустная улыбка, захватывающий душу мягкий звук голоса, наконец, что-то ангельское во всей ее личности — все как бы грустно говорило, что она не от мира сего,

что все в этом ангельском существе принадлежит небу".

Что же касается мужа, то в одном из своих последних писем к матери императрица писала:

"Все земные узы порваны между нами! Те, которые образуются в вечности, будут уже другие, конечно, еще более приятные, но, пока я еще ношу эту грустную, бренную оболочку, больно говорить самой себе, что он уже не будет более причастен моей жизни здесь, на земле. Друзья с детства, мы шли вместе в течение тридцати двух лет. Мы вместе пережили все эпохи жизни. Часто отчужденные друг от друга, мы тем или другим образом снова сходились; очутившись наконец на истинном пути, мы испытывали лишь одну сладость нашего союза. В это-то время она была отнята от меня! Конечно, я заслуживала это, я недостаточно сознавала благодеяние Бога, быть может, еще слишком чувствовала маленькие шероховатости. Наконец, как бы то ни было, так было угодно Богу. Пусть он соблаговолит позволить, чтобы я не утратила плодов этого скорбного креста — он был ниспослан мне не без цели. Когда я думаю о своей судьбе, то во всем ходе ее я узнаю руку Божию".

АЛЕКСАНДР И ЕГО СЕСТРА ЕКАТЕРИНА ПАВЛОВНА

Что еще можно сказать о личной жизни императора? Некоторые исследователи отмечают, что Александра с юности связывали тесные и весьма интимные отношения с его сестрой великой княгиней Екатериной Павловной, которая потом стала женой короля Вюртемберга.

Это была явно не "любовь брата". Например, в апреле 1811 года он написал ей в Тверь, где она жила с 1809 года, письмо следующего содержания:

"Я люблю вас до сумасшествия, до безумия, как маньяк! <… > Надеюсь насладиться отдыхом в ваших объятьях <…>. Увы, уже не могу воспользоваться моими прежними правами (речь идет о ваших ножках, вы понимаете?) и покрыть вас нежнейшими поцелуями в вашей спальне в Твери".

По словам историка Н.А. Троицкого, "все биографы Александра I, касавшиеся этого письма, были шокированы или, по меньшей мере, озадачены им. Они если и думали, то гнали от себя мысль о возможности кровосмесительной связи между царем и великой княгиней, а других объяснений не находили".

Биограф Александра К.В. Кудряшов пишет об этом так:

"Своей родной сестре Екатерине Павловне он слал столь нежные письма, что их тон и характер заставляют предполагать интимные отношения между братом и сестрой".

А вот великий князь Николай Михайлович в своей книге об Александре охарактеризовал их отношения двумя фразами:

"Александр попал всецело под влияние своей взбалмошной сестры Екатерины…" и "он относился к ней более любовно, чем к прочим сестрам".

ВНЕБРАЧНЫЕ ДЕТИ АЛЕКСАНДРА I

Всего историки насчитывают одиннадцать внебрачных детей Александра I, в том числе от Марии Антоновны Нарышкиной, а также от Софьи Всеволожской, от Маргариты-Жозефины Веймер, от Вероники Раутенштраух, от Варвары Туркестановой и от Марии Катачаровой.

Про детей М.А. Нарышкиной мы уже рассказывали. А вот княгиня Софья Сергеевна Мещерская (урожденная Всеволожская), дочь генерал-поручика С.А. Всеволожского, в 1796 году, будучи девицей, стала матерью некоего Николая Евгеньевича Лукаша, которого принято считать первым внебрачным ребенком Александра.

Этот человек был в 1807 году записан в военную службу сержантом. В1812—1814 гг. он принимал активное участие в войне с Наполеоном и был награжден золотой шпагой с надписью "За храбрость". В 1817 году он был произведен в подполковники, в 1823 году — в полковники, а в 1836 году — в генерал-майоры. Потом он был военным губернатором Тифлисской губернии и сенатором, дослужился до генерал-лейтенанта. Он умер в 1868 году в Москве.

Но вот был ли он точно внебрачным сыном Александра I.

Или, например, Мария Ивановна Катачарова, сама родившаяся в 1796 году. Ее сыном был Николай Васильевич Исаков, родившийся в Москве в 1821 году и тоже дослужившийся до чина генерал-лейтенанта. Официально он появился на свет в семье придворного берейтора (специалиста по верховой езде) Василия Григорьевича Исакова, но почему-то считается, что мать родила его от Александра I.

Но так ли это…

Или, скажем, та же Вероника-Елена Раутенштраух (урожденная Дзержановская), жена генерала Иосифа-Генриха Раутенштрауха. Ее сыном был некий Густав Эренберг, родившийся в 1818 году Официально он считался сыном варшавского пекаря Эренберга, а вырос в доме царского дипломата барона Моренгейма. За революционную деятельность в Польше он был приговорен к смертной казни, но помилован Николаем 1 и сослан в Сибирь.

Якобы он родился через девять месяцев после пребывания Александра I в Варшаве, а свидетельством его высокого происхождения считается переписка между царем и его матерью Еленой Раутенштраух, а также субсидии, высылавшиеся из Санкт-Петербурга на обучение мальчика.

Но вот достаточно ли таких "доказательств"…

Еще смешнее и бездоказательнее выглядит история Маргариты-Жозефины Веймер — знаменитой актрисы "мадемуазель Жорж", бывшей в свое время любовницей Наполеона.

Она родилась в 1787 году в Байё, росла в бедности и нужде, а потом стала ведущей солисткой "Комеди Франсэз". В 1802 году она стала любовницей Наполеона — это факт. Но вот при чем тут император Александр?

В мае 1808 года мадемуазель Жорж тайно покинула Париж и отправилась в Россию. По одной из версий, по заданию Талейрана и с тайной миссией покорить русского царя. По другой версии, в Россию она ехала к своему любовнику, который, как считается, обещал жениться на ней. Это был граф Александр Христофорович Бенкендорф, брат первой русской женщины-дипломата княгини Дарьи Христофоровны Ливен, приехавший в Париж в свите посла графа П.А. Толстого. Теперь граф Бенкендорф уехал обратно, и к нему-то и собралась мадемуазель Жорж.

На самом деле, со стороны А.Х. Бенкендорфа это была целая интрига, главной задачей которой было отбить Александра I у его в высшей степени кокетливой фаворитки М.А. Нарышкиной. Предполагалось толкнуть царя на связь с французской актрисой — связь мимолетную, от которой его без труда можно было бы вернуть потом к императрице Елизавете Алексеевне. По словам Гертруды Кирхейзен, "мимолетная связь с бывшей возлюбленной Наполеона казалась обществу менее опасной".

Наверняка мадемуазель Жорж ничего не знала обо всех этих тайных планах, и в письмах к матери она распространялась о прелестях своего "доброго Бенкендорфа". И она действительно была представлена Александру I, который принял ее очень

любезно, подарил ей драгоценную бриллиантовую застежку и один раз пригласил в Петергоф, но другого приглашения после этого не последовало.

Согласно одной из легенд, незадолго до войны 1812 года мадемуазель Жорж попросила у Александра разрешения вернуться в Париж. Вслед за этим якобы последовал такой диалог:

— Мадам, я начну войну против Наполеона, чтобы удержать вас.

— Но мое место не здесь, оно во Франции.

— Тогда располагайтесь в арьергарде моей армии, и я вас туда провожу.

— В таком случае я лучше подожду, пока французы сами не придут в Москву. В этом случае ждать придется не так долго…

Когда уже в 1812 году известия о несчастьях наполеоновской армии дошли до Санкт-Петербурга и когда, чтобы отпраздновать победу, все дома были украшены флагами и иллюминацией, ничто не могло заставить мадемуазель Жорж украсить так же и свой дом на Невском проспекте. Об этом ее упорстве донесли императору Александру, но он якобы ответил:

— Оставьте ее в покое… В чем тут преступление?… Она добрая француженка.

А кончилось все тем, что ей дали наконец разрешение уехать.

Интересно? Да. Но неужели этого достаточно, чтобы говорить о какой-то связи императора Александра с этой дамой? Что же касается детей, то их у Маргариты-Жозефины Веймер вообще никогда не было…

Княжна Варвара Ильинична Туркестанова, представительница знатного грузинского рода Туркистанишвили, была фрейлиной императрицы Марии Федоровны. Ее отец умер, когда ей исполнилось тринадцать, а еще через семь лет умерла и мать. После этого ее приютил у себя в доме родственник генерал-майор В.Д. Арсеньев. В 1808 году Варвара Ильинична была пожалована во фрейлины и сразу же стала украшением императорского двора. Потом на нее обратил внимание император Александр, а в 1818 году у нее начал развиваться роман с молодым князем В.С. Голицыным.

Варвара Ильинична влюбилась в него, но это ничем не закончилось. По одной версии, он заключил пари, что соблазнит Туркестанову, по другой — он хотел жениться на ней, но, застав у нее однажды ночью Александра, отказался от этой мысли. Как бы то ни было, она оказалась беременной и в апреле 1819 года родила дочь, названную Марией. После этого доведенная до

отчаяния она приняла яд, но тот подействовал не сразу. Промучившись несколько недель, княжна Туркестанова умерла в мае 1819 года.

А.С. Пушкин по этому поводу написал в своем дневнике:

"Княжна Туркистанова, фрейлина, была в тайной связи с покойным государем и с князем Владимиром Голицыным, который ее обрюхатил. Княжна призналась государю. Приняты

были нужные меры, и она родила во дворце, так что никто и не подозревал. Императрица Мария Федоровна приходила к ней и читала ей Евангелие, в то время как она без памяти лежала в постели. Ее перевели в другие комнаты — и она умерла. Государыня сердилась, узнав обо всем…"

Официально при дворе было объявлено, что фрейлина В.И.Туркестанова умерла от холеры…

И последнее по данному вопросу. Несмотря на то что императору Александру приписывается такое большое количество внебрачных детей, тот факт, что его законная жена родила только двух девочек, причем обеих, как считается, от своих любовников, заставляет некоторых исследователей вообще поставить под сомнение способность Александра Павловича к производству потомства.

10. БАРОНЕССА ТОН КРЮДЕНЕР

Когда спариваются скепсис и томление, возникает мистика.

НИЦШЕ

Как известно, Александр постепенно стал впадать в мистицизм. Перелом произошел где-то в 1819 году, и просто читать Библию, находя в ней утешение, для императора стало недостаточно. Он хотел проникнуть в самые темные места священной книги, он жаждал более глубоких познаний.

Но религиозный мистицизм не развеял его мрачных дум. "Тайный червь меланхолии" точил его все сильнее и сильнее, и немаловажную роль в этом сыграла баронесса Варвара-Юлия фон Крюденер, игравшая тогда в известной части общества роль достаточно своеобразную.

Один из современников характеризовал ее так:

"Крюденер имела ум сильный и плодовитый. В одно и то же время она прочитывала письма и отвечала на них и слушала, что читали ей из Библии <…>. В описываемый период она была уже женщина старая, с умными и нежными чертами лица, с большими впалыми голубыми глазами, с важным и почтенным видом. На третьем году своего возраста она умела читать и писать, на седьмом знала несколько языков, на двенадцатом она была в Риме, слушала там лекции в лучших училищах и знала уже все древности".

Старая? Это, пожалуй, слишком. Она родилась в 1764 году, то есть в 1815 году ей было чуть за пятьдесят. Но именно в это время она начала оказывать огромное влияние на императора Александра.

Родилась баронесса фон Крюденер в Риге, в семье одного весьма известного масона, а дедом ее матери был фельдмаршал Анны Иоанновны граф Христофор фон Миних. В восемнадцать лет она вышла замуж за барона фон Крюденера, посла России в Курляндии, который был старше ее на двадцать лет и с которым она очень скоро разошлась.

Дамой баронесса была весьма странной. Деревенская скука быстро утомила ее, и она сама себя довела до меланхолии, а потом встала на путь религиозной экзальтации. Затем она стала еще и пророчицей, и слава ее начала расти, сделав баронессу к 1815 году по-настоящему знаменитой. Правда, предсказания ее

были темны, неопределенны и легко поддавались всевозможным толкованиям, но на многих они производили весьма сильное впечатление. Особенно ее предсказание возвращения Наполеона с острова Эльба в то время, когда победители еще не закончили торжествовать.

Со временем она и сама все больше и больше начала убеждаться в своем посланничестве, и на этой волне сблизилась с самой императрицей, о чем писала друзьям в сентябре 1814 года:

"Господь удостоил привязать душу императрицы к пламенным желаниям моей души; я не один раз работала <…> с этой ангельской женщиной, и в последнее время, когда она уезжала, я считала себя свободной и стремилась присоединиться к вам в любезной моему сердцу долине, но внутренний голос говорил мне: дело еще не кончено".

В.-Ю. Крюденер. Неизвестный художник

Поясним: "работой", о которой говорит баронесса фон Крюденер, были беседы с императрицей, в которых она вела свою пропаганду…

Известно, например, что, когда императрица отправилась в

Вену, баронесса продолжала вести с ней активную переписку.

Александр I познакомился с баронессой фон Крюденер, возвращаясь из Вены, утомленный конгрессом и расстроенный бегством Наполеона с Эльбы. Он остановился на время в Гейльбронне и там вспомнил о предсказаниях этой женщины, известных ему со слов одной из фрейлин императрицы, графини Роксаны Эдлинг (урожденной Струдза).

По другой версии, когда Александр отправился из Вены в действующую армию, баронесса сама поджидала его в Гейльбронне, и там-то и произошла их первая встреча, которая потом завязала между ними "тесные религиозно-мистические отношения".

В любом случае Александр был поражен слухами о талантах баронессы и тотчас же принял ее.

Надо сказать, что личность императора Александра стояла в то время так высоко, что примкнуть к ней так или иначе — это было достаточным предметом любых честолюбивых исканий. Плюс баронесса знала о тогдашнем настроении императора и его склонности к мистицизму. В результате после окончательного низложения Наполеона император уже проводил у баронессы фон Крюденер целые вечера, и религиозная мечтательность его в это время достигла высочайших степеней…

Император Александр и в самом деле тогда был занят мыслями о "наилучшей церковной форме в современном христианстве". Он, конечно, признавал "внутреннюю церковь" и ее противоречие с "внешней церковью", и это должно было еще больше увеличивать его колебания. Плюс в тот момент очень впечатлительный Александр сильно разочаровался в своих недавних союзниках.

Историк С.П. Мельгунов констатирует:

"Перед баронессой Крюденер Александр является в виде кающегося грешника, сокрушающегося о прошлой жизни и прошлых заблуждениях".

И все же за ней едва ли можно признать какое-либо прямое политическое влияние, кроме той общей мистической религиозности императора, которую она поддерживала и усиливала. И конечно же не она подвигла его к идее Священного союза, ибо в мыслях императора уже давно носилась перспектива нового порядка вещей, который должен был состоять в господстве христианско-патриархального правления народами.

Один из свидетелей тех событий пишет:

"В этом первом свидании госпожа Крюднер старалась

побудить Александра углубиться в самого себя, показывая ему его греховное состояние, заблуждения его прежней жизни и гордость, которая руководила им в его планах возрождения".

— Нет, государь, — говорила она ему, — вы еще не получили помилования от того, кто один на земле имеет власть разрешать грехи. Вы еще остаетесь в своих грехах. Вы еще не смирились пред Иисусом, не сказали еще из глубины сердца: "Боже, я великий грешник, помилуй меня!" И вот почему вы не находите душевного мира. Послушайте слова женщины, которая также была великой грешницей, но нашла прощение всех своих грехов у подножия креста Христова.

В первый раз они говорили около трех часов. Александр при этом почти все время молчал и плакал. Наконец, баронесса, испуганная тем тревожным состоянием, в какое ее слова повергли императора, сказала ему:

— Государь, я прошу вас простить мне тон, каким я говорила. Поверьте, что я со всей искренностью сердца и перед Богом сказала вам истины, которые еще не были вам сказаны. Я только исполнила священный долг относительно вас…

— Не бойтесь, — отвечал Александр, — все ваши слова нашли место в моем сердце. Вы помогли мне открыть в себе самом вещи, которых я никогда еще в себе не видел, и я благодарю за это Бога, но мне нужно часто иметь такие разговоры, и я прошу вас не удаляться.

В результате баронесса поселилась в простом крестьянском домике, в десяти минутах от того дома, где жил император. И она стала ходить к нему, обычно через день, по вечерам, и проводила по нескольку часов в "душеспасительных беседах".

Эти посещения не могли не обратить на себя внимания, и им приписали политическую причину.

— Крюденер, — говорил Александр, — подняла предо мною завесу прошедшего и представила жизнь мою со всеми заблуждениями тщеславия и суетной гордости.

Как бы то ни было, когда император Александр отправился во Францию, он просил баронессу последовать за ним. Она выждала некоторое время и тоже приехала в Париж.

В Париже она посещала салон мадам де Сталь, присутствовала с дочерью на вечере, на котором Шатобриан читал отрывки из своего нового произведения "Гений христианства". Кстати, она и сама опубликовала роман "Валери", который был с успехом принят современниками и выдержал пять французских изданий, три немецких, одно английское, одно голландское и одно русское (в переводе с немецкого).

С 1815 года баронесса фон Крюденер находила все больше и больше почитателей в высшем русском обществе, вступила в контакт с князем Голицыным и с членами Библейского общества, в комитете которого с самого его основания находился ее брат, барон Б.И. Фитингоф.

Как уже говорилось, баронесса активно занималась прорицательством. Ей представлялось, что она возвращает на земле первобытную церковь, которая со временем установится между всеми народами. Себе она присваивала роль предвозвестницы. Предсказания ее говорили о близком крушении всего ложного порядка вещей. Еще в 1814–1815 гг. она писала:

"Приближается великая эпоха. Все будет опрокинуто, школы, гуманитарные науки, государства, троны. Дети Господа соберутся…"

Тогда это связывалось как-то с возобновлением Наполеоновских войн. Но этого не последовало. После второй реставрации она опять продолжила зловещие предсказания:

"Вихрь разрушения унесет все на Страшный суд <…> Все правительства должны подумать о том, что я говорю. Это древняя борьба тьмы против света. Государи и правители бывают только рабами этой силы, если Христос не будет для них царем и избавителем, Евангелие — законом, а Его жизнь — примером <…>. Горе государствам, которые не живут им! Скоро раздастся шум их падения!"

А в 1818 году баронесса фон Крюденер приехала в Россию и долго жила в Лифляндии. И она опять пророчила:

"Восток открывается, приближаются бедствия, которые падут на Европу…"

В 1821 году неугомонная баронесса прибыла в Санкт-Петербург и там сошлась с княгиней Анной Сергеевной Голицыной (урожденной Всеволожской), а также с кружком русских мистиков.

А что же Александр?

Историк С.П. Мельгунов пишет:

"Серьезно ли было влияние Крюденер на Александра? Быть может, глубоко прав был один из первых биографов госпожи Крюденер, сказавший: "Очень вероятно, что Александр делал вид, что принимает поучения госпожи Крюденер для того, чтобы думали, что он предан мечтаниям, которые стоят квадратуры круга и философского камня, и из-за них не видели его честолюбия и глубокого макиавеллизма". Александр любил выслушивать пророчества и тонкую лесть Крюденер и ей подобных оракулов, но очень не любил, когда они реально

вмешивались в область дипломатии. И когда Крюденер, окруженная славой, явилась в петербургские салоны и попробовала вмешаться в неподлежащую ей сферу, она моментально была выслана из Петербурга".

И в самом деле, последовало греческое восстание, и баронесса стала проповедовать крестовый поход против турок для освобождения греков. После этого охладевший к ней император деликатно, письмом, остановил ее проповедь. То есть, по сути, просто прогнал из Санкт-Петербурга. И баронесса в конце 1821 года вынуждена была возвратиться в свое лифляндское имение, где она стала делать над собой аскетические опыты, подорвавшие ее здоровье. А весной 1824 года она отправилась вместе с княгиней А.С. Голицыной, в лице которой нашла родственную душу, в Крым, где и умерла.

11. "ЗАКРУЧИВАНИЕ ГАЕК

Нет дела, коего устройство было бы труднее, ведение опаснее, а успех сомнительнее, нежели замена старых порядков новыми.

НИККОЛО МАКИАВЕЛЛИ

ПАДЕНИЕ СПЕРАНСКОГО

Как уже говорилось, М.М. Сперанский стал у Александра первым госсекретарем и фактически вторым после императора человеком в государстве, и его политическим идеалом были конституционные государства Западной Европы, но более всего он отдавал предпочтение системе, созданной во Франции при Наполеоне. Естественно, это вызвало бурю недовольства со стороны консервативной части "высшего света", то есть тех, чьи интересы оказались затронуты более всего.

К этому времени Сперанский уже получил немало щедрых царских милостей, его материальное положение улучшилось, и он смог купить себе двухэтажный дом у Таврического сада, на углу Сергиевской улицы. При этом жил он скромно и редко показывался в свете. Во-первых, он был завален неотложными делами, во-вторых, став выше многих других по своим заслугам, он не дошел до фактического равенства с аристократами, которые продолжали смотреть на него как на зарвавшегося выскочку.

К 1812 году Сперанский был награжден орденом Святого Александра Невского, и эта награда стала для него последней: над ним уже сгустились грозные тучи, и очень скоро все это разразилось сильнейшим ударом, ибо помимо аристократии из-за усиления налогов против него зароптал и народ (простые люди говорили: "Дерет этот попович кожу с народа, сгубит он государство"). Таким образом, против Сперанского восстали практически все классы в России. Он это знал, но оставался непреклонным в проведении реформ.

До поры до времени он пользовался поддержкой императора и "стоял, как дуб, среди целой бури сыпавшихся на него порицаний". Но для врагов Сперанского было очевидно, что лучшее средство к его низвержению заключалось в том, чтобы уронить его в глазах царя. В результате была разыграна мощная многоходовая интрига, ставившая целью регулярно сообщать

мнительному Александру разные дерзкие отзывы, якобы исходившие из уст его нового фаворита. Более того, Михаила Михайловича стали обвинять в подрыве государственных устоев России, называли изменником и даже французским шпионом, продававшим Наполеону государственные тайны.

И, как ни странно, цель оказалась достигнута. Постоянно слыша одни и те же обвинения против Сперанского, Александр поверил в черную неблагодарность облагодетельствованного им человека. А так как уже шли активные приготовления к новой войне против Наполеона, которые отнимали всякую возможность сосредоточиться на разбирательстве доносов на Сперанского, он принял решение пожертвовать своим любимцем и незаменимым помощником в деле реформ. Как следствие 17 марта 1812 года фельдъегерь прискакал к Сперанскому от императора с приказом явиться во дворец в восемь часов вечера. Ничего не подозревая, ибо такие приглашения случались часто, Михаил Михайлович взял портфель и отправился в назначенное время. И что же? После аудиенции, продолжавшейся почти два часа, Сперанский вышел с заплаканными глазами, сел в уже приготовленную почтовую карету и отправился в сопровождении пристава по дороге в Нижний Новгород.

На другой день император сказал князю Голицыну:

— У меня отняли Сперанского, а он был моей правой рукой.

Потом он поручил князю разобрать бумаги Сперанского, прибавив:

— Но в них вы ничего не найдете, он не изменник.

А когда граф Нессельроде пожаловался императору, что лишился в лице Сперанского самого верного и ревностного слуги своего, Александр ответил:

— Ты прав, но лишь теперешние обстоятельства и могли вынудить у меня принести эту жертву общественному мнению.

Враги же Сперанского отмечали его ссылку "как первую победу над французами".

Как видим, эта отставка очень напоминала традиционную царскую опалу: с глаз долой, из сердца вон. При этом никакого даже формального обвинения Сперанскому не предъявили. Даже приставу, сопровождавшему его в Нижний Новгород, не выдали на руки никаких бумаг…

Современники назвали все это "падением Сперанского". На самом деле произошло не просто падение высокопоставленного чиновника, а успешное (хорошо еще, что бескровное) устранение либерала-реформатора со всеми вытекающими отсюда последствиями.

А жаль, ведь даже граф А.А. Аракчеев, которого историк А.Б.

Зубов характеризует как человека, с одной стороны, "одаренного блестящими организаторскими способностями и административным талантом", но, с другой стороны, "обидчивого, завистливого и ревнивого к царской милости", говорил о Михаиле Михайловиче так: "Будь у меня хоть треть ума Сперанского, я был бы великим человеком!"

Император Александр жаловался впоследствии фактическому начальнику своей тайной полиции Якову Ивановичу де Санглену:

— Сперанский вовлек меня в глупость.

А вот историк С.П. Мельгунов отмечает, говоря об отношениях Александра и Сперанского:

"Ему нужны были лишь практические меры Сперанского, так сказать, минимальная реформа, которая придала бы некоторую хотя бы стройность "безобразному зданию империи". В этих реформах была слишком осязательная потребность в виду предвидения неизбежного столкновения России с Францией".

Из Нижнего Новгорода Сперанского вскоре перевели в другое место, и с 23 сентября 1812 года по 19 сентября 1814 года он отбывал ссылку в Перми. Оттуда он как-то написал Александру:

"Полезнее, может быть, было бы все установления плана приуготовить вдруг, открыть единовременно: тогда они явились бы все в своем размере и стройности и не произвели бы никакого в делах смешения, но Ваше Величество признали лучшим терпеть, на время, укоризну некоторого смешения, нежели все вдруг переменить, основавшись на одной теории. Сколько предусмотрение сие ни было основательно, но впоследствии оно сделалось источником ложных страхов и неправильных понятий. Не зная плана правительства, судили намерение его по отрывкам, порицали то, чего еще не знали, и, не видя точной цели и конца перемен, страшились вредных уновлений".

Такой вот немного корявый, но весьма точный анализ причин провала реформ в России. Во-первых, надо было действовать по всем направлениям единовременно, ибо изменение чего-то одного ничего, по сути, не меняло. Во-вторых, никто не понимал точной цели перемен…

Великий князь Николай Михайлович добавляет к этому еще и то, что М.М. Сперанский был одинок. У него "не было друзей, а враги окружали его всюду". Еще одна причина:

"Для всего этого необходимо было время, твердость, упорство и настойчивость. Александр же постоянно колебался между мыслию и действительным ее исполнением".

А вот мнение историка А.Н. Пыпина:

"У него не было умения бороться с интригой, от которой он и пал, не было желания устранять врагов".

Биограф Александра А.Н. Архангельский пишет: "Сперанский — не в пример государю — по своим личным пристрастиям не был республиканцем. Его "управленческим" идеалом <…> до конца жизни осталась конституционная монархия, в которой уравновешен***ы*** единоличная воля царя и "коллективная" воля представительных органов <…>. Тем более Михаил Михайлович не строил личных заговоров против Александра Павловича и отнюдь не метил в первые русские президенты <…>. Да, царев помощник мог в раздражении заметить, что с управлением Россией не только он, Сперанский, но и любой природный русский справился бы лучше, чем немец-царь, который "все делает наполовину… слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым". Да, он был готов получать в свое распоряжение конфиденциальную информацию, адресованную непосредственно государю. Но бесполезно искать в этих "проступках" признаки морального покушения на монаршие прерогативы. Тут дело в другом. Просто последовательный ум реформатора бесконтрольно проникал дальше запретной черты <…>. Сперанский сознавал, не признаваясь, что вселенная российской власти в случае успеха затеваемого дела станет вращаться не вокруг Романовых, а вокруг сперанских. А поскольку в его футуристической голове преобразования давно уже совершились, постольку и вел он себя соответственно".

В любом случае с падением М.М. Сперанского реформы в России резко притормозили, и началось "закручивание гаек" по всем направлениям.

ТАЙНАЯ ПОЛИЦИЯ

Историк С.П. Мельгунов констатирует:

"Мрачная реакция, реакция без поворотов, без отступлений и без колебаний характеризует вторую половину царствования императора Александра".

Окончательный поворот к реакции в его политике последовал в 1819–1820 гг. Именно в эти годы произошли события, обозначившие конец периода конституционных колебаний Александра и решительно толкнувшие его "в лагерь абсолютизма и реакции". Что это были за события? В Европе это были военные революции в Италии и Испании, а в России…

Например, в октябре 1820 года произошло восстание в знаменитом Семеновском полку, где одна рота (так называемая государева рота[10]) подала просьбу об отмене введенных жестких порядков и о смене полкового командира.

Всех тогда арестовали и отправили в казематы Петропавловской крепости. Но за роту вступился весь полк, и его тут же окружил военный гарнизон столицы, и виновных тоже в полном составе отправили в Петропавловскую крепость. Потом всех зачинщиков предали военному суду и прогнали сквозь строй, а простых солдат приговорили к ссылке в дальние гарнизоны.

Как видим, с несогласными император умел расправляться достаточно решительно.

В результате уже в 1821 году в русской армии была введена тайная полиция, ибо Александр был убежден, что выступление Семеновского полка было спровоцировано неким тайным обществом. Впрочем, еще до этого, можно сказать, восстания император был уверен, что в столице существуют "злые подстрекатели". Он писал А. А. Аракчееву:

"Никто на свете меня не убедит, чтобы сие выступление было вымышлено солдатами или происходило единственно, как показывают, от жестокого обращения с оными полковника Шварца <…>. По моему убеждению, тут кроются другие причины <…>. Я его приписываю тайным обществам".

Конечно же после этого начались усиленные поиски "злодеев". Однако вовсе не полиция напала на след существовавшего в то время декабристского "Союза благоденствия". Примерно с конца 1820 года власти уже располагали серией доносов, а в конце мая 1821 года генерал И.В. Васильчиков, ставший к тому времени членом Государственного совета, подал императору список наиболее активных членов тайного общества. Но. как рассказывают, Александр бросил список в камин, якобы не желая знать "имен этих несчастных", ибо и сам "в молодости разделял их взгляды". При этом он якобы добавил:

— Не мне их карать.

А карать Александр умел, и очень даже жестоко. И в данном случае отказ от открытого судебного преследования был вызван отнюдь не соображениями гуманности. Просто громкий политический скандал мог посеять сомнения относительно могущества "жандарма Европы". Плюс Александр I, по свидетельству декабриста С.Г. Волконского, сына князя Г.С. Волконского, вообще не любил "гласно наказывать".

Тем не менее уже в 1821 году Александр начал еще сильнее "закручивать гайки": как мы уже говорили, в армии была создана разветвленная сеть тайной полиции, а в 1822 году вышел

императорский указ о запрещении любых тайных организаций.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Этот указ был передан управляющему Министерством внутренних дел В.П. Кочубею, и в нем говорилось о взятии от всех военных и гражданских чинов подписки (обязательства), что они не принадлежат и не будут принадлежать к таковым организациям.

Что же касается тайной полиции, то в ней система слежки делилась на ряд округов, имела свои центры, условные явки и пароли, целую сеть низших и высших "корреспондентов". Имелись и особые агенты, следившие за действиями самой тайной полиции, а также друг за другом. Активно работала и "гражданская" тайная полиция.

Историк А.И. Михайловский-Данилевский отмечает:

"Недостатка в шпионстве тогда не было, правительство было подозрительно, и в редком обществе не было шпионов, из коих однако же большая часть была известна; иные принадлежали к старинным дворянским фамилиям и носили камергерские мундиры".

У А.А. Аракчеева, кстати, была своя тайная полиция, но следили и за ним самим, и он относился к этому как к должному. Начало процветать доносительство, недаром же А.С. Грибоедов написал такие строки:

Здесь озираются во мраке подлецы,
Чтоб слово подстеречь и погубить доносом…

Удивительно, но попечитель Казанского учебного округа М.Л. Магницкий, предлагавший разрушить здание Казанского университета за обнаруженный там "дух вольнодумства и безбожия", однажды подал донос даже на великого князя Николая Павловича, будущего императора Николая I.

Наступление реакции в 1820–1825 гг. обозначалось по всем направлениям. В частности, были отменены все указы, изданные в первые годы царствования Александра I и как-то сдерживавшие произвол помещиков по отношению к крестьянам. Было вновь подтверждено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь "за предерзостные поступки". Усилились гонения на просвещение и печать.

Примерно в это время было запрещено цитировать в прессе какие-либо законы, была запрещена любая критика действий

генералов, государственных чиновников или учреждений.

Цензурным гонениям в этот период подвергались даже В.А. Жуковский и Н.М. Карамзин.

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР И А. С. ПУШКИН

Прекрасно знавший Александра князь Адам Чарторыйский писал о нем так:

"Император любил внешние формы свободы, как можно любить представление <…>. Он охотно согласился бы, чтобы каждый был свободен, лишь бы все добровольно исполняли одну только его волю".

Исключительно метко подмечено! Несогласных Александр не жаловал, и многие его реформы так и остались недоделанными или половинчатыми. Как уже говорилось, сначала он начал постепенно отдаляться от своих "молодых друзей", потом убрал М.М. Сперанского, а затем вообще приблизил к себе графа А. А. Аракчеева, про которого А.С. Пушкин написал убийственную эпиграмму:

Всей России притеснитель,
Губернаторов мучитель,
И Совета он учитель,
А царю он — друг и брат.
Полон злобы, полон мести,
Без ума, без чувств, без чести…

Сам А.С. Пушкин после окончания Царскосельского лицея стал служить в Государственной коллегии иностранных дел, однако там он начал вести светскую жизнь, перемежая любовные похождения с написанием вольнодумных стихов. Об этом, естественно, донесли Александру I, и он в 1819 году пожелал познакомиться с произведениями А.С. Пушкина. Особое недовольство императора вызвали эпиграммы дерзкого молодого человека, и ему было приказано покинуть Санкт-Петербург. В результате он был переведен на скромную чиновничью должность в Екатеринослав (ныне это Днепропетровск).

Так начался второй период жизни и литературного творчества А.С. Пушкина (Кавказ, Крым, Кишинев и Одесса), продолжавшийся с 1820 по 1824 год. В двух последних городах, находясь на государственной службе, поэт вел жизнь игрока и дуэлянта, И кончилось для него все это тем, что после конфликта с генерал-губернатором графом М.С. Воронцовым в августе 1824

года его выслали в отцовское имение Михайловское, что в Псковской губернии.

Конечно, Александр I не считал А.С. Пушкина серьезной политической проблемой, однако право вернуться из ссылки поэт получил лишь после смерти этого императора.

В свою очередь, А.С. Пушкин не любил императора Александра. Про него он написал такую эпиграмму:

Воспитанный под барабаном,
Наш царь лихим был капитаном:
Под Аустерлицем он бежал,
В двенадцатом году дрожал,
Зато был фрунтовой профессор!
Но фрунт герою надоел —
Теперь коллежский он асессор
По части иностранных дел!

Эпиграмма, надо сказать, достаточно дерзкая. Чего стоит, например, оценка Пушкиным военных способностей императора… Или последние две строки… Ведь понятно, что коллежский асессор — это мелкий чиновник, то есть А.С. Пушкин разит Александра I еще и "за полнейшую потерю престижа в вопросах международной политики".

За такие слова при каком-либо другом правителе можно было бы пострадать гораздо сильнее, чем пострадал при Александре I Александр Сергеевич.

Он, кстати, сам сочинил такой вот воображаемый разговор с этим императором:

"Когда б я был царь, то позвал бы Александра Пушкина и сказал ему: "Александр Сергеевич, вы прекрасно сочиняете стихи". Александр Пушкин поклонился бы мне с некоторым скромным замешательством, а я бы продолжал: "Я читал вашу оду "Свобода". Она вся писана немного сбивчиво, слегка обдумано, но тут есть три строфы очень хорошие. Поступив очень неблагоразумно, вы однако ж не старались очернить меня в глазах народа распространением нелепой клеветы. Вы можете иметь мнения неосновательные, но вижу, что вы уважили правду и личную честь даже в царе…""

А.С. Пушкин. Художник В А. Тропинин

Далее фантазия поэта уводит его все дальше и дальше. Он якобы говорит Алесандру:

"Я всегда почитал и почитаю вас, как лучшего из европейских нынешних властителей, <…> но ваш последний поступок со мною <…> противоречит вашим правилам и просвещенному образу мыслей…"

Последний поступок тут — это ссылка А.С. Пушкина в село Михайловское.

А Александр ему якобы отвечает на это вопросом:

"Признайтесь, вы всегда надеялись на мое великодушие?"

И вот окончание этого воображаемого разговора:

"Но тут бы Пушкин разгорячился и наговорил мне много лишнего, я бы рассердился и сослал его в Сибирь…"

Как видим, в этом произведении фантазия А.С. Пушкина идет до того, что Александр I ссылает его в Сибирь. И, что характерно, литературоведы потом подхватили эту фантазию и начали утверждать, что Пушкин "водил дружбу с будущими декабристами, а за эпиграммы в адрес Александра I едва не угодил в Сибирь".

В связи с этим представляется интересным мнение В.С. Соловьева, который в своей работе "Судьба Пушкина" пишет:

"Пушкина будто бы не признавали и преследовали! Но что же, собственно, не признавалось в нем, что было предметом вражды и гонений? Его художественное творчество? Едва ли, однако, во всемирной литературе найдется другой пример великого писателя, который так рано, как Пушкин, стал общепризнанным и популярным в своей стране. А говорить о гонениях, которым будто бы подвергался наш поэт, можно только для красоты слога.

Если несколько лет невольного, но привольного житья в Кишиневе, Одессе и собственном Михайловском есть гонение и бедствие, то как же мы назовем бессрочное изгнание Данте <…>, нищету Шиллера, остракизм Байрона, каторгу Достоевского и т. д.? Единственным бедствием, от которого серьезно страдал Пушкин, была тогдашняя цензура; но <…> это была общая судьба русской литературы".

От себя добавим, что цензура — это было не единственное бедствие, от которого серьезно страдал А.С. Пушкин. Он страдал также от своего буйного характера, любви к кутежам, картам и дуэлям. Ну и конечно же от повышенного интереса к слабому полу, в том числе к замужним дамам.

НОВЫЙ ЦЕНЗУРНЫЙ УСТАВ

В марте 1801 года в России был снят введенный при Павле I запрет на ввоз книг из-за рубежа. Вновь была разрешена деятельность частных типографий. В феврале 1802 года даже последовал указ, отменяющий предварительную цензуру (на ее месте утверждалась лишь цензура карательная, то есть последующая). В результате в России имело место оживление издательского дела.

Однако в 1803 году предварительная цензура вновь была восстановлена.

Тем не менее количество периодических изданий в России в первое десятилетие XIX века достигло 77 наименований: большинство из них составляли столичные литературные издания.

С 1811 года стали выходить "Казанские известия" — первая русская провинциальная газета.

В июне 1804 года Александром I был утвержден новый цензурный устав, согласно которому управление по делам цензуры было сосредоточено в Министерстве народного просвещения, которое тогда возглавлял граф П.В. Завадовский. При каждом университете был сформирован специальный

комитет из профессоров, без позволения которого не могло быть напечатано ни одно произведение.

По новому уставу цензоры должны были трактовать все сомнительные места в пользу сочинителей. Запрет вводился лишь на написанное против Бога, власти и личной чести граждан. Цензура при Александре I имела целью, как было написано в § 2 устава, "доставить обществу книги и сочинения, способствующие истинному просвещению ума и образованию нравов, и удалить книги и сочинения, противные сему намерению".

Однако потом, как уже говорилось, началось "закручивание гаек". Например, указ от 31 января 1809 года запретил печатать любые книги без разрешения цензуры, а предписание министра народного просвещения от 10 августа 1809 года наложило запрет на публикацию в периодических изданиях всякой политической информации. Сведения о положении России можно было черпать только из официальных "Санкт-Петербургских ведомостей", а единственным источником информации о военных действиях стал "Военный журнал", издаваемый при Главной имперской квартире. Остальные издания могли только перепечатывать официальные публикации. В Публичной библиотеке возник недоступный для читателей "спецхран", где хранились запрещенные газеты и романы.

КОНТРОЛЬ НАД УЧЕБНЫМИ ЗАВЕДЕНИЯМИ

Казалось бы, при Александре была предложена весьма стройная система организации образования, но, к сожалению, идея эта так и не была реализована в полном объеме.

На практике низшие и средние учебные заведения развивались крайне медленно, а крепостные крестьяне в них вообще не допускались. Да, для государственных крестьян были созданы приходские школы с программой обучения, рассчитанной на один год. Но таких школ было мало, а посему грамотность среди российских крестьян едва достигала 5 %.

Уездные училища с программой обучения, рассчитанной на три года, предназначались для низших городских сословий, и лишь для дворян были открыты кадетские училища и гимназии. Кстати сказать, согласно указу 1803 года, гимназии предполагалось открыть в каждом губернском городе, но при Александре I этого сделано не было: в 1824 году на территории России действовали лишь 24 гимназии, а на всю Сибирь работала только одна гимназия — в Тобольске (для сравнения: в 1892 году их в России было 180).

Ко всему прочему, в последние годы своего царствования Александр попытался взять под жесткий контроль внутреннюю жизнь учебных заведений. В частности, согласно уставу 1817 года, была существенно ограничена автономия университетов. В том же году вместо Министерства просвещения было создано Министерство духовных дел и народного просвещения во главе с обер-прокурором Святейшего Синода князем А.Н. Голицыным. Под его руководством фактически был осуществлен разгром российских университетов, воцарилась жестокая цензура.

Дело в том, что князь Голицын проповедовал идею воспитания молодого поколения в духе "общехристианского государства". Обосновывая императору необходимость нового объединения, он призывал "освятить науку духом религии, <…> дабы христианское благочестие было всегда основанием истинного просвещения", и даже сама мысль о несовместимости науки и религии представлялась ему вредной и даже пагубной.

Его сотрудник М.Л. Магницкий, ставший в 1819 году членом Главного правления училищ, был послан в Казань в качестве ревизора. Там он написал инструкцию Казанскому университету, которая была утверждена в 1820 году. По сути, эта инструкция была направлена на то, чтобы искоренить в преподавании любой дух вольнодумства, она подробно определяла направление преподавания каждого предмета и даже быт студентов. По представлению Магницкого были уволены 11 профессоров.

В 1821 году назначенный попечителем Петербургского учебного округа Д.П. Рунич подверг аналогичному разгрому столичный университет. Он начал с доноса о том, что науки преподаются там "в противном христианству духе", и это стало причиной возбуждения судебного процесса против лучших профессоров: К.И. Арсеньева, К.Ф. Германа, Э.В. Раупаха и др.

Процесс этот тянулся до 1827 года и был прекращен за недоказанностью "преступления".

ВОЕННЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ

О том, что реформы "дали задний ход", свидетельствует и тот факт, что за 1810–1811 гг. в связи с тяжелым финансовым положением казны было продано частным лицам свыше 10 000 казенных крестьян, а в 1822 году было возрождено право помещиков ссылать крестьян в Сибирь.

А в конце 1815 года Александр приступил к обсуждению проекта так называемых военных поселений, первый опыт насаждения которых был произведен в 1810–1812 гг. на базе

резервного батальона Елецкого пехотного полка, размещенного в Могилевской губернии. Разработка плана создания таких поселений была поручена графу А.А. Аракчееву. Целями проекта были "создание нового военно-земледельческого сословия, которое своими силами должно было содержать и комплектовать постоянную армию без использования средств из бюджета страны, а также освобождение населения страны от постоянной повинности — содержать армию". Фактически это была попытка разрешения острых финансовых проблем путем перевода части армии на "самоокупаемость", то есть устройства солдат на земле, чтобы они наряду с военной службой занимались и земледелием и тем содержали сами себя. Это была попытка соединить в одном лице и в одном образе жизни крестьянина и солдата.

На первый взгляд эта идея была неплохой: облегчить нагрузку на бюджет и сделать так, чтобы армия могла содержать себя сама. Но на практике вся жизнь семьи военного поселенца оказалась строго регламентирована, в поселениях царили жесткая казарменная дисциплина и полутюремные порядки. По сути же это был "апофеоз рабства", где, по словам Э.С. Радзинского, "солдаты-крестьяне маршировали, сеяли, кормили скот и рожали детей под бравурные марши и дробь барабана".

Любые отступления от установленного порядка в военных поселениях строго карались. Основным занятием были военные учения, а так как командиры мало разбирались в земледелии, то случалось, что хлеб осыпался на корню, а сено гнило под дождем. Даже жениться военный поселянин мог только с разрешения своего начальства, а порой парней и девушек выстраивали в две шеренги, и командир лично назначал каждому "жениху" его "невесту".

Подготовка к переводу войск и жителей в разряд военных поселян началась в августе 1816 года. В 1817 году были введены военные поселения в Новгородской и Херсонской губерниях, потом они стали появляться повсюду — от Балтики до Черного моря.

К 1825 году в военных поселениях насчитывалось почти 170 000 солдат регулярной армии и 374 000 государственных крестьян и казаков.

Ряд историков пытается все проблемы, связанные с военными поселениями, свалить на А.А. Аракчеева, чтобы тем самым представить Александра I в благоприятном свете. Нисколько не отрицая большого влияния Аракчеева на ход государственных дел, все же хотелось бы подчеркнуть, что идея создания военных поселений возникла у Александра, а назначенный их начальником Аракчеев лишь усердно претворил эту политику в

жизнь. При этом Александр, даже находясь за границей, держал все нити управления в своих руках, вникая во все мелочи, касающиеся "ведомства" Аракчеева. Кстати, начальник штаба военных поселений П.А. Клейнмихель свидетельствовал, что многие из аракчеевских приказов по военным поселениям император правил собственноручно.

Военные поселения стали навязчивой идеей Александра, который говорил:

— Они будут во что бы то ни стало, хотя бы пришлось уложить трупами дорогу от Петербурга до Чудова.

Аракчеев же просто круто взялся за порученное ему дело (мнения Барклая-де-Толли и Дибича о вредных последствиях военных поселений были оставлены без внимания), и это навлекло на него основную часть народного недовольства.

Люди действительно не раз подавали Александру просьбу "защитить крещеный народ от Аракчеева". И все это еще раз подтверждает тот факт, что Александр мастерски умел "перекладывать свою непопулярность" на других. Это прекрасно видел и сам граф Аракчеев, говоря, что император представляет его "пугалом мирским". В результате Алексей Андреевич даже в годы могущества не был уверен в прочности своего положения. Он говорил об Александре одному из своих коллег:

— Вы знаете его — нынче я, завтра вы, а после опять я.

М.Ф. Бороздин в своих "Воспоминаниях" характеризует Аракчеева так:

А.А. Аракчеев. Художник Дж. Доу

"Положение графа Аракчеева во главе государственного управления восстановило против него и зависть, и недоброжелательство. Но он шел своим путем — всегда угрюмый, холодный, непреклонный, недоверяющий другим, отвергнувший от себя общество. Тяжелый характер его и притязательность к лицам, пользующимся общим уважением, увеличивали число врагов <...>. Для Аракчеева не было ничего невозможного, он жертвовал всем для своих целей. Он смотрел на простой народ как на орудия физической силы".

А вот свидетельство А.И. Герцена:

"В последние годы Александра. Аракчеев управлял всей Россией. Он мешался во все, на все имел право и бланковые подписи. Расслабленный и впадавший в мрачную меланхолию, Александр поколебался немного между князем А.Н. Голицыным и Аракчеевым и, естественно, склонился окончательно на сторону последнего".

Конечно же введение военных поселений, которые тот же Герцен назвал "величайшим преступлением царствования Александра I", встретило упорное сопротивление со стороны

крестьян и казаков, насильно обращавшихся в военных поселян. Например, летом 1819 года вспыхнуло восстание в Чугуеве, что близ Харькова. В 1820 году бунтовали крестьяне на Дону: там более двух с половиной тысяч селений было охвачено мятежом. Потом бунты поселян "с кровавыми сценами варварства" пошли и по другим регионам. Все это усугубилось появлением небывалой болезни — холеры, а с нею вместе и стеснительных карантинов. Тысячи жертв, окончившие жизнь в страшных конвульсиях холеры, произвели на народ страшное впечатление.

В результате военные поселения были упразднены в 1857 году (в них к тому времени насчитывалось уже около 800 000 человек).

12. ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР И МАСОНЫ

Масонские ложи были единственными общественными организациями, где могла проявляться общественная инициатива в дни наступающей реакции.

С.П. МЕЛЬГУНОВ

РАСЦВЕТ МАСОНСТВА В ПЕРВЫЕ ГОДЫ ЦАРСТВОВАНИЯ АЛЕКСАНДРА

Считается, что масоны имели самое прямое отношение к смерти Павла I, и история русского масонства в 1796–1801 гг. только подтверждает справедливость этого предположения. Какого-либо официального решения о запрещении масонства в России не существовало, однако большая часть лож была вынуждена заявить о прекращении или приостановке своей работы.

Связано это с тем, что среди ближайшего окружения Павла наряду с ревностными масонами оказалось немало и их противников: АА Аракчеев, И.П. Кутайсов, Ф.В. Ростопчин и др. Последний, в частности, как-то воспользовался своей близостью к императору и сообщил ему об одном масонском ужине начала 90-х гг., на котором братья-масоны якобы бросали жребий, кому убить императрицу Екатерину II. Информация эта поразила впечатлительного Павла. Но по большому счету дело здесь было все же в его принципиальной позиции: он считал масонов чем-то противным "началам абсолютной его власти". Хорошо знакомый с их учением, этот император, еще будучи наследником, возненавидел в масонской деятельности "проявление общественной силы, независимой от верховного правительства".

Нетрудно догадаться, что это осложнило отношения Павла I с масонами. Отсюда и идут попытки ряда авторов связать убийство этого императора с масонским заговором против него.

В самом деле, среди участников заговора было немало членов масонских лож: генерал П.В. Голенищев-Кутузов, Н.М. Бороздин, П.А. Зубов, В.А. Зубов и др. Масоном был и Л.Л. Беннигсен,

возглавивший группу офицеров (братья Зубовы, князь В.М. Яшвиль, И.М. Татаринов, Я.Ф. Скарятин и др.), которая, собственно, и умертвила Павла Петровича. А вот вдохновителем всего этого была масонская аристократическая группировка во главе с бывшим российским послом в Англии С.Р. Воронцовым (членом петербургской ложи "Скромность").

Следует отметить, что политические тайные общества возникли в России позже, нежели в Западной Европе, хотя уже задолго до Александра I научные и религиозные цели некоторых обществ служили их членам покровом для сокрытия политических целей.

В последние годы правления Екатерины II в России стали смотреть на масонов как на якобинцев. Император Павел I, напротив, оказывал покровительство некоторым масонам, но при нем ни одна из лож в России так и не была открыта. Что же касается Александра I, то он действовал в отношении к масонам весьма снисходительно: правительству были известны все ложи, но в течение многих лет никто и не думал о надзоре за их действиями. В число братьев-масонов входили цесаревич Константин Павлович и много других известных лиц (например, граф А.Ф. Ланжерон, граф П.А. Шувалов, почетный член Академии художеств граф Ф.П. Толстой, Ф.Н. Глинка, Н.И. Греч и т. д.).

Сведения же о причастности самого Александра к братству масонов, помещенные в некоторых исторических работах, не заслуживают особого доверия. Например, Н. А. Бердяев указывает на то, что "Александр I был связан с масонством и так же. как масоны, искал истинного и универсального христианства. Он <… > молился с квакерами, сочувствоват мистицизму интерконфессионального типа. Глубокой православной основы у него не было".

Историк М.В. Зызыкин в своей работе "Тайна Александра I" говорит о том, что Александр не просто был связан с масонами, но и сам был масоном. Он пишет:

"Какой религиозный хаос стоял в голове у Александра, видно из того, что он не только поддерживал сам масонов, но и был некоторое время в их числе, о чем свидетельствует его поступок со взятым в плен под Дрезденом генералом Вандаммом, который, будучи подведен к Александру, сделал ему масонский знак и получил милостивый приказ быть отправленным для улучшения своей участи в Москву. А в Париже в 1814 году Александр председательствовал в военной масонской ложе при принятии туда членом прусского короля Фридриха-Вильгельма III".

Откуда он взял эти сведения, М.В. Зызыкин не уточняет, а посему оставим эти утверждения на его совести.

У Бориса Башилова, автора "Истории русского масонства", читаем:

"Был ли Александр I масоном — этот вопрос требует специального исследования, но то, что русские масоны широко использовали мистические настроения Александра в нужном для них направлении, — это несомненно".

В любом случае эпоха Александра I превратилась в "золотой век" русского масонства. В его время в России, преимущественно в столицах, образовалось множество масонских лож, всевозможных школ и сект, и личный состав лож был удивительно пестрым, включая как высших чиновников империи, так и будущих декабристов.

Как утверждает историк и теоретик анархизма князь П.А. Кропоткин, "с восшествием на престол Александра I масоны получили возможность более свободной проповеди своих идей".

Известно, например, что в 1803 году к Александру явился один из гроссмейстеров русского масонства И.В. Вебер, и он сумел убедить императора, что масоны во всех государствах Европы пользуются покровительством монархов и что он может вполне рассчитывать на русских масонов как на самых преданных своих подданных.

Борис Башилов в связи с этим задается вопросом:

"А может быть, дело обстояло иначе. Может быть, Вебер дал понять императору Александру I, что ему нет смысла вступать на путь борьбы с русским масонством, показавшем свою силу три года назад во время организованного им заговора против отца Александра. Точно известно только одно, что после аудиенции, данной Веберу, Александр I разрешил масонам снова открыто собираться в масонских ложах".

В том же 1803 году в Москве розенкрейцерами была открыта тайная ложа "Нептун", и во главе ложи встал сенатор П.И. Голенищев-Кутузов.

Развивали свою деятельность и масоны других направлений. Масонами французского направления в марте 1809 года была открыта ложа "Палестина", и во главе ее встал граф М.Ю. Вильгорский.

Активизировались и представители наиболее революционного масонского ордена иллюминатов. С 1807 года в Санкт-Петербурге действовала их "Полярная звезда". Во главе ложи стоял немец Игнац Фесслер.

В 1809 году три ложи (русская, немецкая и французская)

составили вместе Великую Директориальную ложу "Владимир к Порядку", и ее гроссмейстером стал действительный статский советник Иван Васильевич (Иоганн) Бебер. Руководил он до 1814 года, а потом на его место был избран генерал-адъютант граф П.А. Шувалов. Когда же Шувалов отказался от предложенного ему достоинства, объясняя это своими частыми отлучками из столицы, тогда, 20 января 1815 года, на его место был поставлен граф В.В. Мусин-Пушкин-Брюс.

В 1810 году в Санкт-Петербурге возникла ложа "Петр к Правде". В состав ее входили главным образом жившие в городе немцы — евангелисты и лютеране.

При Александре I начали издаваться масонские журналы. Например, в 1804 году начал издаваться масонский журнал

"Сионский вестник", но его запретили после первого номера. В Москве "Соломоновы науки" и прочие масонские "премудрости" изучались в ложе "К мертвой голове". В этой работе активное участие принимали адмирал И.С. Мордвинов и князья Трубецкие.

Как видим, с началом царствования Александра I масонские ложи в России резко оживились.

По сути, к определенному времени сложилась ситуация, когда Александр оказался под плотной опекой со стороны "братьев". Так, например, из четырех членов "Негласного комитета", с помощью которого он управлял на первых порах империей, по крайней мере трое (Адам Чарторыйский, В.П. Кочубей и Н.Н. Новосильцев) были масонами. Опасаться каких-либо преследований со стороны правительства в этих условиях масонам было нечего.

Они сами и были по большому счету правительством.

Всего к 1810 году в Санкт-Петербурге насчитывалось до 239 масонов плюс 25 почетных членов масонских лож. Примерно столько же было, скорее всего, и в других городах. Итого около 500 братьев. По тем временам это была уже немалая сила, тем более что масонами были не кто попало, а люди в основном весьма влиятельные.

ЗАКРЫТИЕ МАСОНСКИХ ЛОЖ

И вот наступил момент, когда Александр I, желая прояснить для себя подлинные политические намерения русского масонства, приказал министру полиции запросить уставы существующих масонских лож, собрать информацию об их обрядах, о числе членов и т. д. Но масонов это не застало врасплох. Масоны

понимали, что их деятельность не может быть незамеченной, и они своевременно подготовились, добившись через братьев-масонов, окружавших императора, назначения на пост министра полиции генерала А.Д. Балашова, члена масонской ложи "Соединенных друзей".

Тем не менее в 1821 году Александр закрыл масонские ложи в Варшаве и Вильно, а затем, в августе 1822 года, последовало Высочайшее повеление на имя министра внутренних дел В.П. Кочубея об уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ во всей России. При этом следовало взять подписки от всех служащих (как военных, так и гражданских) о том, что они обязуются не принадлежать ни к каким тайным обществам.

В результате А.С. Пушкин характеризовал современных ему масонов так:

"Мы еще застали несколько стариков, принадлежавших этому полуполитическому, полурелигиозному обществу <…>. Люди, находившие свою выгоду в коварном злословии, старались представить мартинистов[11] заговорщиками и приписывали им преступные политические виды <…> но их недоброжелательство ограничивалось брюзгливым порицанием настоящего, невинными надеждами на будущее и двусмысленными тостами на фармазонских ужинах".

МАСОНЫ И ДЕКАБРИСТЫ

Кстати сказать, пушкинская оценка, хоть она и была сделана в 1836 году, весьма легкомысленна. На самом деле и после запрета тайная деятельность лож продолжилась. Все они в той или иной мере были связаны с декабристами.

Степень влияния масонства на декабристское движение часто недооценивается. Но на самом деле после Отечественной войны 1812 года и особенно после Заграничного похода русской армии 1813–1814 гг. либеральные идеи захватили многих русских "братьев" — членов полковых военных лож. Настоящим инкубатором будущих декабристов, несомненно, стала масонская ложа "Трех добродетелей", учрежденная в 1815 году князем С.Г. Волконским, П.П. Лопухиным и М.Ю. Виельгорским. Не менее десяти ее членов были одновременно и членами декабристской организации "Союз спасения" (генерал-майор князь С.Г. Волконский, князь И.А. Долгорукий, князь С.П. Трубецкой, М.И. Муравьев-Апостол, С.И. Муравьев-Апостол, Н.М. Муравьев, П.И. Пестель, А.Н. Муравьев, А.С. Норов, Ф.П. Шаховской). То есть, по сути, первая декабристская организация "Союз спасения"

напрямую вышла из ложи "Трех добродетелей".

Тайная революционная организация "Союз благоденствия" была основана в 1818 году в Москве на базе "Союза спасения" и насчитывала она около 200 человек, в число которых входили Ф.Н. Глинка и такие известные впоследствии декабристы, как Н.А. Бестужев, В.К. Кюхельбекер, Г.С. Батеньков и др.

И не случайно, что эмблемой "Союза благоденствия" стал пчелиный улей — один из распространенных символов масонства. Кстати сказать, основанием новому уставу этого тайного общества послужили статуты немецкого общества Tugendbund (Союз доблести), деятельно участвовавшего в восстании 1813 года против Наполеона. Переделка правил немецкого устава на русский манер была поручена М.И. Муравьеву-Апостолу, князю С.П. Трубецкому и Н.М. Муравьеву.

Как известно, "Союз благоденствия" в 1822 году был распущен и преобразовался в "Северное тайное общество". По сути, его члены и подняли декабрьское восстание 1825 года.

Руководящим органом общества являлась "Верховная дума", состоявшая из трех человек: первоначально Н.М. Муравьев, Н.И. Тургенев и Е.П. Оболенский, позже С.П. Трубецкой, К.Ф. Рылеев, А.И. Одоевский и А.А. Бестужев. В начале 1825 года К.Ф. Рылеев привлек в общество П.Г. Каховского, настроенного крайне отрицательно по отношению к императорской власти и требовавшего истребить всю царскую семью.

При роспуске "Союза благоденствия" имел место и Московский съезд, но часть будущих декабристов, во главе которых стоял П.И. Пестель, не признала решения съезда и вошла в состав "Южного тайного общества".

П.И.Пестель имел пятую степень шотландской ложи "Сфинкса". Соответствующий патент на латинском языке с печатью "Сфинкса" был получен П.И. Пестелем в феврале 1817 года.

Предлагая учредить республику, П.И. Пестель принимал на себя роль Джорджа Вашингтона, но главные деятели общества, зная его непомерное властолюбие, находили в нем больше сходства с Наполеоном. Кстати, и внешнее сходство Пестеля и Наполеона многим бросалось в глаза. Л по воспоминаниям Рылеева, Пестель часто повторял: "Вот истинно великий человек! По моему мнению, если иметь над собою деспота, то иметь Наполеона".

Начиная с 1822 года через Н.М. Муравьева постоянно велись переговоры "Северного тайного общества" и "Южного тайного общества", но Пестель и Муравьев никак не могли договориться между собой: первый был известен как решительный

республиканец и являлся сторонником демократического правления, а второй предпочитал монархическую форму правления.

Чем закончилось восстание декабристов, хорошо известно. Одни авторы утверждают, что примерно 20 % декабристов, преданных Верховному уголовному суду, были членами масонских лож. Кроме того, масонами был еще целый ряд лиц — членов декабристских тайных обществ, привлеченных к следствию в качестве свидетелей. Таким образом, по самым скромным подсчетам, масонов среди декабристов было не менее полусотни. Другие авторы с некоторыми допущениями доводят число декабристов-масонов до 120 человек.

Как бы то ни было, В.С. Брачев в своей книге "Масоны в России — от Петра I до наших дней" констатирует:

"Не будь в России александровского времени масонских лож, не было бы, скорее всего, и самого восстания".

И с этим трудно не согласиться.

Но, что удивительно, наряду с непосредственными участниками движения в числе масонов оказалось и немало активных гонителей участников декабрьского восстания 1825 года: В.А. Перовский, А.И. Нейдгард, Е.А. Головкин, И.И. Левенштерн, О.И. Прянишников. Среди членов и сотрудников Верховного уголовного суда над декабристами также были масоны: А.Х. Бенкендорф, М.Ю. Виельгорский и др.

В свое время С.Д. Толь, дочь графа Д.А. Толстого, в своей книге "Масонское действо" даже высказала догадку, что масоны — участники суда над декабристами — якобы старались вести дело так, чтобы не дать обнаружить главных вождей заговора. С другой стороны, они стремились подвергнуть наказанию тех руководителей восстания, которые не сумели должным образом выполнить порученное им задание.

"Павел Пестель, — пишет С.Д.Толь, — ставленник высшей масонской иерархии, не сумел или не захотел (мечтая для себя самого о венце и бармах Мономаха) исполнить в точности данные ему приказания. Много пообещал, но ничего не сделал. Благодаря этому он подлежал высшей каре".

Что касается императора Александра, то он якобы, когда ему доложили о заговоре декабристов, сказал:

— Вы знаете, что я сам разделял и поддерживал эти иллюзии!

На самом деле император знал о существовании масонско-дворянского заговора и был готов к его нейтрализации. Конкретно о международном масонстве Александр I писал князю А.Н. Голицыну в феврале 1821 года следующим образом:

"Из писем ваших <…> я усматриваю критику той политической системы, коей я ныне придерживаюсь. Не могу я допустить, что это порицание могло у вас появиться после того, как в шесть месяцев принцип разрушения привел к революции в трех странах и грозит распространиться по всей Европе. Ведь нельзя, право, спокойно сего допускать. Едва ли ваше суждение может разойтись с моей точкой зрения, потому что эти принципы разрушения, как враги престолов, направлены еще более против христианской веры и что главная цель, ими преследуемая, идет к достижению сего, на что у меня имеются тысячи и тысячи неопровержимых доказательств, которые я могу вам представить. Словом, это результат, на практике примененный, доктрин, проповеданных Вольтером, Мирабо, Кондорсе и всеми так называемыми энциклопедистами <…>.

Прошу не сомневаться, что все эти люди соединились в один общий заговор, разбившись на отдельные группы и общества, о действиях которых у меня все документы налицо, и мне известно, что все они действуют солидарно. С тех нор как они убедились, что новый курс политики кабинетов более не тог, чем прежде, что нет надежды нас разъединить и ловить в мутной воде или что нет возможности рассорить правительства между собою <…>, все общества и секты, основанные на антихристианстве и на философии Вольтера и ему подобных, поклялись отмстить правительствам. Такого рода попытки были сделаны во Франции, в Англии и Пруссии, но неудачно, а удались только в Испании, Неаполе и Португалии, где правительства были низвергнуты. Но все революционеры еще более ожесточены против учения Христа, которое они особенно преследуют. Их девизом служит: убить".

Из данного письма четко видно, что император ясно понимал, что источником революционного движения повсюду являются масоны. Но Александр I умер 19 ноября (1 декабря) 1825 года, в возрасте неполных 48 лет. Масоны же остались, и они существовали еще долгое время, особенно в провинции, легально же возобновить свою деятельность они смогли лишь при императоре Николае II.

13…ПРОСТЫЛ И УМЕР В ТАГАНРОГЕ

Жизнь — вредная штука. От нее все умирают.

СТАНИСЛАВ ЕЖИ ЛЕЦ

НАВОДНЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

А в 1824 году Александр I стал свидетелем ужасного бедствия, постигшего Северную столицу. Речь идет о наводнении, случившемся 7 (19) ноября.

В тот день, с восьми часов утра, вода начала быстро прибывать, причем как в Неве, так и во всех городских каналах. Жители Санкт-Петербурга сначала не обратили на это особого внимания, но вскоре вода вышла из берегов, покрыла набережные и стала пробираться в дома…

По оценкам, высота подъема воды составила тогда 4,21 метра.

Генерал М.И. Богданович пишет:

"Счастливы были те, которым удалось пробраться в верхние этажи либо поймать лодку и спасти на ней свои семейства и наиболее ценные пожитки. Немногие лодочники, ценою золота, предлагали свою помощь застигнутым врасплох на улицах и площадях и перевозили их через бушевавшую воду. В довершение беды поднялся сильный ветер, колебавший деревянные строения, подмытые водою, и грозивший им совершенным разрушением. На всем пространстве за несколько часов перед тем цветущего города встречал взор страшное зрелище сорванных с места и несомых волнами рассвирепевшей стихии сараев и деревянных домов с живыми либо придавленными людьми и домашним скотом; многие искали спасения на бревнах либо на дверях, служивших вместо паромов; другие взлезали на деревья…"

Император Александр в первые же дни после наводнения лично посетил наиболее пострадавшие места. Рассказывая об увиденном, он сказал:

— Я бывал в кровопролитных сражениях, видел после битвы места, покрытые трупами, слышал стоны раненых, но это — неизбежный жребий войны. А тут я увидел людей, вдруг, так сказать, осиротевших, лишившихся в одну минуту всего, что для них было важно в жизни. Это ни с чем сравниться не может!

ПОЕЗДКА В ТАГАНРОГ

Но не зря в народе существует поверие, что беда никогда не приходит одна. Мы уже знаем, что в 20-е годы Александр все чаще стал погружаться в мрачную задумчивость. Он регулярно посещал монастыри и все чаще заговаривал о желании отречься от престола. А в начале сентября 1825 года он покинул Санкт-Петербург.

Почему-то он решил уехать в Таганрог, но перед отъездом князь Голицын предложил ему на всякий случай обнародовать распоряжение о наследовании престола Николаем Павловичем. Но Александр в ответ на это поднял руки к небу и сказал:

— Положимся в этом на Бога: он устроит все лучше нас, простых смертных.

И он уехал один, практически без свиты, посетив перед этим Александре-Невскую лавру.

Отъезд императора из Санкт-Петербурга прошел тихо и незаметно, и в середине месяца он уже прибыл в Таганрог.

По пути в Таганрог нигде не было ни военных смотров, ни маневров. Свиту императора составляли: начальник главного штаба генерал И.И. Дибич, лейб-медик Я.В. Виллие, хирург Д.К. Тарасов и полковник А.Д. Соломко. Кроме того, при императоре находились: офицер по ***особым*** поручениям при начальнике главного штаба И.З. Ваценко, капитан Вилламов, Н.М. Петухов, камер-фурьер Бабкин, капитан Годефруа, метрдотель Миллер, камердинеры Анисимов и Федоров, певчий Берлинский и четыре лакея.

А через десять дней туда же прибыла и императрица Елизавета Алексеевна, здоровье которой, давно уже расстроенное, возбуждало совершенно справедливые опасения. Состоявшие при ней медики отмечали, что болезнь ее постепенно принимает характер хронической чахотки, и они рекомендовали ей выехать для лечения в Италию или на юг Франции, но она почему-то тоже решила ехать в провинциальный Таганрог, расположенный на пустынном берегу Азовского моря.

Казалось бы, почему? Ведь климат осенью там далеко не самый благоприятный?

Это до сих пор остается загадкой…

— Я совершенно здорова, — лишь сказала Елизавета Алексеевна, — да если бы и действительно болезнь моя усилилась, то жене русского императора следовало бы умереть в России.

А еще есть версия, что выбор Таганрога произошел без участия Елизаветы Алексеевны. Просто верная своему принципу

ни во что не вмешиваться, она молча согласилась и стала готовиться к дальней поездке.

Архитектору И.И. Шарлеманю было поручено съездить в Таганрог и, выбрав соответствующий дом, привести все в порядок к приему царской четы.

Никто ничего не понимал. Почему Таганрог? Зачем?

Выбор этого захолустного городка (особенно в качестве курорта для лечения императрицы) породил массу домыслов и гипотез как у современников, так и у историков. Это и сейчас не Ницца, а тогда там не было вообще ничего: ни мягкого климата, ни модных минеральных вод, ни сколько-нибудь приличных условий для жизни высокопоставленных гостей. Зато там было в достатке северо-восточных ветров, быстро охлаждающих температуру воздуха, и испарений тинистого порта, оказывающих вредное влияние на здоровье людей. Впрочем, желание императора — это был закон для его подданных.

Перед отъездом Александр посетил могилы своих дочерей, а потом пришел к митрополиту Серафиму, совершившему литургию в Александро-Невской лавре, и тихо сказал:

— Прошу вас отслужить для меня одного послезавтра, в четыре утра, панихиду, которую желаю отслушать перед отъездом в южные губернии.

Последние минуты пребывания императора Александра I в Санкт-Петербурге 1 сентября 1825 г. Художник Г.Г. Чернецов

— Панихиду? — переспросил удивленный митрополит.

— Да! — ответил Александр, тяжело вздохнув. — Отправляясь куда-либо, я обыкновенно приношу молитву в Казанском соборе, но настоящее путешествие мое не похоже на прежние… И к тому же здесь почивают мои малолетние дочери… Да будет мой путь под покровом этих ангелов…

А еще, как рассказывают очевидцы, накануне, когда тучи внезапно нашли, омрачив небо, Александр, работая у себя в кабинете, попросил огня и несколько раз повторил это приказание, прежде чем принесли ему две зажженные свечи.

Через некоторое время, когда тучи рассеялись и появилось солнце, служитель поспешно вошел в кабинет и стал убирать свечи.

— Что это ты делаешь, Федор? — спросил император. — Подождал бы, по крайней мере, пока я закончу писать.

— Ваше Величество, — ответил ему старый слуга. — У нас не водится днем зажигать свечи.

— Да? А я и не знал об этом. Но почему ты считаешь это дурным? — удивился Александр.

— Потому что комната, освещенная днем, похожа на ту, в которой ставят покойников…

В вечно сонном Таганроге началась размеренная жизнь, когда музицирование сменялось неторопливыми прогулками императора в сопровождении немногочисленных придворных. Александр был покоен душой, весел и легкодоступен, что было для него не особенно характерно, особенно в последние годы. Но при этом он очень беспокоился о том, как перенесет путешествие его больная жена, и он ежедневно посылал ей трогательные и задушевные письма. Он лично следил за приготовлением апартаментов для императрицы, сам расставлял в комнатах мебель и даже вбивал гвозди для картин.

Во время путешествия Елизавета Алексеевна писала матери, что благодаря заботливости Александра, лично составившего маршрут и предусмотревшего все до мельчайших подробностей, ее поездка оказалась обставлена всевозможными удобствами, и она не чувствовала ни малейшего утомления.

Она была счастлива оставить постылый Санкт-Петербург и оказаться наконец наедине с мужем, вдали от гнетущей ее суеты двора и от бесконечных интриг. Матери она писала:

"Никаких визитов, никаких записок, на которые нужно отвечать, никого, кто бы постоянно отвлекал по пустякам".

В Таганроге император с императрицей остановились в специально приготовленном доме градоначальника, называвшемся Таганрогским дворцом, но, по сути, скорее походившем на усадьбу провинциального помещика. Но зато в нем все было устроено по образцу столь любимого Александром Царского Села.

В этом доме Александр Павлович и Елизавета Алексеевна почти целый месяц прожили тихо и уютно.

А в октябре императорская чета съездила на несколько дней на Дон и посетила Новочеркасск.

Возвращаться в Санкт-Петербург императору явно не

хотелось, и это было по душе Елизавете Алексеевне, которой понравилось на новом месте.

— Видно, что Таганрог полезен для здоровья государя, — говорила она. — А мне с ним будет хорошо везде.

Хорошо? Это — как сказать… Впрочем, Александр делал вид, будто бы не замечает нездоровья императрицы, и старался превозмочь обычное ему мрачное расположение духа. Во всяком случае, в присутствии жены он казался спокойным и даже веселым. Он заботливо ухаживал за ней, живя при этом чрезвычайно просто, гуляя по утрам и подолгу беседуя со встречными людьми.

Вероятно, это был самый счастливый месяц за последние двадцать лет их жизни. Казалось, наступила пора вторичного lime de miel (медового месяца).

ИНСПЕКЦИОННАЯ ПОЕЗДКА ПО КРЫМУ

А через месяц после приезда в Таганрог Александр отправился в инспекционную поездку по Крыму в сопровождении новороссийского генерал-губернатора графа М.С. Воронцова и небольшой свиты из двадцати человек. Спутники императора (генералы А.И. Чернышев, И.И. Дибич, П.М. Волконский и другие) потом отмечали, что путешествовал император по Крыму с интересом, вникал в различные детали, даже шутил, хотя в последние месяцы настроение его было по большей части подавленное.

Считается, что император имел заветную мечту юности — поселиться где-либо в месте, богатом природными красотами, и вести жизнь частного лица, и Крым для этого был идеальным вариантом. И вот вместе с князем Волконским он занимался выбором территории для дворца в Крыму и проектом его постройки. Он изъявил желание, чтобы все было устроено там, как можно проще, "чтобы переход к частной жизни не был слишком резок".

При этом Петру Михайловичу он говорил:

— И ты вместе со мной выйдешь в отставку и будешь у меня библиотекарем…

24 октября (5 ноября) 1825 года император прибыл в Симферополь и, переночевав там, отправился на Южный берег Крыма, столь известный своим превосходным климатом и обильной растительностью, что очень напоминало Италию.

К сожалению, эта поездка закончилась болезнью. Дело в том, что нужно было переехать через горы, и на этом пути Александр

проделал 35 верст (37 км) верхом, по чрезвычайно трудным дорогам и усеянным камнями тропинкам. Утомление на этом пути и отход от привычной диеты вызвали у него расстройство желудка, ставшее началом более тяжкой болезни.

Потом император побывал в Алупке, где граф М.С. Воронцов принимал его в своем великолепном дворце. Потом в Ялте. Потом он отправился через высокую гору на дачу Мордвинова и проехал верхом еще 40 верст (42,7 км). Потом были Севастополь и Балаклава…

Собственно, заболел император в Мариуполе, но впервые он почувствовал себя плохо гораздо раньше — еще в Бахчисарае. Там его лихорадило.

Его лейб-медик Я.В. Виллие уговаривал императора принять лекарство, но все напрасно. Александр каждый раз отвечал:

— Моя жизнь в руках Божьих, и ничто не может изменить начертанного мне предела…

Дневник Якова Васильевича — это объективное свидетельство, сделанное профессионалом. А он писал о происходящем так:

"Ночь провел дурно. Отказ принимать лекарство. Он приводит меня в отчаяние. Страшусь, что такое упорство не имело бы когда-нибудь дурных последствий",

А между тем болезнь императора все усиливалась. Обычная его веселость исчезла, он говорил мало и проводил целые часы в дремоте либо в хмурой задумчивости.

СМЕРТЬ АЛЕКСАНДРА I

Когда император вернулся в Таганрог, его спросили о здоровье.

— Довольно хорошо, — ответил Александр. — Впрочем, я подхватил в Крыму небольшую лихорадку, несмотря на прекрасный климат, который нам так восхваляли. И я более чем когда-либо уверен, что для пребывания моей жены ничего нет лучше Таганрога.

А потом он слег в постель.

Императрица оставалась у него до десяти часов вечера и уговорила принять лекарство. Это были восемь слабительных пилюль, после которых Александр почувствовал некоторое облегчение.

Весь следующий день он был ***весел*** и любезен с окружающими, но уже утром 8 (20) ноября последовал новый приступ.

В понедельник, 9 (21) ноября, император почувствовал новое облегчение, но потом все вновь стало очень плохо, и об этом доложили его матери и брату Константину, находившемуся в Варшаве. К тому времени Александр уже не мог подняться с поставленного в его кабинете дивана.

8 (20) ноября лейб-медик Я.В. Виллие определил болезнь Александра так: febris gastrica biliosa. Это можно перевести как "лихорадка желудочно-желчная".

10 (22) ноября Я.В. Виллие написал в своем дневнике:

"После восьмого числа я замечаю, что что-то заботит его сильнее, чем выздоровление, что терзает его рассудок. Сегодня ему еще хуже".

Яков Васильевич не ошибся. Действительно, сведения о готовившемся заговоре сильно отравляли последние дни жизни Александра.

Императрица Елизавета Алексеевна не оставляла его почти ни на минуту. При виде серьезной опасности, угрожавшей мужу, она и не помышляла о своей собственной болезни.

М.И. Богданович свидетельствует:

"Казалось, самоотвержение восстановило угасшие ее силы".

А между тем приступы болезни императора с каждым днем делались все продолжительнее и все сильнее. Совершенно изнуренный, он сохранял глубокое безмолвие, а 14 (26) ноября, будучи в беспамятстве, вдруг закричал, обращаясь к лейб-медику Я.В. Виллие:

— Друг мой! Какое дело, какое ужасное дело!

Историк К.В. Кудряшов пишет:

"Болезнь усиливалась с каждым днем, глухота становилась приметна, силы падали. Недолгое облегчение, наступавшее по временам, сменялось новыми приступами лихорадки <…> 10 и 11 ноября с Александром были обмороки. К вечеру 12 ноября, по словам Волконского, жар у больного несколько спал. А Виллие жалуется на нежелание императора принимать лекарства: "Это жестоко! Нет человеческой власти, которая могла бы сделать этого человека благоразумным. Я несчастный". 14 ноября государь встал в семь часов утра, умылся без посторонней помощи и побрился, затем лег снова в постель, но находился в сильно возбужденном состоянии; по замечанию Виллие, ему тогда трудно было связать правильно какую-либо мысль <…>. Вечером с государем сделался внезапно обморок, причем камердинер не успел его поддержать, и государь упал на пол. Это произвело большую тревогу во дворце. До сих пор Александр старался перебороть болезнь, не переставал заниматься делами и

хотя не выходил из кабинета, но всегда был в сюртуке и проводил свободное время с императрицей. Но с этого дня он более уже не мог вставать с постели. "Стало ясным, — пишет Тарасов, — что болезнь приняла опасное направление". Сам Виллис определяет в этот день состояние государя словами: "Все очень нехорошо". Когда он предложил больному лекарство, го получил отказ по обыкновению".

— Уходите прочь, — сказал Александр.

Я.В. Виллие заплакал.

Видя это, император произнес:

— Подойдите, мой милый друг. Я надеюсь, что вы не сердитесь на меня за это. У меня свои причины.

Императрице сообщили, что уже не остается практически никакой надежды на выздоровление Александра.

Князь П.М. Волконский сказал ей:

— Государь не слушает докторов. Пусть исполнит он долг христианина. Быть может, голос религии заставит его принять врачебные пособия.

Императрица подошла к больному и стала просить его, чтобы он причастился.

— Так я очень болен? — вдруг спросил Александр.

— Нет, дорогой мой друг, но ты не хочешь принимать никаких лекарств. Попробуем этого.

— Хорошо, — сказал Александр, и призвав Виллие, переспросил его, действительно ли его положение опасно.

— Да, государь! — ответил взволнованный лейб-медик. — Вам не угодно было принять мои советы. В настоящую же минуту считаю христианской обязанностью предупредить вас, что вы не должны терять ни минуты…

Но обряд отложили до следующего утра.

В воскресенье, 15 (27) ноября, состояние больного сделалось таким плохим, что императрица послала за своим духовником, который, будучи предупрежден еще накануне, ночевал возле царского кабинета. В шесть утра протоиерей Федотов вошел к императору. Александр открыл глаза и с усилием приподнялся, опираясь на локоть.

— Я должен быть один, — сказал он Елизавете Алексеевне.

Все вышли.

— Садитесь, — продолжал он, обращаясь к священнику. — Забудьте мой сан и обращайтесь со мной, как с простым христианином.

После краткой исповеди Александр пригласил к себе свою

жену, при ней принял Святое Причастие, поцеловал крест и руку священника. Затем он прерывающимся голосом произнес слова благодарности Господу, а императрица и священник, встав на колени у постели больного, стали умолять его исполнить предписания врачей. Все они советовали употребить пиявки. Александр согласился.

Весь день 16 (28) ноября больной император оставался в летаргическом сне, время от времени прерываемом конвульсиями. К вечеру в нем едва можно было заметить признаки жизни, но пульс показывал до ста двадцати пяти ударов в минуту.

На следующее утро, в восемь часов, вдруг показалось, что состояние больного улучшилось. Он открыл глаза, поцеловал обе руки Елизаветы Алексеевны и прижал их к сердцу. Потом он воскликнул по-французски:

Смерть императора Александра I в Таганроге 19 ноября 1825 г. Причащение Святых Даров. Неизвестный художник

— Какой прекрасный день!

А потом сказал императрице:

— Ты, должно быть, очень устала…

Но к вечеру больному опять сделалось хуже.

18 (30) ноября лейб-медик Я.В. Виллие написал в своем дневнике:

"Ни малейшей надежды спасти моего обожаемого повелителя. Я предупредил императрицу и князя Волконского с Дибичем, которые находились: первый — у себя, а последний — у камердинеров".

Всю ночь у больного был сильнейший жар.

В ночь с 18-го на 19-е (с 30 ноября на 1 декабря) князь П.М.Волконский старался удалить императрицу, найдя для нее в городе другое помещение. Но Елизавета Алексеевна на это твердо ответила:

— Я уверена, что вы разделяете мою горесть. Вы знаете, что не блеск царского венца привлекал меня к мужу. И потому умоляю вас, не разлучайте меня с ним в его последние минуты.

В четверг, 19 ноября (1 декабря), началась агония. К дыханию больного примешались стоны, свидетельствовавшие о его страданиях. Дыхание становилось все короче и короче…

Умер император Александр 119 ноября (1 декабря) 1825 года. На часах было 10 часов 50 минут, а самому Александру было неполных 48 лет.

Императрица Елизавета Алексеевна, не отходившая от больного мужа, закрыла глаза его и, сложивши свой платок, подвязала ему подбородок, а затем сквозь слезы произнесла:

— Прости, мой друг…

Потеря эта для нее была особенно непереносимой потому, что именно в последние месяцы началось ее новое сближение с Александром.

Своей матери, Фридерике-Амалии Гессен-Дармштадтской, она написала:

"О, матушка! Я самое несчастное существо на земле! Я хотела только сказать вам, что я осталась в живых после потери этого ангела, страшно измученного болезнью и который тем не менее постоянно находил для меня улыбку или ласковый взгляд даже тогда, когда он не узнавал никого. О, матушка, матушка, как я несчастна, как вы будете страдать вместе со мною! Великий Боже, что за судьба! Я подавлена печалью, я не понимаю себя, не понимаю своей судьбы, одним словом, я очень несчастна…"

В тот же день она написала письмо императрице Марии Федоровне (матери Александра):

"Дорогая матушка! Наш ангел на небесах, а я на земле. О, если бы я, несчастнейшее существо из всех тех, кто его оплакивает, могла скоро соединиться с ним. Боже мой! Это почти

свыше сил человеческих, но, раз он это послал, нужно иметь силы перенести. Я не понимаю самое себя. Я не знаю, не сплю ли я; я ничего не могу сообразить, ни понять моего существования. Вот его волосы, дорогая матушка. Увы! Зачем ему пришлось так страдать. Но теперь его лицо хранит только выражение удовлетворенности и благосклонности, ему свойственной. Кажется, что он одобряет все то, что происходит вокруг него. Ах, дорогая матушка, как мы все несчастны! Пока он останется здесь — и я останусь, а когда он отправится, отправлюсь и я, если это найдут возможным. Я последую за ним, пока буду в состоянии следовать. Я еще не знаю, что будет со мною дальше. Дорогая матушка, сохраните ваше доброе отношение ко мне".

О смерти императора в тот же день был составлен акт, который подписали: И.И. Дибич, И.М. Волконский, Я.В. Виллие и Конрад фон Стофреген (Штофреген). Затем было произведено вскрытие тела. В протоколе вскрытия было написано следующее:

1825 года, ноября в 20-й день, в 7 часов пополудни, мы, нижеподписавшиеся, вскрывали для бальзамирования тело почившего в бозе его величества государя императора и самодержца всероссийского Александра Павловича и нашли следующее:

1) На поверхности тела.

Вид тела вообще не показывал истощения и мало отступал от натурального своего состояния как во всем теле вообще, так и в особенности в брюхе, и ни в одной из наружных частей неприметно ни малейшей припухлости.

На передней поверхности тела, именно на бедрах, находятся пятна темноватого, а некоторые темно-красного цвета, от прикладывания к сим местам горчишников происшедшие; на обеих ногах, ниже икр, до самых мыщелков приметен темно-коричневый цвет и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ноге, оставшиеся по заживлении ран, которыми государь император одержим был прежде.

На задней поверхности тела, на спине между крыльцами до самой шеи простирающееся довольно обширное приметно пятно темно-красного цвета, от приложения к сему месту пластыря шпанских мух происшедшее. Задняя часть плеч, вся спина, задница и все мягкие части, где наиболее находится жирной клетчатой плевы, имеют темно-оливковый цвет, происшедший от излияния под кожу венозной крови. При повороте тела спиною вверх из ноздрей и рта истекло немного кровянистой влаги.

2) В полости черепа.

При разрезе общих покровов головы, начиная с одного уха до другого, кожа найдена очень толстою и изобилующею жиром. По осторожном и аккуратнейшем отделении пилой верхней части черепа из затылочной стороны вытекло два унца венозной крови. Череп имел натуральную толстоту. При снятии твердой оболочки мозга (dura mater), которая в некоторых местах, особенно под затылочной костью, весьма твердо была приросши к черепу, кровеносные сосуды на всей поверхности мозга чрезмерно были наполнены и растянуты темною, а местами красноватою кровию от предшествовавшего сильного прилития оной к сему органу. На передних долях мозга под лобными возвышениями (protuberantia frontales) приметны два небольшие пятна темнооливкового цвета от той же причины. При извлечении мозга из своей полости, на основании черепа, равно как и в желудочках самого мозга, найдено прозрачной сукровицы (serositas) до двух унцов. Хоровидное сплетение левого мозгового желудочка найдено твердоприросшим ко дну оного.

3) В грудной полости.

По сделании одного прямого разреза, начиная с гортани чрез средину грудной кости до самого соединения лобковых костей, и двух косвенных, от пупка до верхнего края подвздошных костей, клетчатая плева найдена была повсюду наполненною большим количеством жиру. При соединении ребер с грудиною хрящи оных найдены совершенно окостеневшими. Оба легкия имели темноватый цвет и нигде не имели сращения с подреберною плевою. Грудная полость нимало не содержала в себе водянистой влаги. Сердце имело надлежащую величину и во всех своих частях как формою, так и существом своим нимало не отступало от натурального состояния, равно и все главные сосуды, от оного происходящие. В околосердечной сумке (pericardium) найдено сукровицы около одного унца.

4) В полости брюшной.

Желудок, в котором содержалось немного слизистой смеси, найден совершенно в здоровом положении; печень имела большую величину и цвет темнее натурального; желчный пузырь растянут был большим количеством испорченной желчи темного цвета, ободошная кишка была очень растянута содержащимися в ней ветрами. Все же прочие внутренности, как то: поджелудочная железа, селезенка, почки и мочевой пузырь нимало не отступали от натурального своего состояния.

Сие анатомическое исследование очевидно доказывает, что августейший наш монарх был одержим острою болезнью, коею первоначально была поражена печень и прочие к отделению желчи служащие органы; болезнь сия в продолжении своем

постепенно перешла в жесткую горячку, с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга, и была, наконец, причиною самой смерти Его Императорского Величества.

Дмитриевского вотчинного гошпиталя младший лекарь Яковлев.

Лейб-гвардии Казачьего полка штаб-лекарь Васильев.

Таганрогского карантина главный медицинский чиновник доктор Лакиер.

Придворный врач коллежский асессор Доберт.

Медико-хирург надворный советник Тарасов.

Штаб-лекарь надворный советник Александрович.

Доктор медицины и хирургии статский советник Рейнгольд.

Действительный статский советник лейб-медик Стофреген.

Баронет Яков Виллие, тайный советник и лейб-медик.

Видел описанные медиками признаки и при вскрытии тела его императорского величества государя императора Александра Павловича находился генерал-адъютант Чернышев.

Екатеринославской губернии в г. Таганроге.

За вскрытием последовало бальзамирование тела Александра. Хирургу Д.К. Тарасову было предложено взять эту обязанность на себя, но он уклонился, по его словам, "из чувства сыновнего почтения" к императору.

Н.И. Шёниг, адъютант генерала Дибича и очевидец бальзамирования, описывает его так:

"21-го числа, поутру в 9 часов, по приказанию Дибича отправился я, как старший в чине из числа моих товарищей, для присутствия при бальзамировании тела покойного государя. Вошед в кабинет, я нашел его уже раздетым на столе, и четыре гарнизонные фельдшера, вырезывая мясистые части, набивали их какими-то разваренными в спирте травами и забинтовывали широкими тесьмами. Доберт и Рейнгольд, с сигарами в зубах, варили в кастрюльке в камине эти травы. Они провели в этом занятии всю ночь, с той поры как Виллие вскрыл тело и составил протокол. Череп на голове был уже приложен, а при мне натягивали кожу с волосами, чем немного изменялось выражение черт лица. Мозг, сердце и внутренности были вложены в серебряный сосуд, вроде сахарной большой жестянки с крышкою, и заперты замком. Кроме вышесказанных лиц и караульного

казацкого офицера, никого не только в комнате, но и во всем дворце не было видно. Государыня накануне переехала на несколько дней в дом Шихматова. Доктора жаловались, что ночью все разбежались и что они не могли даже добиться чистых простынь и полотенец. Это меня ужасно раздосадовало.

Давно ли все эти мерзавцы трепетали одного взгляда, а теперь забыли и страх, и благодеяния. Я тотчас же пошел к Волконскому, который принял меня в постели, рассказал, в каком положении находится тело государя, и тот, вскочив, послал фельдъегеря за камердинерами. Через четверть часа они явились и принесли белье. Между тем фельдшера перевертывали тело, как кусок дерева, и я с трепетом и любопытством имел время осмотреть его. Я не встречал еще так хорошо сотворенного человека. Руки, ноги, все части тела могли бы служить образцом для ваятеля; нежность кожи необыкновенная <…>.

По окончании бальзамирования одели государя в парадный общий генеральский мундир с звездою и орденами в петлице, на руки — перчатки, и положили на железную кровать, на которой он скончался, накрыв все тело кисеею. В ногах поставили аналой с Евангелием, которое поочередно читали священники, меняясь каждые два часа <…>. Жар в комнате доходил до 18° и более; все двери и окна были заперты, и, кроме того, горели три большие церковные свечи. Острый запах спирта, насыщенного каким-то душистым веществом, наводил дурноту, и мундиры до того им провоняли, что недели три сохраняли этот неприятный запах. Доктора признавались, что они не могли хорошо и настоящим образом произвести бальзамирование, по неимению достаточного количества спирта, в который должно бы было погрузить тело на несколько суток; к тому же я думаю, что они были непривычны к этому делу.

На второй день, подняв кисею для примочки лица, я дал заметить Доберту, что клочок галстука торчит из-под воротника государя. Он потянул и, к ужасу, увидел, что это кожа. Лицо начало совершенно темнеть. Теплота и уменьшение остроты спирта, стоявшего в открытой чаше и в жаркой комнате, вместо сохранения послужили только к порче тела. Сейчас побежал он к Виллие, который явился удостовериться в показании. Решили заморозить тело и тем только сохранить его. Отворили все окна, подвинули под кровать корыто со льдом и повесили у постели термометр, чтобы стужа всегда была не менее 10°. В это время холод и ветры начинали делаться весьма сильные, и каково же было нам дежурить в одном мундире. Только во время утренней и вечерней панихиды запирали окна, потому что присутствовала государыня".

Относительно заболевания, приведшего императора к смерти, различные источники расходятся. Одни утверждают, что это была холера, другие склонны считать болезнь сильной простудой, третьи — горячкой, усугубленной воспалением мозга.

При вскрытии, как уже говорилось, врачи констатировали, что Александр "был одержим острою болезнью, коею первоначально была поражена печень и прочие к отделению желчи служащие органы". Потом эта болезнь "постепенно перешла в жесткую горячку с приливом крови в мозговые сосуды и последующим затем отделением и накоплением сукровичной влаги в полостях мозга". Якобы это и стало причиной смерти Его Императорского Величества.

Именно этот вердикт был скреплен подписями девяти докторов и генерал-адъютанта А.И. Чернышева, прибывшего в Таганрог незадолго до кончины императора.

А вот А.С. Пушкин по этому поводу написал очень просто и коротко:

> Всю жизнь свою провел в дороге,
> Простыл и умер в Таганроге…

20 ноября (2 декабря) 1825 года тело покойного императора было перенесено в церковь Александровского греческого мужского монастыря во имя Святой Троицы. Впоследствии на том месте, где лежало тело Александра, положили серую мраморную плиту с черным крестом, а со стороны, обращенной к алтарю, поставили икону Святого Александра Невского, пожертвованную Елизаветой Алексеевной в 1826 году.

А 29 декабря 1825 года (10 января 1826 года) печальная процессия двинулась из Таганрога через Харьков, Курск, Орел и Тулу на Москву.

В Москву тело прибыло 3 (15) февраля 1826 года.

В Коломенском тело покойного императора встречали: высшее московское духовенство, генерал-губернатор князь Голицын, военные чиновники, а также назначенные из Санкт-Петербурга для встречи тела и для дежурства. В местной церкви императорский гроб поставили на амвон и учинили панихиду.

На следующий день рано поутру в Даниловской слободе гроб был поставлен на парадную колесницу.

М. готовилась встречать траурный кортеж с телом императора загодя. От Серпуховской заставы, где было назначено место сбора всей городской знати (сбор был назначен на девять утра), до самого Кремля расчистили от сугробов дорогу, а в

витринах выставили портреты покойного. На Кузнецком мосту шла торговля траурными принадлежностями, там можно было купить все — от черного платья до муаровой похоронной ленты.

Утром позолоченная парадная колесница, покрытая черным балдахином, въехала в Москву. У Серпуховской заставы ее встречали: два эскадрона драгун, карета в шесть лошадей, в которой находились на подушках короны Сибирская, Таврическая и Грузинская, карета в шесть лошадей, в которой находились на подушках короны Казанская, Астраханская и Польская; карета в шесть лошадей, в которой находились на подушках императорская корона, государственный скипетр и государственная держава.

Потом были произведены три выстрела из поставленных близ заставы пушек, и во всех церквях начался перезвон. В самом Кремле пальба из пушек шла следующим образом: один выстрел в минуту, и так до самого прибытия колесницы в Архангельский собор. По обеим сторонам улиц от Серпуховской заставы до кремлевских ворот сплошной стеной стояли солдаты.

Наконец гроб был установлен в Архангельском соборе посреди гробниц других царей русских, там, где издавна отпевали российских самодержцев. Три дня город прощался с телом. Но каждый раз в девять вечера ворота Кремля запирали, и у каждого входа выставляли заряженные орудия. При этом по городу всю ночь ходили военные патрули, однако ни малейшего шума или беспорядка замечено не было.

Итак, наглухо закрытый гроб простоял в Архангельском соборе трое суток, и за это время его посетили десятки тысяч москвичей. Но вот почему власти не показали москвичам тело Александра? И почему вокруг было так много войск? По мнению некоторых историков, на все это у задававшихся подобными вопросами москвичей был один ответ: "В гробу лежит тело другого человека, а император Александр жив и скрывается неизвестно где".

6 (18) февраля траурная процессия в обратном порядке из Архангельского собора, через Спасские ворота Кремля по Красной площади, через Воскресенские ворота по Большой Тверской улице направилась до Тверской заставы и далее через Тверь и Новгород к Санкт-Петербургу.

Императрица-мать Мария Федоровна встретила тело Александра в Тосне. Лейб-медик Я.В. Виллие был послан Николаем Павловичем, чтобы осмотреть тело покойного. Виллие исполнил это поручение в Бабине, 26 февраля (9 марта), и донес, что "не нашел ни малейшего признака химического разложения и

тело находится в совершенной сохранности".

28 февраля (11 марта) Николай Павлович из Царского Села выехал верхом навстречу процессии. Его сопровождали великий князь Михаил Павлович, принц Вильгельм Прусский и принц Оранский.

В Царском Селе гроб был внесен в церковь императорского дворца.

По окончании панихиды все присутствовавшие удалились из церкви. Осталась одна императорская семья.

5(17) марта тело Александра перевезено было в Чесменскую дворцовую церковь. Там его переложили в новый парадный гроб.

6 (18) марта траурная процессия продолжала путь в Санкт-Петербург, в Казанский собор. Там уже закрытый гроб императора был выставлен на поклонение народу в продолжение семи дней.

Затем 13 (25) марта 1826 года, в 11 часов, во время сильной метели, тело было перевезено в Петропавловский собор.

Через несколько дней после кончины Александра Павловича его вдова написала матери, Фридерике-Амалии Гессен-Дармштадтской:

"Пишу вам, дорогая мама, не зная, что сказать. Я не в состоянии дать отчет в том, что я чувствую: это одно непрерывное страдание, это чувство отчаяния, перед которым, я боюсь, моя вера окажется бессильной. Боже мой! Это кажется выше моих сил! Если бы он не оказывал мне столько ласки, если бы он не давал мне до последней минуты столько доказательств своего нежного расположения. Мне суждено было видеть, как испустил дух этот ангел, сохранивший способность любить, когда он уже потерял способность понимать. Что мне делать с моей волей, которая была подчинена ему, что мне делать с жизнию, которую я готова была посвятить ему! Мама, мама, что делать, как быть! Впереди все темно <…>.

Что касается меня, я могу сказать совершенно искренне: для меня отныне не существует ничто. Для меня все безразлично, я ничего не жду, я ничего не желаю, я не знаю, что я буду делать, куда я поеду, я знаю одно: что я не вернусь в Петербург: для меня это немыслимо <…>.

Я давно уже принесла ему в жертву свою волю как в повседневной жизни, так и в более важных делах. Вначале это требовало усилия, со временем это стало отрадою; я смешивала свою покорность его воле с покорностью воле Божией, так как я считала это своим долгом; когда я колебалась в чем-нибудь, я

говорила: он этого хочет! И хотя это не совпадало с моим желанием, но я была довольна. Теперь я не знаю, как устроить свою жизнь".

Эти строки вроде бы разрушают все сомнения насчет правдивости легенды, превратившей императора Александра в сибирского старца Федора Кузьмича (об этом мы подробно расскажем ниже). Не могла же Елизавета Алексеевна, став сообщницей своего супруга, так естественно изображать безмерное горе?..

На самом деле она действительно не могла определиться с устройством своей будущей жизни. Она категорически отказалась возвращаться в Санкт-Петербург. Согласно императорскому завещанию, ей достались два дворца — Ораниенбаумский и Каменноостровский. Но она уступила их великому князю Михаилу Павловичу и его супруге. Отказалась она и от оклада в миллион рублей в год, который был назначен ей новым императором Николаем I. Еще обсуждался вопрос о том, чтобы поселиться в каком-нибудь из подмосковных имений, и ей было предложено на выбор несколько вариантов. Но к каким-то конкретным решениям несчастная женщина пока была не готова.

Короче говоря, тело покойного императора было отправлено в Санкт-Петербург, а Елизавета Алексеевна оставалась в Таганроге до конца апреля 1826 года, и состояние ее здоровья практически исключало возможность переезда.

14. ТАК КТО ЖЕ НАСЛЕДНИК?

Я страшусь не смерти. Я страшусь того, что настанет после.

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ИЗМЕНЕНИЕ ПОРЯДКА ПРЕСТОЛОНАСЛЕДОВАНИЯ

Мы знаем, что в последние годы своей жизни Александр не предпринимал заграничных путешествий и только один раз был в Варшаве — по случаю созванного там в 1825 году сейма (парламента). Большую часть времени он проводил в своем любимом месте — в Царском Селе, плюс посетил кое-какие регионы империи.

В свое время, еще в 1818 году, разговаривая наедине с королем Пруссии Фридрихом-Вильгельмом III во время Ахенского конгресса, Александр поведал ему о своем намерении удалиться от света, который, по словам императора, "наскучил ему".

— Я перестал заблуждаться насчет благодарности и преданности людей и потому обратил все мои помышления к Богу, — сказал он.

Неожиданная смерть любимой сестры, королевы Вюртембергской Екатерины Павловны (она умерла в январе 1819 года в возрасте всего тридцати лет), усилила его мрачное настроение и заставила задуматься о собственной смерти…

Вместе с тем император был озабочен будущим России. Великий князь Константин Павлович, которому по праву старшинства надлежало взойти на престол, никогда не готовил себя к столь высокому предназначению. Более того, он даже и не помышлял об этом. Добрый, но до крайности вспыльчивый, он чувствовал, как трудны были бы для него обязанности по управлению огромной империей, и не желал никаких перемен в своем существующем положении. Соответственно, император

Александр готовил себе в преемники Николая, старшего из прочих своих братьев.

Великий князь Николай Павлович, родившийся в 1796 году, постоянно заслуживал одобрение императора. Например, в июне 1819 года он был восхищен распоряжениями своего брата на военных маневрах в Финляндии. А в августе того же года, осмотрев в лагере под Красным Селом 2-ю гвардейскую бригаду,

состоявшую под командованием Николая, он выразил ему свою крайнюю признательность и, отобедав у него в палатке, завел с ним беседу по душам в присутствии его супруги, великой княгини Александры Федоровны (урожденной принцессы Шарлотты Прусской, дочери короля Фридриха-Вильгельма III).

— Твое усердие и твоя добросовестность, любезный Николай, — сказал он, — радуют меня, тем более что на тебя будут возложены впоследствии гораздо более важные обязанности и ответственность, нежели ты ожидаешь сам.

Николай был уверен, что брат хочет просто поручить ему командование какой-то значительной частью войск, но император тут же пояснил:

— С радостью вижу ваше семейное и родительское счастье, хотя сам, возможно, по собственной вине не испытал его, да и воспитание, данное мне и брату Константину, не было направлено к тому, чтобы мы научились ценить подобное счастье. Государям для тяжких и постоянных трудов, сопряженных с исполнением лежащих на них обязанностей, необходимы сверх других качеств в нашем веке более, чем когда-либо, здоровье и физические силы, а я чувствую постепенное их ослабление и предвижу, что вскоре не буду в состоянии исполнять эти обязанности так, как всегда их понимал. Поэтому я считаю за долг и непреложно решился отказаться от престола, лишь только замечу по упадку своих сил, что настало к тому время. Я не раз говорил об этом с Константином, но он, будучи почти одних со мною лет, в тех же семейных обстоятельствах и с врожденным, сверх того, отвращением от престола, решительно отказывается мне наследовать, тем более что мы оба видим на вас явный знак благодати Божьей, даровавшей вам сына. Итак, вы должны знать, что вас ожидает в будущем императорский сан.

Как громом пораженные такой неожиданной новостью, молодые супруги (а они поженились в 1817 году) заплакали и не находили слов для ответа. Александр, видя сильное волнение брата и его жены, со свойственной ему ласковостью постарался успокоить их.

— Не бойтесь, — сказал он. — Минута к тому еще не наступила. Может быть, до нее пройдет еще лет десять. Я хотел только заблаговременно приучить вас к мысли о непреложно и неизбежно ожидающей вас будущности.

И напрасно Николай убеждал Александра, что никогда не готовился к высокому сану императора, что не чувствует в себе ни достаточных для этого сил, ни необходимой крепости духа. Старший брат отвечал ему:

— Я сам, внезапно вступив на престол, не был приготовлен к

тому, да и дела тогда были крайне запущены.

В 1819 году император Александр посетил Варшаву, чтобы лично убедиться в незыблемости намерения Константина Павловича отказаться от престола. Тогда великий князь открыл ему свое желание расторгнуть брак со своей супругой, великой княгиней Анной Федоровной (урожденной принцессой Юлианной-Генриеттой-Ульрикой Саксен-Кобург-Заальфельд), чтобы вступить в новый брак с графиней Жанеттой Грудзинской, дочерью польского графа Антона Грудна-Грудзинского. На это Александр объявил брату, что такой союз лишит его права на престолонаследие. На это Константин ответил, что охотно обменяет это право на простое семейное счастье.

В результате последовало расторжение первого брака Константина и его бракосочетание с Грудзинской, получившей титул княгини Лович. Тогда же было объявлено следующее:

"Если какое лицо из императорской фамилии вступит в брачный союз с лицом, не имеющим соответственного достоинства, то есть не принадлежащим ни к какому царствующему или владетельному дому, в таком случае лицо императорской фамилии не может сообщить другому прав, принадлежащих членам императорской фамилии, и рождаемые от такого союза дети не имеют права на наследование престола".

По идее, этот манифест не должен оставлять ни малейшего сомнения в отречении Константина Павловича от престолона-следования, но (и это удивительно) объявление правительства об этом в России прошло как-то незаметно, не возбудив практически никаких разговоров в обществе.

В январе 1822 года Константин вручил Александру письмо, проект которого был рассмотрен и собственноручно исправлен самим императором. Вот это письмо:

"Всемилостивейший государь! Обнадежен опытами неограниченного благосклонного расположения Вашего Императорского Величества ко мне, осмеливаюсь еще раз прибегнуть к оному и изложить у ног ваших, всемилостивейший государь, всенижайшую просьбу мою.

Не чувствуя в себе ни тех дарований, ни тех сил, ни того духа, чтоб быть, когда бы то ни было, возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право, осмеливаюсь просить Вашего Императорского Величества

передать сие право тому, кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства. Сим могу я прибавить еще новый залог и новую силу тому обязательству, которое дал я непринужденно и торжественно, при случае развода моего с первою моею женою. Все обстоятельства нынешнего моего положения меня наиболее к сему убеждают и будут пред государством нашим и светом новым доказательством моих искренних чувств.

Всемилостивейший государь! Примите просьбу мою благосклонно; испросите на оную согласие всеавгустейшей родительницы нашей и утвердите оную вашим императорским словом. Я же потщусь всегда, поступая в партикулярную жизнь, быть примером ваших верноподданных и верных сынов любезнейшего государства нашего".

2 февраля на это последовал ответ:

"Любезнейший брат! С должным вниманием читал я письмо ваше. Умев всегда ценить возвышенные чувства вашей доброй души, сие письмо меня не удивило. Оно дало мне новое доказательство искренней любви вашей к государству и попечения о непоколебимом спокойствии оного.

По вашему желанию предъявил я письмо сие любезнейшей родительнице нашей. Она его читала с тем же, как и я, чувством признательности к почтенным побуждениям, вас руководствовавшим.

Нам обоим остается, уважив причины, вами изъясненные, дать полную свободу вам следовать непоколебимому решению вашему, прося всемогущего Бога, дабы он благословил последствия столь чистейших намерений".

То есть, по сути, в столь важном для судьбы империи деле все ограничилось лишь этими семейными письмами, о содержании которых, похоже, не знали даже Николай Павлович и его супруга.

Барон М.А. Корф в связи с этим отмечает:

"Этим тогда все и ограничилось. Николай Павлович и супруга его ничего не знали о происшедшем. Только с тех пор императрица Мария Федоровна в разговорах с ними делала иногда намеки, в смысле сказанного прежде государем, и упоминала вскользь о каком-то акте отречения, составленном в их пользу, спрашивая, не показывал ли им чего государь. Все прочие члены царственной семьи хранили глубокое молчание, и, кроме великой княгини Марии Павловны, из них, по-видимому, никто также не знал ничего положительного".

СТРАННАЯ ИСТОРИЯ С ЗАВЕЩАНИЕМ АЛЕКСАНДРА I

Биограф Александра А.Н. Архангельский пишет о Николае:

"В одночасье взнесенный над всей страною в минуту для нее роковую, 27 ноября 1825 года он оказался в положении абсолютно двусмысленном. Ему готовили роль безупречно законного усмирителя разгорающейся русской революции, но при этом никто не позаботился обставить его грядущее воцарение безупречно законным образом, заранее объявив об отречении Константина и приняв государственный акт о переназначении наследника престола. Внезапность таганрогской трагедии окончательно запутала дело.

Мало того что "завещание" Александра не было лишено сомнительности; оно еще и осталось втуне. Николай не мог силой занять трон, формально принадлежавший Константину, — посте этого жесткое, но справедливое "узаконение" страны было бы немыслимо. Неизбежно предстоявшая борьба с надвигающейся революцией лишалась морально-юридической основы и сводилась к примитивной борьбе за власть.

Не мог новый царь допустить и сдачу позиций "без боя" — понимая, что смиренное принесение присяги Константину и ожидание Варшавского манифеста об отречении дают возмутителям реальный шанс на успех их безнадежного дела".

Попытаемся объяснить вышесказанное.

Получается, что еще в 1819 году Александр I сообщил своему брату Николаю, что официальный наследник престола и их брат великий князь Константин Павлович намерен отречься от своего права, а посему наследником предстоит стать Николаю, ведь именно он шел следующим по старшинству.

В 1822 году Константин Павлович формально сам отрекся от своих прав на престол. Связано это было с тем, что он был разведен и не имел детей, а второй его брак был морганатическим, то есть неравнородным. Тогда же Константин направил Алексан-дру письмо с просьбой передать право престолонаследия брату Николаю. Но в письме было написано: "передать сие право тому кому оно принадлежит после меня, и тем самым утвердить навсегда непоколебимое положение нашего государства". То есть не было названо никаких конкретных имен.

А 16 (28) августа 1823 года император Александр I написал манифест, утверждавший отречение великого князя Константина Павловича и назначавший наследником престола великого князя Николая Павловича. Вот его содержание:

МАНИФЕСТ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I ОТ 16 (28)

АВГУСТА 1823 ГОДА

"Божиего Милостию, Мы, Александр Первый, Император и Самодержец Всероссийский, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляем всем Нашим верным подданным. С самого вступления Нашего на Всероссийский Престол непрестанно Мы чувствуем Себя обязанными пред Вседержителем Богом, чтобы не только в дни Наши охранять и возвышать благоденствие возлюбленного Нами Отечества и народа, но также предуготовить и обеспечить их спокойствие и благосостояние после Нас, чрез ясное и точное указание Преемника Нашего, сообразно с правами Нашего Императорского Дома и с пользами Империи. Мы не могли, подобно предшественникам Нашим, рано провозгласить Его по имени, оставаясь в ожидании, будет ли благоугодно недоведомым судьбам Божиим даровать Нам Наследника Престола в прямой линии. Но чём далее протекают дни Наши, тем более поспешаем Мы поставить Престол Наш в такое положение, чтобы он ни на мгновение не мог остаться праздным.

Между тем, как мы носили в сердце Нашем сию священную заботу, Возлюбленный Брат Наш Цесаревич Великий Князь Константин Павлович по собственному внутреннему побуждению принес Нам просьбу, чтобы право на то достоинство, на которое Он мог бы некогда быть возведен по рождению своему, передано было Тому, кому оно принадлежит после Него. Он изъяснил при сем намерение, чтобы таким образом дать новую силу дополнительному Акту о наследовании Престола, поставленному Нами в 1820 году, и Им, поколику то до него касается, непринужденно и торжественно признанному.

Глубоко тронуты Мы сею жертвою, которую Паш Возлюбленный Брат с таким забвением своей личности решился принести для утверждения родовых постановлений Нашего Императорского Дома и для непоколебимого спокойствия Всероссийской Империи.

Призвав Бога в помощь, размыслив зрело о предмете, столь близком к Нашему сердцу и столь важном для Государства, и находя, что существующие постановления о порядке наследования Престола у имеющих на него право не отъемлют свободы отрещись от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола, — с согласия Августейшей Родительницы Нашей, по дошедшему до Нас наследственно Верховному праву Главы Императорской Фамилии, и по врученной Нам от Бога Самодержавной Власти, Мы определили: Во-первых: свободному отречению первого Брата Нашего, Цесаревича и Великого Князя Константина Павловича, от права

на Всероссийский Престол, быть твердым и неизменным; акт же сего отречения, ради достоверной известности, хранить в Московском Большом Успенском Соборе и в трех высших Правительственных местах Империи Нашей: в Святейшем Синоде, Государственном Совете и Правительствующем Сенате. Во-вторых: вследствие того, на точном основании акта о наследовании Престола, Наследником Нашим быть второму Брату Нашему, Великому Князю Николаю Павловичу.

После сего Мы остаемся в спокойном уповании, что в день, когда Царь Царствующих по общему для земнородных закону воззовет Нас от сего временного Царствия в вечность, Государственные Сословия, которым настоящая непреложная воля Наша и сие законное постановление Наше, в надлежащее время, по распоряжению Нашему, должно быть известно, немедленно принесут верноподданническую преданность свою назначенному Нами Наследственному Императору единого нераздельного Престола Всероссийской Империи, Царства Польского и Великого Княжества Финляндского. О Нас же просим всех верноподданных Наших, да они с тою любовию, по которой Мы в попечении о их непоколебимом благосостоянии полагали Высочайшее на земли благо, принесли сердечные мольбы ко Господу и Спасителю нашему Иисусу Христу о принятии души Нашей, по неизреченному Его милосердию, в Царствие Его вечное.

Дан в Царском Селе 16 Августа, в лето от Рождества Христова 1823, Царствования же Нашего в двадцать третие.

На подлинном подписано Собственною Его Императорского Величества рукою тако:

Александр"

Удивительно, но вместо того, чтобы, как это было принято, опубликовать манифест, Александр в условиях строжайшей секретности запечатал четыре экземпляра текста и приказал хранить запечатанные пакеты в Успенском соборе, Святейшем синоде, Государственном совете и Сенате. Отметим, что на всех пакетах Александр собственноручно написал:

"Хранить до моего востребования. Вскрыть тотчас же после моей кончины, прежде, нежели приступить к каким-либо распоряжениям".

Соответственно, все документы, подтверждавшие законное право Николая на наследование престола, с тех пор хранились в глубокой тайне.

А когда перед отъездом в Таганрог А.Н. Голицын указал Александру на затруднения, которые могут возникнуть из-за подробной скрытности при длительном отсутствии царя или при каком-либо внезапном несчастий, тот ответил, указывая на небо:

— Положимся в этом на Господа…

Борис Башилов в своей "Истории русского масонства" недоумевает:

"Для чего было необходимо делать тайну из такого совершенно несекретного дела — непонятно. Самое же странное было то, что о содержании манифеста ничего не знал сам наследник русского престола — великий князь Николай Павлович. Николай Павлович мог только догадываться о том, что ему, возможно, придется царствовать".

С последним утверждением можно и поспорить, но факт остается фактом: весть о смерти императора в Санкт-Петербурге получили лишь утром 27 ноября (9 декабря) 1825 года. В результате — Николай Павлович, якобы ничего не зная о тайном манифесте старшего брата, первым из присутствовавших присягнул "императору Константину", и все тотчас последовали его примеру. Сам же Константин Павлович в тот момент находился в Варшаве, где он был наместником.

В тот же день собрался Государственный совет, и на нем было заслушано содержание манифеста 1823 года. Узнав о его содержании, оказавшиеся в двойственном положении члены Государственного совета тут же обратились к Николаю, но тот отказался признать манифест Александра I. В равной мере он отказался и от провозглашения себя императором. Точнее, он не отрекся от права, дарованного ему манифестом, а не признал юридическую силу манифеста, считая отречение брата Константина ***"в*** свое время необъявленным и в закон не обращенным".

Более того, он призвал всех, кто это еще не сделал, принести присягу Константину Павловичу — "для спокойствия государства". Следуя этому призыву, Государственный совет, Сенат и Святейший синод принесли присягу на верность императору Константину I.

На следующий день был издан указ о повсеместной присяге новому императору. В результате 30 ноября (11 декабря) 1825 года Константину присягнули дворяне Москвы.

Что же касается самого Константина Павловича, то он отказался даже приезжать в Санкт-Петербург. По сути, он и престола не принял, и формально не стал отрекаться от него в качестве императора, которому многие уже принесли присягу Удивительно, но таким вот малопонятным образом в стране

создалось двусмысленное и крайне опасное положение междуцарствия.

Так для чего же было необходимо делать тайну из такого совершенно несекретного дела?

Великий князь Николай Михайлович (внук Николая I) отвечает на этот вопрос так:

"По нашему разумению, и это объясняется просто. Было вовсе нежелательно разглашать прежде времени отречение от престола цесаревича Константина, давать повод к массе лишних толков и разговоров — словом, доводить до всеобщего сведения такого рода деликатный вопрос".

К чему это все привело, мы прекрасно знаем. Николай потом все же решился, согласно воле покойного императора Александра, взять власть в стране. Манифест о вступлении на престол императора Николая I был составлен вечером 12 (24) декабря 1825 года. Сам 29-летний Николай подписал его на следующее утро.

Этот манифест был оглашен Николаем на заседании Государственного совета поздно вечером 13 (25) декабря. Отдельным пунктом в манифесте было подчеркнуто, что временем его вступления на престол будет считаться 19 ноября (1 декабря), то есть день смерти Александра. Понятно, что это было сделано, чтобы юридически ликвидировать возникший пробел в преемственности самодержавной власти.

После этого была назначена вторая присяга, или, как ее назвали в войсках, "переприсяга". На этот раз уже Николаю I. В Санкт-Петербурге она была назначена на 14 (26) декабря.

И в тот же день, 14 (26) декабря 1825 года, группа офицеров — членов тайного общества — вывела два гвардейских полка (около 3000 человек) на Сенатскую площадь. Так началось всем теперь известное восстание декабристов, и началось оно под лозунгом незаконности "переприсяги". На самом же деле это был вооруженный мятеж, главными целями которого были учреждение временного правительства, отмена крепостного права, установление равенства всех перед законом, введение демократических свобод и суда присяжных, выборности чиновников и т. д. — вплоть до смены формы правления на конституционную монархию или даже республику…

Император Николай I. Художник И.М. Степанов

Естественно, восстание было подавлено. При этом генерал-губернатор М.А. Милорадович, пытавшийся убедить восставших разойтись, был убит подлым выстрелом в спину. Всего погибло около 1300 человек. Потом многие участники восстания подверглись ссылке, а пять его главных руководителей (П.И. Пестель, С.И. Муравьев-Апостол, П.Г. Каховский, М.П. Бестужев-Рюмин и К.Ф. Рылеев) были казнены.

Кто-то называет произошедшее "беспорядками", кто-то —

"военным путчем", кто-то — "следствием дремучести русского политического сознания", кто-то — "первым днем тридцатилетнего кошмара николаевской реакции"…

Борис Башилов в своей "Истории русского масонства" пишет:

"Вся эта сумятица в значительной степени создалась благодаря странному поведению Государственного совета, члены которого после вскрытия конверта с манифестом Александра I о назначении наследником престола Николая I сделали вид, что они не поняли, "как поступить" <…>. История с завещанием Александра I носит настолько странный характер, что можно предполагать, что к ней приложили руку масоны из числа высших придворных, заинтересованные в успехе заговора декабристов".

15. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ СМЕРТИ?

Смерти нет — это всем известно,
Повторять это стало пресно…

А.А. АХМАТОВА

СЛУХИ, НЕЯСНОСТИ, ДОГАДКИ…

Естественно, скоропостижная смерть императора породила в народе массу слухов. В частности, один из них сообщал, что государь, окончательно измученный угрызениями совести по поводу насильственной смерти отца, покончил с собой. Другие говорили, что императора отравили заговорщики-декабристы, третьи считали, что Александр I не умер, а бежал на английском корабле в Палестину…

Почему в Палестину? И почему не в Америку, как говорили о Наполеоне, который, если верить слухам, якобы вовсе и не умер на острове Святой Елены…

Историк К.В. Кудряшов в связи с этим пишет:

"Стала расти молва, что настоящий император жив, но скрывается, а в гробу везут чужое тело. Любопытно, что эта молва и слухи шли как бы впереди погребального шествия, опережая его. Еще гроб не успел прибыть в Москву, а уже столица была полна всевозможными толками. Эти тревожные слухи, с досадой пишет современник, пугали иных "дураков", кои трусили, уезжали из Москвы или просили часовых для себя на это время. Прибытие гроба <…> действительно вызвало сильное стечение народа. Власти ждали беспорядков и приняли меры: в девять часов вечера кремлевские ворота запирались, у каждого входа стояли пушки, держались наготове военные части, по городу всю ночь ходили патрули. Но все обошлось благополучно".

Как это обычно бывает, слухи обрастали всевозможными подробностями, стали называться конкретные факты и имена. Говорили, например, что в гроб вместо императора был положен внешне похожий на царя фельдъегерь Масков, разбившийся насмерть при падении из курьерской коляски. И никого не заботил тот факт, что этот инцидент произошел 3 ноября 1825 года, то есть за шестнадцать дней до официальной даты смерти

Александра Павловича.

А еще говорили, что вместо царя в гроб был положен унтер-офицер 3-й роты Семеновского полка Струменский, просто двойник Александра I. А может быть, один из его двойников…

Зато известно, что упомянутый унтер-офицер Струменский умер потому, что был до смерти засечен шпицрутенами…

Так или иначе, но тело подлинного или мнимого императора вскрыли и произвели бальзамирование. При этом его так обильно напитали специальным составом, что пожелтели даже белые перчатки, натянутые на руки покойного.

Но вот, например, биограф Александра Анри Труайя отмечает:

"Протокол вскрытия подписан девятью медиками, но доктор Тарасов, который составлял это заключение и имя которого фигурирует внизу последней страницы, заявляет в своих воспоминаниях, что он этот документ не подписывал. Значит, кто-то другой подделал его подпись?"

А это вообще — вопрос очень интересный.

Дмитрий Климентьевич Тарасов был сыном бедного священника и практически случайно стал царским лейб-хирургом. Факт исторический: он находился у постели умирающего Александра пять последних суток. Просто факт: он в своих "Воспоминаниях" резко расходится со всеми другими очевидцами смерти императора, утверждая, что еще за час до кончины тот был в сознании и умирал спокойным и умиротворенным.

Почему первое — это факт исторический, а второе — просто факт? Да потому, что любая информация, содержащаяся в чьих-то "Воспоминаниях", — это лишь субъективное мнение какого-то человека, а оно, как известно, зависит от слишком многих обстоятельств. То есть, что находился у постели умирающего, — это факт, а вот что расходится в показаниях — это, как говорится, бабушка надвое сказала…

Кстати, точно так же, наверное, следует относиться и к утверждению Д.К. Тарасова, что он лично никакой протокол не подписывал, то есть "его" подпись является подделкой. В самом деле, почему же он тогда сопровождал гроб Александра из Таганрога до Санкт-Петербурга? Почему после "такого" спокойно остался служить придворным хирургом, получил орден Святого Владимира 2-й степени, прожил 74 года и умер в 1866 году человеком вполне обеспеченным?

Племянник Дмитрия Климентьевича Иван Трофимович Тарасов, ставший потом профессором Московского университета,

позднее рассказывал, что его дядя всегда избегал разговоров о кончине императора и о старце Федоре Кузьмиче… Но при этом он был глубоко религиозен… Но никогда не служил панихид по Александру. И якобы лишь когда до Санкт-Петербурга дошла весть о смерти Федора Кузьмича, доктор Д.К.Тарасов стал служить панихиды, однако делал это тайно.

Конечно, можно сказать, что все это не доказывает ровным счетом ничего. Конечно, можно все списать на странности какого-то там доктора…

Но Анри Труайя (член Французской академии, между прочим) отмечает еще несколько таких же, на его взгляд, странных фактов. Или не фактов — смотря как к этому относиться. Он пишет:

"Исследование головного мозга выявило нарушения, оставляемые сифилисом — болезнью, которой не страдал Александр. Наконец, в 1824 году царь перенес рожистое воспаление на левой ноге, а врачи, производившие вскрытие, обнаружили следы старой раны на правой ноге. Бесспорный факт, что, несмотря на бальзамирование, лицо умершего быстро изменилось до неузнаваемости; бесспорный факт, что народ не был допущен пройти перед открытым гробом; бесспорный факт, что императрица не

сопровождала останки своего супруга в Петербург; бесспорный факт, что дневник царицы прерван за восемь дней до кончины государя; бесспорный факт, что Николай I приказал сжечь большую часть документов, связанных с последними годами царствования его брата, так же как и доказательства, на которые опирались те, кто не верил в смерть Александра…"

Конечно, относительно сифилиса — это все домыслы. В протоколе об этом нет ничего определенного. И что это за нарушения головного мозга, оставляемые сифилисом?

Относительно правой ноги — то же самое. В протоколе сказано, что "на обеих ногах <…> приметны темно-коричневый цвет и различные рубцы (cicatrices), особенно на правой ноге…" То есть не на правой, как утверждает Анри Труайя, а на обеих, особенно на правой… Согласимся, это разные вещи.

Лицо умершего быстро изменилось до неузнаваемости?

Да, изменилось. И князь П.М. Волконский, отвечавший за траурный кортеж, 7 декабря 1825 года написал, находясь еще в Таганроге:

"Хотя тело и бальзамировано, но от здешнего сырого воздуха лицо все почернело, и даже черты лица покойного совсем изменились, <…> почему и думаю, что в Санкт-Петербурге

вскрывать гроб не нужно".

Но все-таки гроб в столице был один раз открыт — для членов императорской семьи. И мать царя Мария Федоровна тогда воскликнула:

— Да, это мой дорогой сын, мой дорогой Александр. Ах! Как он похудел…

Значит, все-таки лицо умершего изменилось не до неузнаваемости?

И доводы Анри Труайя можно так разбирать до бесконечности. Было бы желание…

На самом деле тело Александра поместили в два гроба — деревянный и свинцовый — и отправили в Санкт-Петербург. Перевозка длилась целых два месяца. По пути в столицу гроб открывался несколько раз, но только ночью и в присутствии очень немногих доверенных лиц. При этом каждый раз составлялся протокол осмотра.

Историк К.В. Кудряшов отмечает:

"Погребальная процессия с телом императора Александра I двинулась из Таганрога не скоро. Между тем, несмотря на бальзамирование, тело несколько портилось от времени, что беспокоило князя Волконского <…>. На пути к Москве гроб неоднократно вскрывался, и тело осматривалось. Таковые осмотры, пишет Тарасов, <…> "производились в полночь пять раз". <…> Затем уже по выступлении из Москвы гроб снова, 7 февраля, был осмотрен в селе Чашошкове, по удалении всех посторонних из церкви, в присутствии генерал-адъютанта графа Остермана-Толстого, Бороздина, Синягина и графа Орлова-Денисова, флигель-адъютантов полковников Германа, Шкурина, Кокошкина, графа Залуцкого и ротмистра Плау-тина, гвардии полковника кавалергарда Арапова, Солохмки и хирурга Тарасова. "Для удостоверения насчет положения тела императора" решено было вскрыть и свинцовый гроб; тщательнейший осмотр обнаружил, по описанию Тарасова, что положение самого тела в гробу оказалось в совершенном порядке и сохранности. При вскрытии, "кроме ароматного и бальзамического запаха, никакого газа не было приметно". Затем оба гроба были закрыты "по-прежнему". Для осмотра тела гроб был вскрываем еще дважды, а именно на втором переходе от Новгорода, в присутствии графа Аракчеева, и в Бабине, не доходя до Царского Села".

А затем гроб с покойником еще неделю стоял в Казанском соборе, и лишь 13 (25) марта 1826 года было совершено погребение. Но вот кого? Александра ли?

Историк В.Н. Балязин уверен, что все вышеперечисленное — это аргументы "в пользу того, что Александр I не умер в Таганроге, а был подменен двойником". Он пишет:

"Десятки квалифицированных историков вот уже полтора века пытаются, но не могут ответить на вопрос: где, когда и под каким именем умер Александр I? Поэтому автор не вправе замолчать легенду о старце Федоре Кузьмиче".

В.Н. Балязин также "очень и очень не уверен, что это легенда". Он так и заявляет:

"Мне кажется, что, скорее всего, это быль".

ЗАГАДОЧНЫЙ СТАРЕЦ ФЕДОР КУЗЬМИЧ

У нас нет такой уверенности, как у В.Н. Балязина, но мы тоже не станем замалчивать легенду о старце Федоре Кузьмиче. А появился он в Пермской губернии через десять лет после смерти императора Александра.

Он объявился осенью 1836 года. Рост его был выше среднего, плечи широкие, грудь высокая, глаза голубые, черты лица правильные и красивые. По всему было видно, что он явно не простонародного происхождения. Прежде всего, он поражал прекрасным образованием, обладал немалыми государственноправовыми познаниями, хорошо знал петербургскую придворную жизнь и этикет, рассказывал о разных государственных деятелях и давал довольно верные их характеристики. Он говорил о митрополите Филарете, об Аракчееве, о Кутузове и Суворове, но он никогда не упоминал имени убитого императора Павла I…

К тому же бросалось в глаза и его поразительное сходство с покойным Александром I. И оно еще больше усиливалось характерной глухотой, которой с детства страдал император. А еще перед смертью старец уничтожил множество бумаг, оставив лишь один листок со странными шифрованными записями и инициалами "А.П.".

Но при этом этот странный человек даже под угрозой уголовного наказания никому так и не открыл своего настоящего имени. Кончилось все тем, что его приговорили за бродяжничество к двадцати ударам плетями и сослали на поселение в Томскую губернию. Пять лет потом Федор Кузьмич работал на винокурне, но затем чрезмерное внимание окружающих заставило его переехать на новое место. Но и там покоя не было.

Французский биограф Александра I Анри Валлоттон

приводит эпизод, когда увидевший Федора Кузьмича старый солдат закричал: "Царь!

Это наш батюшка Александр!

Так он не умер?"

Наверное, для кого-то это факт, которому можно доверять, и основание для сенсации. Для нас же, повторимся, это лишь субъективное мнение писателя, который ссылается на слова неизвестного старого солдата, который вполне мог ошибаться… А мог и вообще никогда не говорить ничего подобного…

А вот еще один просто факт: сам Федор Кузьмич всегда отрицал слухи о своем императорском происхождении, но делал это весьма двусмысленным образом, еще больше усиливая подозрения на сей счет. Например, на просьбу одного архиерея открыть свое настоящее имя он с достоинством ответил:

— Если бы я на исповеди не сказал про себя правды, небо бы удивилось; а если бы я сказал, кто я, удивилась бы земля.

А вот это уже факт исторический: через какое-то время Федор Кузьмич принял монашество и стал известным по всей Сибири старцем.

В конце жизни Федор Кузьмич по просьбе томского купца Семена Феофановича Хромова переехал жить к нему. В 1859 году Федор Кузьмич серьезно заболел, и тогда С.Ф. Хромов обратился к нему с вопросом:

— Молва носится, что ты, дедушка, никто иной, как Александр Благословенный, правда ли это?

Старец Федор Кузьмич. Неизвестный художник

— Нет, это не может быть открыто никому, — последовал ответ.

Анализируя разные слухи о Федоре Кузьмиче, историк К.В. Кудряшов пишет:

""Старец был глуховат на одно ухо, — рассказывает один из его посетителей, — потому говорил немного наклонившись. Во время разговора он или ходил по келье, заложив пальцы правой руки за пояс, как это делают почти все военные, или стоял прямо, повернувшись спиной к окошку" <…> Л.И. Савостин[12] часто навещал старца; в беседе между ними, "которая велась иногда на иностранных языках", обсуждались вопросы государственные, политические и общественные: всеобщая воинская повинность, освобождение крестьян, война 1812 года".

Утром 20 января 1864 года С.Ф. Хромов в очередной раз пришел проведать больного Федора Кузьмича. В то время старец жил в келье, выстроенной специально для него около дома Хромова. Видя, что жизнь в Федоре Кузьмиче угасает, купец еще раз задал свой вопрос.

— Чудны дела твои, Господи: нет тайны, которая бы не

открылась, — вздохнул старик. — Хоть ты знаешь, кто я, но ты меня не величь, схорони просто.

Вечером Федор Кузьмич скончался. Произошло это 20 января 1864 года, когда покойному было 87 лет. И что интересно: если вычесть 87 лет из года смерти Федора Кузьмича, мы получаем год рождения Александра I — 1777-й.

Специально исследовавший этот вопрос историк К.В. Кудряшов рассказывает:

"За время своего пребывания в Сибири Федор Козьмич ни разу не открыл тайны своего происхождения, всячески избегая разговоров на эту тему. Изредка высказывал он неопределенные замечания, наводившие на мысль, что он человек непростого происхождения. А.С. Оконишникова, дочь Хромова, любимица старца, рассказывает: "Однажды летом (мы жили в Томске, а старец — у нас на заимке, в четырех верстах от города) мы с матерью приехали на заимку к Федору Козьмичу Был солнечный день. Подъехав к заимке, мы увидели Федора Козьмича гуляющим по полю по-военному, руки назад, и маршрующим. Когда мы с ним поздоровались, то он нам сказал: "Панушки, был такой же прекрасный солнечный день, когда я отстал от общества. Где был и кто был, а очутился у вас на полянке". Старец как-то заметил о себе, что носил он "шпорные" сапоги: с этим намеком на его прежнюю военную службу вполне согласуется известие о том, что не раз наблюдали, как старец один в лесу "командовал". Вопреки известию о том, будто старец намеками давал понять, что он Константин Павлович, более надежный биограф старца (Мельницкий)[13] решительно утверждает, что Федор Козьмич не обнаруживал никаких признаков самозванства и ни Константином, ни Александром себя не называл".

Отмечая "Записки" купца С.Ф. Хромова, у которого жил Федор Кузьмич, К.В. Кудряшов рассуждает так:

"Остается дать оценку "Запискам" Хромова и рассказам о Федоре Козьмиче. Старец жил на заимке у Хромова с конца 1858 года и до своей смерти. Ревностный почитатель старца, Хромов, составил любопытные "Записки" о его жизни, которые легли в основу всех сказаний и легенд о таинственном старце. Беглый анализ "Записок" выясняет, что начаты они и в существенной своей части написаны в 1864 году; затем Хромов продолжал их из года в год, с перерывами, записывая и то, что с ним самим случилось, и то, что ему вспоминалось о старце из прошлого. Есть следы того, что он просматривал написанное и, по крайней мере два раза, вносил незначительные поправки. Таким образом, под наиболее свежим впечатлением занесены только события 1863 и

1864 годов из жизни старца. Пользоваться "Записками" надлежит очень осторожно и доверять их сведениям нельзя. Хромов в своих "Записках" задается целью убедить читателя в святости и праведной жизни Федора Козьмича; неудивительно, что из 105 параграфов "Записок" более половины их (61) посвящены описанию чудес и прозорливости старца при крайней скудости данных о личности самого Козьмича".

И вывод К.В. Кудряшова однозначен:

"Резюмируя оценку "Записок" Хромова, я думаю, что в основе своей сведения о личности Федора Козьмича не вымышлены, но так искажены тенденцией Хромова к прославлению старца, что полагаться на них нельзя".

Как бы то ни было, могила загадочного старца надолго стала местом паломничества. Во время путешествия по Сибири на могиле Федора Кузьмича побывал даже будущий император Николай II.

Естественно, легенда эта имела своих ярых противников и почитателей. Среди тех, кто верил в ее подлинность, были Л.Н. Толстой, великий князь Александр Михайлович, историк князь В.В. Барятинский. Например, последний, будучи серьезным исследователем этой загадки, считал, что император Александр воспользовался своим пребыванием в Таганроге и легким недомоганием, чтобы привести свой план в исполнение. Он скрылся, предоставив хоронить чье-то "чужое тело".

А вот биограф Александра I великий князь Николай Михайлович относился к этой гипотезе с иронией. Он, например, заказал анализ почерков Александра I и старца Федора Кузьмича, и данные этого сличения почерков оказались весьма противоречивы. Тем не менее, вопреки мнению великого князя Николая Михайловича, тождество почерков признал занимавшийся этим вопросом известный юрист А.Ф. Кони, который высказался по этому поводу совершенно категорично: "Письма императора и записки странника писаны рукой одного и того же человека".

При этом даже великий князь Николай Михайлович, определяя довольно узкий круг лиц, которые могли быть причастны ко всем перипетиям последних дней правления Александра I, допускает, что при желании такой состав "соучастников" вполне мог организовать "исчезновение" императора.

КТО, ЕСЛИ НЕ АЛЕКСАНДР?

Следует отметить, что вся эта легенда появилась на основании недостоверного свидетельства о том, что при вскрытии гробницы Александра I в Петропавловском соборе обнаружилось, что она пуста и что в нее якобы в присутствии императора Александра II и министра двора графа Адальберта было положено тело длиннобородого старца. При этом всем присутствовавшим при этой церемонии якобы было приказано строго хранить тайну, а служители, получившие щедрое вознаграждение, затем были разосланы в разные концы России.

Интересно также отметить, что многие современники отмечали поразительное внешнее сходство Александра и Федора Кузьмича, а также то, что последний живо напоминал царя возрастом, выправкой, манерами, знанием иностранных языков и осведомленностью о жизни двора.

Одним из первых, кто описал легенду о сибирском отшельнике, был князь Н.С. Голицын, который опубликовал ее в журнале "Русская старина" за ноябрь 1880 года.

Как пишет в своей книге "Александр I" А.Н. Сахаров, "данная легенда ставится под сомнение сохранившимися бюллетенями о течении болезни царя и многими другими официальными документами, письмами, воспоминаниями, донесениями лиц — свидетелей его кончины. И тем не менее вера в эту легенду сохраняется и поныне".

Этот же автор рассуждает так:

"Разгадывание такого рода тайны и не претендует на быстроту и однозначность ответов, здесь важны каждая мелочь, каждое, пусть и спорное, новое наблюдение".

Естественно, окончательно решить вопрос о тождестве Федора Кузьмича и императора Александра и о "перевоплощении" императора могла бы генетическая экспертиза, но ее пока не проводили.

В свое время известный ученый И.С. Шкловский обратился с таким предложением к М.М. Герасимову, знаменитому антропологу, прославившемуся реконструкцией скульптурных портретов исторических деятелей по их черепам.

— Есть одна проблема, Михаил Михайлович, — сказал Шкловский, — которую можете решить только вы. Все-таки вопрос о реальности старца Федора Кузьмича совершенно неясен. Обстоятельства смерти Александра I покрыты тайной. С чего это вдруг здоровый молодой (47 лет!) мужчина, так странно державший себя в последние годы своего царствования, совершенно неожиданно умирает в забытом Богом Таганроге? Тут, может быть, и не все ладно. И кому, как не вам Михаил

Михайлович, вскрыть гробницу императора, которая в соборе Петропавловской крепости, восстановить по черепу лицо покойного и сверить его с богатейшей иконографией Александра I? Вопрос будет раз и навсегда снят!

Герасимов в ответ лишь засмеялся:

— Ишь ты, какой умник! Я всю жизнь об этом мечтал. Три раза обращался в правительство, прося разрешения вскрыть гробницу Александра I. Последний раз я сделал это два года тому назад. И каждый раз мне отказывают. Причин не говорят. Словно какая-то стена!

И в самом деле, он трижды начиная с 1951 года безуспешно обращался к правительству с запросом на обследование гробницы императора Александра I в Петропавловском соборе Санкт-Петербурга, а также склепа-усыпальницы старца Федора Кузьмича в Томском Богородице-Алексиевском монастыре. Но разрешения от властей он так и не получил.

И.С. Шкловский был удивлен. Ведь наверняка причиной отказа была не этика. Ведь не постеснялись же вскрыть гробницу Тамерлана в июне 1941 года. И вскрыли гробницу Ярослава Мудрого в Софийском соборе, и патриарха Никона в Ново-Иерусалимском монастыре, и многих других…

Описанный выше разговор с М.М. Герасимовым происходил в 1968 году. А десять лет спустя Шкловский познакомился с одним человеком, который рассказал ему, что в молодости участвовал во вскрытии могил русской знати.

"Как хорошо известно, — пишет И.С. Шкловский, — во время голода 1921 года был издан знаменитый ленинский декрет об изъятии церковных драгоценностей. Значительно менее известно, что в этом декрете был секретный пункт, предписывавший вскрывать могилы царской знати и вельмож на предмет изъятия из захоронений ценностей в фонд помощи голодающим. Мой собеседник — тогда молодой балтийский моряк — был в одной из таких "гробокопательных" команд, вскрывавших на Псковщине в родовом поместье графов Орловых их фамильный склеп. И вот, когда вскрыли гробницу, перед изумленной занятой кощунственным делом командой предстал совершенно не тронутый тлением, облаченный в парадные одежды граф. Особенных сокровищ там не нашли, а графа выбросили в канаву".

Точно так же в 1921 году были вскрыты гробницы Александра III, Александра II, Николая I и других русских царей. Но, когда пришла очередь Александра I, большевиков якобы ожидала неожиданность: его гробница, как утверждается в некоторых источниках, оказалась пустой…

Якобы это информация, шедшая со слов кого-то, кто

присутствовал при вскрытии царских могил в Петрограде. Будто бы это сам А.В. Луначарский, самый культурный из советских наркомов, открыто утверждал… То есть получается, что гробницу Александра I вскрывали несколько раз (в 1864 году, в 1921 году и т. д.), и каждый раз она оказывалась пустой…

Мистика какая-то!

Понятно, что вопрос о том, что такой Федор Кузьмич, если все-таки не Александр I, так и остается открытым. Например, великий князь Николай Михайлович предположил (правда, с некоторыми оговорками), что это мог быть Симеон Афанасьевич Великий — побочный сын Павла I от фрейлины С.С. Ушаковой, якобы погибший в августе 1794 года. Впрочем, точных данных о его смерти нет, а, согласно данным Морского министерства, он погиб при кораблекрушении английского корабля Vanguard во время страшного шторма близ Антильских островов. Но официально он всегда считался пропавшим без вести.

Историк К.В. Кудряшов высказывает предположение, что старец — это исчезнувший из Санкт-Петербурга при невыясненных обстоятельствах Федор Александрович Уваров 2-й.

Этот человек родился в 1780 году, происходил из дворянской семьи и начал службу в 1796 году сержантом в лейб-гвардии Семеновском полку. В 1803 году он вышел в отставку, но в 1806 году вновь поступил на службу штабс-ротмистром в Кавалергардский полк. В 1813 году он стал полковником, имея за плечами сражения при Фридланде, Витебске, Смоленске, Бородине, Тарутине, Малоярославце, Лютцене, Бауцене, Лейпциге и Кульме. В марте 1814 года он в составе русской армии брал Париж.

По возвращении в Россию Ф. А. Уваров был уволен в шестимесячный отпуск, женился на Екатерине Сергеевне Луниной, сестре декабриста Лунина, а затем (в 1816 году) отпущен с военной службы для лечения ран.

Загадочное "исчезновение" Ф.А. Уварова произошло 7 января 1827 года. Куда он подевался — неизвестно. Но факт остается фактом: пропал без вести…

К.В. Кудряшов пишет:

"Не скрываю от себя, что моя гипотеза об Уварове нуждается в дальнейшем подтверждении. Но построение ее показывает, что для отождествления с Федором Козьмичем вовсе нет необходимости обращаться к личности Александра I и окружать ее необыкновенным ореолом нравственной высоты; и по-прежнему справедливыми остаются слова генерал-адъютанта Плаутина, который незадолго до своей кончины говорил сыну:

"Кто тебе скажет, что император Александр Павлович удалился в Сибирь, тот солжет, так как я в Таганроге сам клал его в гроб"".

Кстати, Николай Федорович Плаутин дослужился до генерала от кавалерии. В свое время он был непосредственным начальником М.Ю. Лермонтова. В ноябре 1824 года его назначили флигель-адъютантом Его Величества с оставлением в лейб-гвардии Гусарском полку, а 8 февраля 1825 года он был произведен в ротмистры. Да, он был одним из тех, кто укладывал в гроб Александра I. Но тот, кто захочет оспорить слова этого достойнейшего человека, всегда может ехидно заметить, что укладывал он кого-то в гроб в чине ротмистра (а это кавалерийский аналог обычного капитана), а уже в марте 1826 года он был полковником. Что-то слишком уж быстрое продвижение… И за какие же это такие заслуги…

Между прочим, именно так и делаются сенсации.

А что за история без сенсаций и без тайн? Скучная ведомость — да и только. А настоящая история — это картинная галерея, где масса оригиналов, но не меньше и копий, и одно не так-то просто отличить от другого.

ОТКУДА ВСЕ ЭТО ПОШЛО?

Кстати, а откуда вообще все это пошло? Ведь слухи — это слухи. Как говорится, немой сказал глухому, что слепой видел… Иное дело — образованные люди и профессиональные историки.

Историк Н.К. Шильдер одним из первых не избежал искуса допустить, что Александр I, возможно, закончил свою жизнь вовсе не так, как об этом всегда было принято считать. С другой стороны, великий князь Николай Михайлович, отмечая значение биографии Шильдера, написал, что "труд Шильдера нельзя назвать серьезной исторической работой", ибо он "читается легко", "как исторический роман", но в нем "много весьма досадных пробелов, недомолвок и неточностей". А вот академик А.Н. Сахаров уверен, что "слова, написанные Н.К. Шильдером, показывают, что дело здесь не просто в некоем кокетстве, пустом досужем разглагольствовании или погоне за сенсацией". Якобы "все творчество маститого историка показывает, что он был весьма далек от подобного рода мотивов".

Так в чем же дело?

А.Н. Сахаров пишет:

"Считается, что личность Александра I "не дает никакого базиса для самой постановки этого вопроса", как писал в свое время Н. Кноринг. И этот автор, как до него и другие историки —

великий князь Николай Михайлович, Мельгунов, Кизеветтер, Кудряшов, — считал, что Александр был натурой цельной, волевой, а главное, властолюбивой, и не в его характере было отказываться от престола, за который он с таким умом, упорством, хитростью и изяществом боролся практически всю свою жизнь. И все его разговоры о тягости короны, об усталости от ее бремени, о желании уйти в частную жизнь — не более чем обычная для него поза, политический камуфляж".

То есть получается, что все заявления Александра о желании отречься от престола — это была лишь "моральная отдушина", обман общественного мнения, дезориентация недовольных… Но ведь эта мысль мучила императора. Действительно мучила. И она "постоянно выплескивалась наружу, вводя в недоумение и страх окружающих его близких к нему людей".

По сути, дело тут заключается лишь в том, насколько серьезны были все эти намерения сбросить с себя бремя власти. Но на этот вопрос однозначно не сможет, пожалуй, ответить никто.

Ну и, конечно, все эти доводы о болезни императора в Таганроге, о проведенном вскрытии его тела, о похоронах в Петропавловском соборе и т. д. — все это все равно не снимает всех возникающих вопросов, связанных с легендой о Федоре Кузьмиче.

А.Н. Сахаров пишет:

"И вновь я должен обратиться к двум группам проблем, которые уже многократно рассматривались и прежде: к тому, что произошло в Таганроге, и к тому, что представлял собой старец Федор Кузьмич, скончавшийся в возрасте около 87 лет на лесной заимке близ Томска 20 января 1864 года. Кстати, вычитая 87 лет от года рождения Федора Кузьмича, мы получаем год рождения Александра I — 1777-й. Как известно, император заболел 4 ноября 1825 года в Мариуполе, возвращаясь из поездки по Крыму. Но впервые он почувствовал себя плохо гораздо раньше, еще в Бахчисарае, где его лихорадило. Прибыв 5 ноября в Таганрог, он слег в постель. В этот же день сопровождавший его постоянно во всех поездках генерал-адъютант Петр Михайлович Волконский, его близкий друг и поверенный, в своем поденном журнале начал вести записи о ходе болезни. Удивительно, что в тот же день открыли свои дневниковые записи о ходе болезни и времяпрепровождении Александра в одноэтажном 12-комнатном таганрогском дворце и еще две особы: его супруга, императрица Елизавета Алексеевна, и лейб-медик баронет Виллие, бывший личным врачом Александра I <…>. Дневниковые записи Волконского и Виллие кончаются 19 ноября 1825 года, в день

смерти Александра I. Дневник Елизаветы Алексеевны обрывается 11 ноября. Сам по себе факт начала дневниковых записей 5 ноября тремя близкими к императору людьми, записей, которые, по существу, отразили течение смертельной болезни, поразителен. Ведь ни 4, ни 5 ноября, когда все трое корреспондентов взялись за перо, нельзя было и предположить, что болезнь, едва лишь покачнувшая всегда отменное здоровье Александра, примет столь трагический оборот. Это загадка, которую исследователи перед собой даже не поставили, а ведь она психологически может открыть многое. Даже безусловный противник легенды об уходе Александра I от власти великий князь Николай Михайлович писал в одной из своих статей: "Исчезновение императора может быть допустимо на практике при безусловной охране тайны соучастниками такой драмы".

Что касается замены тела императора, на чем, кстати, настаивал убежденный сторонник легенды В.В. Барятинский в своей книге "Царственный мистик", то подобную версию Николай Михайлович называет просто "баснословной сказкой". Начало дневниковых записей в один день тремя близкими к Александру I людьми может, конечно, указывать на большую озабоченность со стороны всех трех здоровьем императора. Но поскольку никакой опасности этому здоровью в тот день не было, то приходится считать такое единодушие необъяснимым, либо объяснить его лишь желанием создать единую версию течения болезни, нужную как Александру, так и этим трем его близким людям".

Князь В.В. Барятинский, занимавшийся расшифровкой записок Федора Кузьмича, опубликовал в 1907 году в Лондоне книгу "Царственный мистик", и она потом выходила в России. Одну из записок Федора Кузьмича он расшифровал так:

"Я СКРЫВАЮ ТЕБЯ, АЛЕКСАНДР, КАК СТРАУС, ПРЯЧУЩИЙ ГОЛОВУ ПОД КРЫЛО".

И он усмотрел искусственность ситуации в расхождении сведений, содержащихся в дневниковых записях всех трех близких к Александру людей. А вот А.Н. Сахаров пишет так: "Но я думаю, что эта искусственность видна совсем в другом — в создании этих дневников, хотя в них в то время не было особой необходимости".

Вызывает вопросы у известного историка и тот факт, что протокол о вскрытии императора скрепил своей подписью лишь генерал-адъютант А.И. Чернышев. Этот же факт удивил и Н.К. Шильдера, однако великий князь Николай Михайлович посчитал это "простой случайностью" и написал, что сам этот протокол является чистой формальностью.

По этому поводу А.Н. Сахаров рассуждает так:

"Думаю, что в случаях ординарных подобный документ действительно во многом предстает как формальный. Но в иных, особых случаях именно протокол вскрытия, патологоанатомический анализ являются порой ключом к серьезным историческим выводам. А это как раз и был, как показали последующие события, тот самый особый случай, который не получил адекватного отражения в документе о причинах смерти Александра I. Не случайно позднейшие попытки изучения по этому протоколу причин и течения болезни Александра наталкивались на непреодолимые трудности и противоречия и, по существу, заводили дело в тупик по главному вопросу — об идентификации тела Александра I с телом человека, которое стало объектом этого протокола".

Теперь — еще один немаловажный момент.

Все единодушно свидетельствуют, что в последние дни около постели умирающего Александра находились П.М. Волконский, лейб-медик Я.В. Виллие и императрица. Однако, как отмечает А.Н. Сахаров, "существует и иная версия, отличная от этого дневникового "хора". В библиотеке дома Романовых сохранились копии двух писем о последних днях Александра неизвестного лица из семейства Шахматовых, в дом которых императрица переехала сразу же после кончины супруга. Корреспондент, обращаясь к матери и брату, в частности, пишет о поведении в те дни Елизаветы Алексеевны. Императрицу просили переехать в дом Шахматовых во время болезни государя, однако она ответила: "Я вас прошу не разлучать меня с ним до тех пор, покуда есть возможность", после чего никто не смел ее просить, и она оставалась целый день одна в своих комнатах и ходила беспрестанно к телу без свидетелей; и когда он скончался, то она сама подвязала ему платком щеки, закрыла глаза, перекрестила, поцеловала, заплакала, потом встала, взглянула на образ и сказала: "Господи, прости мое согрешение, тебе было угодно меня его лишить". <…> Обращает на себя внимание и тот факт, что записи императрицы обрываются 11 ноября. Об этом уже говорилось в литературе. Но оставалось незамеченным свидетельство Волконского о том, что именно в этот день утром император приказал позвать к себе Елизавету Алексеевну, и она оставалась у него до самого обеда. О чем беседовали супруги несколько часов, почему столь длительным был визит Елизаветы Алексеевны к государю — это остается тайной".

А вот еще нечто загадочное: тело императора так и не было показано народу. Более того, к Кремлю, где в Архангельском соборе среди гробниц русских царей стоял гроб с телом

Александра, были стянуты войска, а вечером ворота Кремля запирались и у входов выставлялись заряженные орудия.

А вот еще что-то необъяснимое: могила Федора Кузьмича стала объектом паломничества, и там бывали представители династии Романовых. В частности, являясь еще наследником престола, ее посетил и Николай Павлович.

В книге об Александре I Анри Труайя читаем:

"В самом деле, кажется совершенно невероятным, чтобы царь, нежно привязанный к своей жене, вдруг покинул ее, зная, что она умирает от чахотки и дни ее сочтены; невероятно также, что, давно вынашивая проект об оставлении трона, он не урегулировал вопрос о престолонаследии; невероятно, наконец, что он приказал принести "похожий на него" труп, не возбудив подозрений у своего окружения. Как допустить подмену тела в Таганроге, как вообразить этот мрачный фарс, если в него вовлечено три десятка человек: офицеры, медики, секретари, фрейлины императрицы и она сама? Разве императрица не находилась у его изголовья до самых последних мгновений его жизни? Разве она не закрыла ему глаза? Разве она не писала после его кончины душераздирающие письма своей матери, вдовствующей императрице Марии Федоровне, другим своим близким? Что же, все это — лишь циничная пародия на траур? Разве сами ее слезы не развеивают все подозрения? А протокол вскрытия, подписанный медиками? А эти бесчисленные освидетельствования тела, подкрепленные протоколами, на протяжении всего пути из Таганрога в Петербург? А письменные и устные свидетельства очевидцев агонии императора? И мыслимо ли, чтобы столько набожных людей, зная, что император жив, скрывали истину после того, как присутствовали на его отпевании? Подобное соучастие граничило бы со святотатством".

Похоже, что все это вопросы риторические и ответы на них не требуются в силу их очевидности.

По мнению А.Н. Сахарова, нуждаются в объяснениях другие вопросы. Например, факт отсутствия императрицы на панихиде по усопшему императору в Таганрогском соборе. Или тот факт, что ни она, ни П.М. Волконский не сопровождали траурной процессии в Москву, а затем в Санкт-Петербург.

Конечно, отсутствие Елизаветы Алексеевны можно объяснить состоянием ее здоровья, но вот отсутствие князя Волконского в составе траурного кортежа выглядит необъяснимым.

Ну, а вывод академика из всего вышесказанного таков:

"И сторонники, и противники тождества Александра I и

Федора Кузьмича признают здесь наличие неразгаданной тайны. Попытки разгадать эту тайну <…> так и оставили ее за семью печатями".

Анри Труайя констатирует:

"Двойники, ложные похороны, маскарадные перевоплощения в предсмертные мгновения напоминают волшебную сказку. Но если Александр I действительно умер в Таганроге, то кто был "старец", погребенный в Алексеевском монастыре в Томске? Самозванцы нередки в истории России. Доверчивый русский народ падок на всякие чудеса: свидетельство тому — два Лжедимитрия, множество Петров III, Иванов VI, лжецаревен. Во все времена в Сибири скрывались разного рода пророки, священники-расстриги, беглые монахи, жившие как отшельники. Федор Кузьмич вполне мог быть одним из таких порвавших с обществом аскетов".

По сути, Александр не хотел править, всегда мечтал сложить корону и удалиться от мира. Но не решился, не смог. Так вот народная молва и трансформировалась в легенду, у героя которой и есть тот конец, какого желал покойный император.

А вот авторитетное, хотя и не бесспорное, мнение А.Н. Архангельского:

"Гипотеза и есть гипотеза. Не больше и не меньше. Были бы прямые доказательства — она бы и не потребовалась. Но другого объяснения, которое в такой же мере удовлетворяло всем описанным выше "параметрам", я не вижу. И потому решаюсь на вывод <…>. Кем бы ни был тот, кто называл себя Феодором Козьмичом, он был sui generis[14] Александром I. Он нес крест русского царя, платил по его счетам, искупал его грех. Грех духовный, а не политический. Политические грехи русского царя предстояло искупать России в целом; она должна была понести его крест; в этом смысле именно ей выпала участь "коллективного Феодора Козьмича".

16. ЛЕГЕНДА О ВЕРЕ МОЛЧАЛЬНИЦЕ

Легенда — приемная дочь истории.

ЭРИКЕ ПОНСЕЛА

БОЛЕЗНЬ ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

1824 год принес императрице Елизавете Алексеевне много огорчений. Сначала, в январе, заболел император. Потом, в июне, случилось новое горе: как уже говорилось, скончалась восемнадцатилетняя дочь М.А. Нарышкиной, к которой Александр Павлович был очень привязан. Смерть Софьи он переживал как личную трагедию, а во время ее болезни он много раз рассказывал Елизавете Алексеевне о своей тревоге за ее жизнь.

Когда она умерла, он потрясенно произнес:

— Я наказан за все мои прегрешения.

Елизавета Алексеевна пыталась поддержать мужа в эти тяжелые минуты. Она хорошо знала Софью и с участием относилась к ней. По свидетельству одной современницы, императрица, встретив как-то эту девочку, "прижала ее к своей груди и в детских чертах ее печально пыталась отыскать сходство с тем, кого она обожала".

Обожала? Кто может знать это наверняка? Впрочем, Елизавета Алексеевна в любом случае отнеслась к горю императора с полным пониманием и совершенно искренне скорбела о юном создании, умершем накануне своей свадьбы. Какая-либо ревность в ее отношениях с Александром уже была неуместна, потому что у них было слишком много общих потерь.

А в ноябре 1824 года Елизавета Алексеевна сильно заболела.

Н.М. Карамзин тогда написал в одном из писем:

"Мы <…> в беспокойстве о здоровье императрицы Елизаветы Алексеевны, которая от простуды имела сильный кашель и жар. Я видел государя в великом беспокойстве и в скорби трогательной: он любит ее нежно. Дай Бог, чтобы они еще долго пожили вместе в такой любви сердечной!"

А в декабре 1824 года император писал Н.М. Карамзину:

"Хотя есть некоторое улучшение в здоровье жены моей, но далеко еще до того, чтобы успокоить меня. Кашель не унялся и

много ее беспокоит, но, что еще важнее, мешает начать надлежащее врачевание, дабы уменьшить биение сердца и артерии".

СМЕРТЬ ЕЛИЗАВЕТЫ АЛЕКСЕЕВНЫ

После смерти Александра Елизавета Алексеевна все же выехала из Таганрога: в Калуге она должна была встретиться с вдовствующей императрицей Марией Федоровной, выехавшей ей навстречу. Но она успела доехать только до уездного города Белёва, что в ста километрах от Тулы.

Естественно, перенесенные переживания не могли не сказаться на ее и без того слабом здоровье.

Князь П.М. Волконский 12 апреля писал Николаю Павловичу из Таганрога:

"Слабость здоровья вдовствующей государыни императрицы Елизаветы Алексеевны вновь увеличивается. Сверх того Ее Императорское Величество чувствует в груди иногда сильное удушение, которое препятствует даже говорить, и сама изъявила господину Стофрегену опасение водяной болезни в груди. Хотя господин Стофреген не уверен, что таковая болезнь существует, но начинает, однако, сильно беспокоиться, предложил Ее Величеству лекарства для предупреждения оной и надеется, что предполагаемое путешествие может предотвратить сию болезнь".

Напомним, что Конрад фон Стофреген (Штофреген) — это царский лейб-медик, уроженец Ганновера, пользовавшийся особым доверием императрицы. Он не только постоянно лечил и сопровождал во всех поездках Елизавету Алексеевну, но и присутствовал при кончине Александра. Человек это был честный и знающий, но поделать он уже ничего не мог.

Состояние Елизаветы Алексеевны с каждым днем становилось все хуже и хуже.

Вечером 3 (16) мая 1826 года карета императрицы въехала в Белёв, где она остановилась для ночлега в доме купцов Дорофеевых. Тогда Елизавета Алексеевна с трудом поднялась на второй этаж в специально приготовленные для нее комнаты.

О последних ее днях сохранились подробные воспоминания ее секретаря Н.М. Лонгинова, сопровождавшего императрицу в этом путешествии. Он пишет:

"Ее Величество, на мой взгляд, выглядела очень плохо; на ней была шляпа с большими полями, и она старалась скрыть под ними свое лицо. Хотя в комнате был полумрак, но я все-таки

заметил, что ее лицо горело, глаза ввалились и были тусклы; голос ее прерывался и был беззвучен, словно она охрипла <…>. Поездка из Орла в Белёв была не по ее силам, дальняя и трудная, тем более что дорога была испорчена дождями…"

Отправившись спать, Елизавета Алексеевна никому не разрешила ночевать в ее комнате, ссылаясь на то, что это может ей только помешать. Она заверила всех, что у нее достаточно сил, чтобы позвонить, если понадобится какая-то помощь…

Императрица скончалась в ночь с 3 (16) на 4 (17) мая 1826 года.

Елизавета Алексеевна не оставила завещания: она всегда говорила, что не привезла с собой в Россию ничего, а посему ничем распоряжаться не может. И лишь после ее смерти узнали о многих негласных пенсиях и пособиях, выдававшихся из ее средств. Бриллианты императрицы были обращены в деньги, и всю сумму передали в основанные Елизаветой Алексеевной Женский патриотический институт и "Дом трудолюбия", получивший потом название Елизаветинского института.

Она ушла из жизни так же тихо, как и жила.

Подводя итог жизни этой русской императрицы, великий князь Николай Михайлович написал:

"Елизавета Алексеевна принадлежала к числу идеальных натур, которые редко бывают вполне счастливы в жизни".

Князь П.А. Вяземский характеризует ее так:

"Ее мало знали при жизни. Как современная молва, так и предания о ней равно молчаливы <…>. Она как-то невидимо, какою-то таинственною тенью прошла поприще жизни и царствования своего. Весьма немногие были допущены в святилище, в это, можно сказать, царское затворничество, в котором она скрывалась".

Людям, плохо ее знавшим, Елизавета Алексеевна казалась безучастной и холодной.

Она была очень красива и прекрасно образована, но по характеру выглядела совершенно неприспособленной к тому, чтобы отстаивать собственные мнения и интересы, всегда предпочитала уходить в сторону и замыкаться в гордом одиночестве. Она никогда не давала волю чувствам, всегда страдала молча и оттого казалась какой-то бесцветной. Но это не так. Просто она явно не была создана для той роли, которую ей уготовила судьба. Она изначально нуждалась лишь в обычном женском счастье, которое наверняка могла бы обрести в детях, если бы Господь даровал ей счастливое материнство…

ЗАТВОРНИЦА СЫРКОВА МОНАСТЫРЯ

Примерно в середине XIX века появились легенды и в отношении жены Александра, императрицы Елизаветы Алексеевны, умершей вслед за мужем.

Умерла она в одиночестве, без свидетелей. Официально ее могила расположена в Петропавловском соборе, рядом с могилой мужа. Но, по словам поэта П.А. Вяземского, она еще при жизни "сделалась поэтическим и таинственным преданием". Ну а после смерти ее стали отождествлять с затворницей

Сыркова монастыря (что в Новгородской губернии) Верой Молчальницей, появившейся впервые в 1834 году в окрестностях Тихвина.

Эта странная женщина остановилась в доме помещицы Веры Михайловны Харламовой, и о своем прошлом она никогда никому не рассказывала. Также никому не называла она и своей фамилии. Что же касается тихвинцев, то они относились к ней с большим уважением и часто навещали ее "для духовных бесед". Но через четыре года она покинула Тихвин. Принято считать, что это была реакция на чрезмерное к себе внимание.

А в 1838 году ее арестовали за отсутствие паспорта. После этого ее по этапу отправили в Валдайскую тюрьму, где, согласно легенде, на вопросы о ее фамилии и происхождении она отвечала следователю:

— Если судить по небесному, то я — прах земли, а если по земному, то я — выше тебя.

Следователь продолжал настаивать на своем, но добился лишь того, что странная женщина окончательно перестала отвечать на вопросы. После этого в течение 23 лет и до самой смерти она уже не раскрыла рта, лишь иногда отвечая на вопросы посредством записок.

Полиция посчитала странную арестантку сумасшедшей и после полутора лет заключения в Новгородской тюрьме ее отправили в дом для умалишенных, в котором она провела еще полтора года.

В доме умалишенных ее разыскала местная благотворительница — графиня Анна Алексеевна Орлова-Чесменская (бывшая камер-фрейлина двора Александра I). Она-то и предложила "молчальнице" поселиться в Сырковом монастыре. Считается, что сведения о Вере она получила из Санкт-Петербурга.

Потом за Верой приехала игуменья монастыря и отвезла ее в обитель. О ее переселении в монастырь был издан специальный указ от 10 апреля 1841 года, в котором сказано, что содержание

ее будет обеспечиваться за счет графини Орловой-Чесменской.

В монастыре Веру приняли враждебно, и через какое-то время игуменья даже поехала к митрополиту Серафиму с просьбой выслать "молчальницу" из монастыря. На эту просьбу митрополит ответил:

— Ах ты, дура-баба! Да нас скорее с тобой выгонят, чем ее. И вспоминать об этом не смей.

В результате Вера стала жить в отдельной келье-избушке, внутри которой находилась единственная выбеленная комната, вход в которую шел через маленькие сени. Из вещей в келье были шкаф с книгами, медный самовар, два деревянных стула, кровать и часы с кукушкой.

Сторонники этой легенды указывают на то, что ее келья якобы была "точной копией" кельи Федора Кузьмича в Сибири, но это представляется весьма странным. Слишком уж велико было расстояние, и слишком сложны связи с сибирскими городами и в особенности с отдаленными поселками.

Так кто же такая была эта Вера Молчальница? Легенда гласит, что это якобы императрица Елизавета Алексеевна добровольно ушла от мирской жизни и провела под именем Веры Молчальницы в монастыре более двадцати лет.

Молчальница. Посмертный портрет. Неизвестный художник

Почему Молчальница? Потому что эта женщина 23 года

хранила обет молчания. Ее духовником был священник Сыркова монастыря Иоанн Лебедев, которому она исповедовалась путем записок, которые тот после совершения таинства каждый раз сжигал в пламени свечи.

Собственно, основным источником всех биографических сведений о Вере Молчальнице и является статья этого самого Иоанна Лебедева, которая была опубликована в июльском номере журнала "Странник" за 1868 год (то есть через семь лет после ее смерти).

Сохранилось предание, что в 1848 году "молчальницу" вдруг навестил император Николай I, который несколько часов говорил с ней за закрытыми дверями, причем и на его слова монахиня тоже отвечала письменно. Ее ответы якобы заняли несколько листов бумаги, и, уходя, император вежливо поцеловал монахине Вере руку и сжег ее записи.

А умерла эта странная женщина 6 (18) мая 1861 года. При этом она так и не открыла своего подлинного имени и происхождения.

Местные старожилы потом долго показывали приезжим надгробную плиту, на которой были выбиты слова:

"Здесь погребено тело возлюбившей Господа всею крепостию души своея и Ему Единому известной рабы Божией Веры, скончавшейся 1861 года мая шестого дня, в шесть часов вечера, жившей в сей обители более двадцати лет в затворе и строгом молчании, молитву, кротость, смирение, истинную любовь к Господу и сострадание к ближним сохранившей до гроба и мирно предавшей дух свой Господу".

Интересен и такой факт: Вера Молчальница была похоронена рядом с могилой игуменьи Александры (Шубиной), бывшей восприемницы (то есть женщины, принимающей на руки ребенка из купели) императрицы, что конечно же дало лишний повод для отождествления "молчальницы" с Елизаветой Алексеевной.

В пользу благородного происхождения Веры обычно приводят свидетельства о ее образованности, знании живописи. Также по ее запискам делают вывод, что она была нерусского происхождения (напомним, что Елизавета Алексеевна была принцессой Баденской).

На сохранившихся после нее выписках из Священного Писания в большом количестве присутствуют монограммы с буквами А, П и Е в различных сочетаниях (например, АП или ЕА), что некоторые исследователи считают монограммами императора Александра Павловича и его жены Елизаветы Алексеевны.

Другие историки уверены, что Вера Молчальница — это дочь

генерал-майора А.Д. Буткевича, принявшая монашеский постриг по личным драматическим обстоятельствам.

Впервые эта версия была выдвинута в рецензии на сочинение великого князя Николая Михайловича "Императрица Елизавета Алексеевна, супруга императора Александра I" (1909), написанной историком Е.С. Шумигорским. Он, в частности, пишет:

"Что касается до молчальницы Веры в Новгородском Сырковом монастыре, то ее имя уже известно: это Вера Александровна Буткевич, дочь генерал-майора павловских времен, шефа Белозерского пехотного полка".

Ее отцом был генерал Александр Дмитриевич Буткевич, а матерью — Анна Ивановна фон Моллер, его вторая жена. Имение Буткевичей, Милохово, находилось в окрестностях Новгорода, возле села Колома. Отец будущей монахини служил под начальством А.В. Суворова. Со своей женой он развелся со скандалом (брак погубила взаимная ревность), бросив ее с двумя дочерьми практически на произвол судьбы. Генерал признал только сына Алексея, но он вскоре умер. На девочках испытанное потрясение сказалось крайне тяжело. Старшая закончила жизнь в одном из монастырей, а вот судьба младшей осталась неизвестной.

Историк К.В. Кудряшов пишет, что после смерти матери младшая дочь, Вера Александровна, "ожидая изгнания из дома, сама из него скрылась неизвестно куда". По мнению этого ав-гора, она стала жить в лесу в Валдайском уезде, в совершение уединенной келье, вдали от всякого жилья. Когда к ней вошли и потребовали документы, она на расспросы отвечать отказалась, но написала, что наложила на себя обет молчания. Ее доставили в Новгород и назвали сумасшедшей. Потом ее определили в Сырков монастырь. И именно ей якобы покровительствовала графиня Орлова-Чсменская.

К.В. Кудряшов уверен:

"Загадочная монахиня, жившая в Сырковом монастыре, была Вера Александровна Буткевич, действительно принадлежавшая к богатой аристократической семье. Любопытно, что представителям этого рода вообще была свойствен па склонность к религиозному мистицизму, многие из них кончали свои дни в монастыре или лавре <…>. С раскрытием "тайны" происхождения Веры Молчальницы отпадает, конечно, всякая возможность отождествления с нею Елизаветы Алексеевны, а следовательно, и почва для легенды".

Как говорится, не факт. В Вере Молчальнице, например, видели еще и некую побочную дочь императора Александра I… А

также великую княгиню Анну Федоровну (супругу Константина Павловича, с которой он развелся в 1820 году)… А также побочную дочь императора Павла I от его фаворитки Анны Петровны Лопухиной… Последнее предположение, кстати, сделал граф М.В. Толстой, посетивший Веру Молчальницу в 1860 году.

Истина тут, скорее всего, никогда не будет установлена.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В чем только не упрекали Александра I: и в непоследовательности, и в двоедушии, и в склонности преждевременно опускать руки…

Историк В.О. Ключевский констатирует:

"Александр вступил на престол с запасом возвышенных и доброжелательных стремлений, которые должны были водворять свободу и благоденствие в управляемом народе, но не давал отчета, как это сделать. Эта свобода и благоденствие, так ему казалось, должны были водвориться сразу, сами собой, без труда и препятствий, каким-то волшебным "вдруг". Разумеется, при первом же опыте встретились препятствия".

К сожалению, Александр не умел преодолевать препятствия и легко приходил в уныние. А после 1814 года, когда с Наполеоном было покончено и закончились бури военных лет, мобилизовывавшие его, он весь как-то сник. В результате его преобразования пошли как бы с неохотой. По мнению историка С.П. Мельгунова, "Александр разочаровался в своих прежних политических идеалах". А еще он разочаровался в своих "молодых друзьях", убедившись в их непрактичности и прожектерском характере их реформаторских порывов. И как следствие он отказался от той программы, которая была так громко провозглашена в начале его царствования. Это и понятно, ведь реформаторские неудачи всегда вызывают раздражение, скептическое отношение ко всему новому, а в случае с таким человеком, как Александр, они провоцируют еще и нравственное уныние, которое завлекает в сети ухищренного мистицизма.

В последние годы своего царствования Александр оказался словно в западне, ведь разочаровался не только он, но и в нем, причем в нем разочаровались как левые, так и правые, как реакционные, так и либеральные круги русского общества.

А объективная причина тут одна: на самом деле Александр решился вводить новые государственные учреждения раньше, чем для того были созданы соответствующие гражданские отношения. Или главную проблему можно сформулировать так: Александр захотел построить либеральное государство из людей, половина которых находилась в настоящем рабстве.

Историк С.П. Мельгунов отмечает:

"Россия оказалась неподготовленной к осуществлению благожелательных начинаний императора, и он охладевает к задачам внутренней политики. Он "удаляется от дел"".

По сути, он был обречен, и в этом заключалась не его вина, а

его беда. Но безжалостные люди не простили ему этого. Да, впрочем, он и сам себе этого не простил. И разлад начался не только в обществе, но и в нем самом. А дальше все было так, как пишет В.О. Ключевский: "По привычкам, усвоенным еще в масонстве XVIII века, это недовольство, укоренившееся в высших, образованных кругах русского общества, повело к образованию тайных обществ, а тайные общества привели к катастрофе 1825 года".

И все же Александр I из императорского дома Романовых был великим императором. Он правил в России с 12 (24) марта 1801 года по 19 ноября (1 декабря) 1825 года.

Масштабность и загадочность личности Александра поражают, а история его царствования обильна великими и грозными событиями, каких прежде не случалось и в целые столетия.

Об Александре написано очень много, и еще больше будет написано в годы 200-летия исторических побед России в 1812–1814 гг. Некоторые авторы идеализируют его, отмечая либерализм и реформаторство этого императора, некоторые, напротив, подчеркивают его консервативные и даже реакционные черты. А вот кого-то, и это тоже можно понять, гораздо больше интересует легенда об уходе Александра с политической сцены и "превращении" его в старца Федора Кузьмича.

Александр I был полон противоречий. С одной стороны, он был одним из самых ярких представителей самодержавной власти, с другой — рефлексирующим мистиком, с третьей — гуманистом. Управляя одной из самых отсталых стран в Европе, он сумел одержать поистине великие победы, уничтожить самого Наполеона. Он стал кумиром армии и всего народа, его боялись и уважали в Европе. Но и он же так практически и не довел до конца ни одной из своих реформ. Он широко распахнул двери в Европу, при нем в России начала зарождаться буржуазия. Но и он же делал дела по-варварски, импульсивно, все контролируя и ограничивая. При нем Россия стала великой мировой державой, он был не просто участником большой европейской политики, но ее лидером. Но и он же нередко вел себя хуже самого банального самодура.

Французский писатель и дипломат Франсуа-Рене де Шатобриан недаром говорил, что "искренний, как человек, Александр был изворотлив, как грек, в области политики". Да он и не мог быть другим, ибо, как отмечает историк В.О. Ключевский, "Александру вечно приходилось вращаться между двумя противоположными течениями, из коих ни одно не было

ему попутным, стоять между двумя противоречиями, подвергаясь опасности стать третьим, попасть в разлад с самим собой <...>. Такие условия не могли выработать открытого характера".

ИНТЕРЕСНЫЕ ОЦЕНКИ СОВРЕМЕННИКОВ И ИСТОРИКОВ

Без всякого сомнения, необычный характер Александра I делает его одним из самых важных персонажей в истории XIX века. При этом разброс мнений о нем чрезвычайно широк. Например, Наполеон, уже находясь на острове Святой Елены, говорил о нем так:

"Это, несомненно, самый способный из всех царствующих монархов".

А еще он считал его "северным Тальма", актером, который способен был играть любую заметную роль. Впрочем, Наполеон и сам был актером, с той только разницей, что "актерство" Александра находилось в тесной связи с главными недостатками его характера — мнительностью и слабостью воли. Да и роли его были в основном не русского, а западного репертуара, да и разыгрывались они главным образом перед западной публикой

Кстати сказать, многие современники называли Александра "актером на троне", а А.С. Пушкин в своем стихотворении "К бюсту завоевателя" написал о нем так:

Напрасно видишь тут ошибку:
Рука искусства навела
На мрамор этих уст улыбку,
А гнев на хладный лоск чела.
Недаром лик сей двуязычен.
Таков и был сей властелин:
К противочувствиям привычен,
В лице и в жизни — Арлекин.

И слово "Арлекин" употреблено тут не случайно. Арлекин — это не просто шут, это одна из масок итальянской комедии дель арте, веселая и наивная, не очень ловкая и неизменно вызывающая сочувствие.

Историк Н.И. Ульянов:

"Вряд ли будет ошибкой сказать, что все обличья, которые попеременно надевал на себя этот человек в продолжение своего царствования, были театральными масками. Подобно тому как отдельным людям он стремился говорить то, что им было приятно, так и перед всем миром любил предстать в том одеянии,

которое было модно".

Историк С.П. Мельгунов:

"В жизни Александр всегда, как на сцене. Он постоянно принимает ту или иную позу. Но быть в жизни актером слишком трудно. При всей сдержанности природные наклонности должны были проявляться. Не этим ли следует объяснять отчасти и противоречия у Александра? Понятно, что при таких условиях Александр производил самое различное впечатление на современников. Их отзывы донельзя противоречивы. Правда, показания современников очень субъективны, далеко не всегда им можно безусловно доверять".

Многие современники, с детства знавшие будущего царя, отмечали противоречивость его характера: человек умный и образованный, он в то же самое время боялся государственных забот, которые казались ему непосильными. Не случайно А.И. Герцен использует для характеристики Александра образ Гамлета: "Коронованный Гамлет, он был поистине несчастен".

Это определение весьма метко, если иметь в виду его нравственные переживания. Но, в отличие от принца датского, Александр умел проявить и твердость, и гибкость, а порой и изощренную хитрость.

Историк А.З. Манфред в своей блестящей книге о Наполеоне пишет об Александре:

"Ученик Лагарпа, легко усвоивший неопределенно "вольнолюбивую" фразеологию XVIII века, гибкий, превосходный актер, скрывавший под привлекательным прямодушием коварство, Александр I был и расчетливей и жестче, чем он представлялся современникам".

Тот же Наполеон отзывался о нем так:

"Александр умен, приятен, образован. Но ему нельзя доверять. Он неискренен. Это истинный византиец, тонкий притворщик, хитрец".

Австрийский дипломат Клеменс фон Меттерних еще более безжалостен к Александру:

"Не Россия нас ведет, а мы ведем за собой императора Александра, воздействуя на него простейшими доводами. Он нуждается в советах и растерял всех своих советников <…>. Не доверяет ни своей армии, ни министрам, ни дворянству, не доверяет своему народу".

И еще одна его оценка:

"Переходя от культа к культу, от одной религии к другой, он

все расшатал, но ничего не построил. Все было в нем поверхностно, ничто не затрагивало его глубоко".

Граф де Ля Ферроннэ (посол Франции в России в 1820–1827 гг.):

"Я всякий день все более и более затрудняюсь понять и узнать характер императора Александра. Едва ли кто может говорить с большим, чем он, тоном искренности и правдивости <…>. Между тем частые опыты, история его жизни, все то, чему я ежедневный свидетель, не позволяют ничему этому вполне доверяться <…>. Самые существенные свойства его — тщеславие и хитрость или притворство; если бы надеть на него женское платье, он мог бы представить тонкую женщину".

Многие также отмечали, что в хитрости царя было что-то женское. Недаром шведский посол в Париже того времени граф Густав Лагербиелке говорил, что "в политике Александр тонок, как кончик булавки, остер, как бритва, и фальшив, как пена морская".

А вот в России XIX века Александра называли "царственным мистиком." и "загадочным Сфинксом".

Поэт П.А. Вяземский писал о нем в сентябре 1868 года:

Сфинкс, не разгаданный до гроба, —
О нем и ныне спорят вновь;
В любви его роптала злоба,
А в злобе теплилась любовь.
Дитя осьмнадцатого века,
Его страстей он жертвой был:
И презирал он человека,
И человечество любил.

Сфинкс, не разгаданный до гроба… Так назвал императора Александра I один из наиболее проницательных мемуаристов прошлого века. И ведь точно — внутренний мир этого царя был наглухо закрыт для посторонних.

Французский писатель Анри Труайя (он же Лев Тарасов, родившийся в 1911 году в Москве) характеризует Александра так:

"При вступлении на трон он был окружен благоговейным обожанием подданных, но не оправдал ничьих надежд, не проведя в жизнь ни одной из обещанных стране либеральных реформ. Новый прилив народной любви окружил его после победы над Наполеоном, но, вернувшись в Россию из заграничных

походов, он снова предал доверие нации, превратившись в самодержавного властелина. Якобы просвещенный Господом, он стал вдохновителем репрессий как в России, так и в Европе. То и дело взывая к христианскому милосердию, он создал в Европе Священный союз, а в России — каторгу военных поселений <…>.

Его называли "Северный Сфинкс", "коронованный Сфинкс", "Сфинкс, не разгаданный до гроба". Знал ли он сам, кем был? Не в том ли его трагедия, что, постоянно мечтая делать добро, он был неспособен его творить? Да, на протяжении всего своего земного пути он страшился дела, которое желал бы совершить. Опасаясь беспорядка, который неизбежно вызывает любое нововведение, он чаше всего останавливался на полдороге. Два шага вперед — три назад".

Два шага вперед — три назад? Русский издатель и публицист Н.И. Греч с этим категорически не согласен. Он пишет:

"Нет ни одной отрасли государственного управления, которая не была бы преобразована, исправлена, дополнена в его царствование; многие части созданы им совершенно".

А вот мнение прекрасно знавшего Александра М. М. Сперанского:

"Все, что он ни делает, он делает наполовину. Он слишком слаб, чтобы управлять, и слишком силен, чтобы быть управляемым".

Но, вполне возможно, что это все выдумал министр полиции А.Д. Балашов, что он просто приписал эти слова Сперанскому.

Курт фон Стединг (шведский генерал-фельдмаршал):

"Если его трудно было в чем-нибудь убедить, то еще труднее заставить отказаться от мысли, которая однажды в нем превозобладала!"

Великий князь Николай Михайлович (внук Николая I):

"Александр многое усвоил, так как был восприимчив, но усвоил поверхностно, не вдумываясь в суть дела и не стараясь понять духа русского человека. Поэтому его решения были торопливы и необдуманны, недоставало прочного фундамента".

Конечно же Александра не украшала его мнительность, помноженная на подозрительность, которая порой граничила с психическим расстройством. Его вечно одолевал комплекс неполноценности, он постоянно размышлял о некоем мистическом смысле убийства своего отца.

Анри Труайя совершенно верно подмечает:

"Александр убежден, что именно его постигла Божья кара. Каждый раз, когда судьба ополчается против него, в его сознании возникает образ отца. Александр чувствует, что отцеубийство отравляет его самые чистые помыслы, самые благородные действия. Даже победа над Наполеоном, которая должна бы принести ему непреходящую благодарность подданных, обернулась в некотором роде против него. Что бы он ни предпринимал, он не был ни понят, ни любим своим народом".

Александра бесконечно утомляли все эти, по его мнению, несправедливые упреки. Он пытался избавиться от этого, самоутверждаясь то как политик, то как полководец. Естественно, особенно трудно было ему сравнивать себя с личностью Наполеона, которого он одновременно и боготворил, и ненавидел. Тем радостнее для него были победы в походах против этого гениального военачальника. Однажды в победоносном 1814 году, проезжая сквозь ряды своих войск, отдававших ему честь, он сказал генералу А.П. Ермолову:

— В России все почитают меня весьма ограниченным и неспособным человеком; теперь они узнают, что у меня в голове есть что-нибудь.

Кстати, эти же слова он потом повторил спустя два месяца, когда союзные армии вступили в Париж.

Но в решительные минуты истории российской Александр умел быть честным и благородным. Например, в день Аустерлицкого сражения он не стал винить в поражении М.И. Кутузова, хотя именно тот непосредственно руководил боевыми действиями. Перед сражением он лишь спросил:

— Ну что, как вы полагаете, дело пойдет хорошо?

На это хитрый Кутузов ответил:

— Кто может сомневаться в победе под предводительством Вашего Величества!

Александр нахмурился:

— Нет, вы командуете здесь, а я — только зритель.

На это Кутузов лишь покорно склонил голову

Впоследствии, вспоминая об этом кошмарном сражении,

Александр писал: "Я был молод и неопытен. Кутузов говорил мне, что нам надо было действовать иначе, но ему следовало быть в своих мнениях настойчивее". После этого, кстати, Александр стал весьма холодно относиться к Кутузову: он так и не смог забыть о позоре Аустерлица, он так и не смог простить опытного полководца, который, ничего не предприняв, стал немым свидетелем главного в его жизни военного унижения.

А вот еще несколько оценок Александра со стороны его

современников.

Генерал С.А. Тучков 2-й:

"Природные свойства человека, какою бы личиною ни старался он их покрывать, рано или поздно появляются. Еще при самом вступлении его на престол из некоторых его поступков виден был дух неограниченного самовластия, хмщения, злопамятности, недоверчивости, непостоянства в общениях, обманов и желание наказывать выше законов. Но таковые его поступки оказывал он наиболее против одних военных людей. К тому же старался он сколько можно менее оные делать известными, и знали о них только те, которые терпели, и свидетели их несчастья. Поэтому-то и почитали многие его достойным воспитанником славного Лагарпа, покровителем просвещения и права человечества. Но потом все узнали свою ошибку".

Генерал М.И. Богданович (военный историк):

"Ежели справедливо, что характер человека слагается и изменяется во все продолжение жизни под влиянием окружающей его среды, то эта истина может примениться более, нежели когда-либо, к необыкновенно впечатлительному Александру. Мы видим его в юности недоверчивым к самому себе, мечтающим об отречении от власти и величия, о мирном убежище на берегах Рейна. Через несколько лет, при восшествии на престол, он является твердо намеренным идти по следам Великой Екатерины, и эту решимость — следствие не мимолетной вспышки, а глубокого убеждения — видим на самом деле: в уважении к закону, в облегчении участи страждущих, во внимании монарха к человеческому достоинству. Затем, не найдя в современном обществе участия своим благим помыслам, принужденный вести многолетние войны, не успевая зорко следить за делами внутреннего управления, он убеждается на опыте, что наилучшие уставы достигают своего назначения только тогда, когда их святыня охраняется нравами. В продолжение первых отлучек за границу императора Александра лихоимство и казнокрадство достигли чудовищных размеров, и сам государь, видя несостоятельность своих усилий, как будто бы отчаивается достичь предположенной им цели. Отечественная война снова возбуждает всю его энергию: он во главе русского народа отражает Европу, ведомую Наполеоном, старается залечить раны России, освобождает Германию, покоряет благодушием сердца врагов побежденных его оружием; его голос господствует на царственных ареопагах. Но вслед за тем он отказывается от

прежних своих убеждений и вместо того, чтобы вести народы к высокой цели истинного прогресса, ограничивает свою деятельность ревнивым охранением их неподвижности. Таковы главные фазисы неуловимого Протея[15], которого характер соединял в себе резко противоположные качества: христианское смирение и величавость, беспечность и кипучую деятельность, доброту и упорство мнений на счет людей, подвергавшихся его неудовольствию. Но при всех изменениях его характера господствующей чертой в нем было необыкновенное искусство обращения со всеми, умение привлекать к себе сердца всех, с кем доводилось ему иметь дело".

В поздних произведениях А.С. Пушкина оценки Александра, как правило, резко отрицательны. Например, просто убийственная характеристика дана ему в романе в стихах "Евгений Онегин":

Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.

Но, пожалуй, больше всего недооценка Александра шла при его сравнении с Наполеоном.

Историк В.О. Ключевский пишет об Александре:

"Он был человек более восприимчивый, чем деятельный <…>. Притом это было лицо историческое, действительное, не художественный образ <…>. Может быть, следя за воспитанием Александра I и кладкой его характера, мы кое-что уясним себе в вопросе, каким образом европейским миром поочередно могли распоряжаться такие контрасты, как Наполеон, игравши"! в реакционном эпилоге революции роль хохочущего Мефистофеля, и то г же Александр, которому досталось амплуа романтически-мечтательного и байронически-разочарованного Гамлета".

Историк Н.И. Ульянов:

"В успехе Александра его актерский талант сыграл, примерно, такую же роль, какую военный гений — в возвышении Бонапарта. Но надо ли пояснять разницу между двумя этими словами? Сейчас <…> подвиг Александра выглядит пиротехническим эффектом, пустой вспышкой. Он не сделал свою страну более великой, чем она была, и даже не указал ей истинного пути к величию. За разыгранной им феерией кроется историческая трагедия России".

Великий князь Николай Михайлович (внук Николая I):

"Как правитель громадного государства, благодаря гениальности сперва его союзника, а потом врага, Наполеона, он навсегда займет особое положение в истории Европы начала XIX столетия, получив и от мнимой дружбы и от соперничества с Наполеоном то наитие, которое составляет необходимый атрибут великого монарха. Его облик стал как бы дополнением образа Наполеона <…>. Гениальность Наполеона отразилась, как на воде, на нем и придала ему то значение, которого он не имел бы, не будь этого отражения".

Французский писатель и дипломат Франсуа-Рене де Шатобриан характеризует Александра так:

"Какими бы высокими ни были достоинства царя, они в конечном счете были пагубны для его империи <…>. Он посеял там зерна цивилизации и сам же их затоптал. Население, сбитое с толку противоположными требованиями, не понимало, чего от него хотят: просвещенности или невежества, слепого повиновения царской воле или соблюдения законов, стремления к свободе или пребывания в рабстве <…>. Он был слишком сильным, чтобы стать законченным деспотом, и слишком слабым, чтобы установить свободу".

Друг молодости, Адам Чарторыйский, отмечает:

"Александр не обладал умением властвовать над умами, увлекать и наполнять довольством тех, которых он желал привлечь к себе. Ему недоставало этой способности, столь необходимой монархам".

Он же делает вывод:

"Александр <…> представлялся мне растением с тянущимся ввысь стволом, которое посадили в сухую, бесплодную почву, обрезав его молодые и обильные побеги, вследствие чего оно стало давать лишь слабые веточки и в конце концов должно совершенно погибнуть, в силу неблагоприятных для его роста условий".

А вот вывод Шатобриана:

"У императора России были сильная душа и слабый характер".

Историк В.О. Ключевский объясняет проблемы Александра следующим образом:

"Александр стоял на рубеже двух веков, резко между собой различавшихся. XVIII столетие было веком свободных идей, разрешившихся крупнейшею революцией. XIX век, по крайней мере в первой своей половине, был эпохой реакций, разрешавшихся торжеством свободных идей. Эти переливы

настроений должны были создавать своеобразные типы <…>. Император Александр I сам по себе, не по общественному положению, по своему природному качеству был человеком средней величины, не выше и не ниже общего уровня. Ему пришлось испытать на себе влияние обоих веков, так недружелюбно встретившихся и разошедшихся".

И все же историк Н.А. Троицкий встает на защиту Александра:

"Масштаб личности Александра и отечественные, и зарубежные историки за редким исключением <…> оценивают невысоко — в диапазоне от насмешливых пушкинских характеристик ("властитель слабый и лукавый", "в нем много от прапорщика и немного от Петра Великого") до более спокойных определений В.О. Ключевского ("человек средней величины, не выше и не ниже общего уровня") и А.К. Дживелегова ("человек, едва возвышающийся над средним уровнем"). Думается, весь этот ряд оценок занижен, и судить об Александре надо целой октавой выше, как это сделал А.З. Манфред в книге о Наполеоне".

И вот она — та самая оценка историка А.З, Манфреда:

"В нашей стране давно уже <…> стало традицией смотреть на Александра I глазами Пушкина:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу,
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу.

Эти чувства великого поэта к царю разделялись многими <… >. Для поколения Пушкина и декабристов царь Александр был первым врагом.

Позже Лев Толстой в романе "Война и мир" <.. > продолжил развенчание Александра I. Портрет, воссозданный на страницах знаменитой эпопеи гениальным пером, дискредитировал царя прежде всего эстетически и этически: он представал перед читателями тщеславным, слабым и лживым человеком, позером и мелким себялюбцем <…>.

Александр претендовал на роль военного руководителя и, вероятно, мечтал о военной славе. Кампании 1805 и 1807 годов показали, что у него нет к тому данных; его пребывание в армии приносило ей ущерб. Но в политической сфере и еще уже — в области дипломатии — он оказался на высоте задач <…>.

Среди монархов династии Романовых, не считая особняком стоявшего Петра I, Александр I был, по-видимому, самым умным и умелым политиком. И среди монархов начала девятнадцатого

столетия он тоже был, вероятно, наиболее современным, во всяком случае, более умным и ловким политиком, чем Фридрих-Вильгельм Прусский или австрийский император Франц".

Историк К.В. Кудряшов:

" При всем разнообразии отзывов почти все они совпадают в признании скрытности и неискренности одной из основных черт Александра. Эти особенности развиты были условиями придворной жизни, среди которых протекала его юность. Любимый внук Екатерины, не чаявшей души в "господине Александре", осыпавшей его благодеяниями и прочившей, минуя Павла, в наследники трона, — он в нежных выражениях благодарит дорогую бабушку за все то, что она делала ему и что "еще намерена сделать" в будущем. В то же время, не желая восстановить против себя отца, он пишет ему самые почтительные сыновьи письма, выражая полнейшую покорность и преданность его воле. С одной стороны на великого князя влиял блестящий Екатерининский двор с его знаменитыми вечерами в Эрмитаже, где он вращался в кругу выдающихся государственных лиц, пышных придворных, слышал утонченную дипломатическую речь, смотрел новейшие французские пьесы. Противоположные впечатления накладывал малый Гатчинский двор с его суровой казарменной обстановкой, с утомительными военными парадами и вспыльчивым подозрительным Павлом во главе. Эта двойственность влияния очень рано приучила юного великого князя скрывать свои истинные чувства, заставила иметь два "лица" и развила то "двоедушие", которое отмечают современники.

Вместе с тем Александру свойственны были сентиментальность и романтизм эпохи, привитые воспитанием, ранним знакомством с философией Запада, Руссо и энциклопедистами. Внушаемое этой философией представление о тягостном бремени власти рано вызывает в нем мечту уйти от "этого трудного поприща" и уединиться с женой где-нибудь "на берегах Рейна", чтобы "жить спокойно, частным человеком, наслаждаясь своим счастьем в кругу друзей и в изучении природы". Но, развивая мысль и чувство, воспитание оставляло в бездеятельности волю, не упражняя привычки к самостоятельному труду и активному усилию. Александр остался слабоволен. Между тем русская жизнь требовала от правителя не сентиментальной романтики, а живой, деятельной любви и неустанного труда. Легко понять, к каким последствиям и душевной катастрофе могло привести столкновение подобного мировоззрения с реальной русской действительностью, с ее

косностью и крепостным укладом. Одушевляемый благими идеями, Александр легко увлекался проектами государственного преобразования, но, неспособный преодолевать житейские затруднения, он при первой же неудаче опускал руки, терял веру в начатое дело, в русский народ, начинал презирать все русское и испытывал состояние той разочарованности и меланхолии, которые так характеризуют последний период его жизни.

Эта меланхолия, казавшаяся загадочной, неискренность, облеченная в форму утонченной вежливости, обманчивая готовность соглашаться с мнением собеседника не позволяли разгадать его истинную сущность и делали для современников таинственным "очаровательным сфинксом".

В связи со всем вышеизложенным невозможно не согласиться с выводами историка С.Э. Цветкова, который пишет:

"Загадка Александра заключается не в его смерти, а в его жизни. Любимый внук Екатерины — и страстный ее порицатель; ученик Лагарпа — и друг Аракчеева; сторонник конституции — и учредитель военных поселений <…>; поклонник женщин и "обольститель" мужчин — и мрачный меланхолик, нередко поступавший "крутенько"; самолюбивый самодержец, тоскующий по частной жизни; искренний мистик, презиравший светскую суету, и в то же время щеголь, не могший равнодушно вынести сплетню, что у него фальшивые икры; большой дипломат, принесший так мало пользы России, — вот те неразрешимые противоречия, которые поставят в тупик еще не одного историка. Александр, эта моральная жертва русской истории XVIII века — века дворцовых переворотов, еще долго-долго будет оставаться для нас русским сфинксом, коронованным Гамлетом, двуликим Янусом российской власти".

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I

1777.12 (23) декабря: В Санкт-Петербурге появился на свет будущий император Александр.

1779.13 (24) января: Родилась будущая супруга Александра Луиза-Мария-Августа Баденская (в православии — Елизавета Алексеевна).

1779,27 апреля (8 мая): В Царском Селе родился брат Александра — Константин Павлович.

1789.14 июля: Началась Великая французская революция.

1792, октябрь: Будущая жена Александра прибыла в Санкт-Петербург.

1793, 28 сентября (9 октября): Состоялось бракосочетание Александра Павловича и Елизаветы Алексеевны.

1794, октябрь: Лагарпу было объявлено об отставке, спустя несколько месяцев он покинул Россию.

1796, 25 июня (6 июля): В Царском Селе родился брат Александра — Николай Павлович.

1796, 6 (17) ноября: Умерла императрица Екатерина II Великая.

1797,5(16) апреля: Произошла коронация Павла I, а его сын Александр был официально объявлен наследником престола.

1796, 7 (18) ноября: Александр был назначен полковником лейб-гвардии Семеновского полка.

1798,1(12) января: Александр стал председателем Военного департамента.

1799, 18 (29) мая: У Александра родилась дочь Мария.

1800, 27 июля (8 августа): Умерла дочь Александра Мария.

1801, 12 (24) марта: В результате дворцового заговора был убит император Павел I.

1801, 5 (17) апреля: Был создан "Непременный совет".

1801, 15 (27) сентября: Произошла коронация Александра и его супруги Елизаветы Алексеевны.

1801, 26 сентября (8 октября): Был подписан мирный договор России с Францией.

1802: Начался многолетний роман Александра с Марией Антоновной Нарышкиной.

1802, 8 (20) сентября: Началось крупное преобразование внутреннего центрального управления империи: вместо существовавших до этого коллегий были учреждены министерства.

1804.21 марта: По приказу Наполеона был расстрелян герцог Энгиенский. В России был объявлен траур; спустя несколько дней направили резкую ноту французскому правительству.

1804,6 (18) мая: Наполеон был провозглашен императором французов.

1805, 9 (21) сентября: Была оформлена антифранцузская коалиция, и Александр отбыл в действующую армию. Хотя командующим являлся М.И. Кутузов, фактически главную роль в принятии решений стал играть император.

1805, 6 (18) ноября: Вопреки уговорам своего окружения, Александр лично явился на театр военных действий.

1805, 20 ноября (2 декабря): Произошло сражение между французскими и русско-австрийскими войсками близ Аустерлица, в котором союзники потерпели сокрушительное поражение.

1805.22 ноября (4 декабря): Было заключено перемирие, по которому русские войска должны были покинуть австрийскую территорию.

1806, 3 (15) ноября: У Александра родилась дочь Елизавета.

1806, 8 (20) июня: В Париже был подписан русско-французский мирный трактат, который Александр отказался ратифицировать.

1806, сентябрь: Пруссия начала войну против Франции.

1806, 16 (28) ноября: Александр объявил о выступлении России против Франции.

1806, 14 (26) декабря: Произошло сражение с наполеоновской армией под Пултуском.

1807,5 (17) апреля: Александр прибыл в Главную квартиру генерала Л.Л. Беннигсена.

1807, 26–27 января (7–8 февраля): Произошло сражение с наполеоновской армией при Прейсиш-Эйлау.

1807,2 (14) июня: Русская армия потерпела поражение при Фридланде.

1807, 25 июня (7 июля): Александр вынужден был заключить с Францией Тильзитский мир, по условиям которого он признал территориальные изменения в Европе, согласился на создание Великого герцогства Варшавского и присоединение к Континентальной блокаде Англии. Отдельный акт оформил наступательный и оборонительный русско-французский союз.

1807, 25 октября (6 ноября): Александр объявил о разрыве торговых отношений с Англией.

1808, 9 (21) февраля: Россия объявила войну Швеции, и русские войска вторглись на территорию Финляндии, бывшей тогда провинцией Шведского королевства.

1808, 30 апреля (12 мая): Умерла дочь Александра Елизавета.

1808, 15 (27) сентября: Александр встретился с Наполеоном в Эрфурте, и результатом этой встречи стало подписание союзного договора между императорами, который, однако, впоследствии не соблюдался.

1809,5(17) сентября: Был заключен Фридрихсгамский мир со Швецией, в результате чего Финляндия отошла к России на правах Великого княжества.

1809,14 октября: Был заключен Венский мир между Францией и Австрией, что закончило войну и завершило существование Пятой коалиции.

1810, 1 (13) января: Состоялось первое заседание Государственного совета, заменившего "Непременный совет".

1811, 15 (27) сентября: Был освящен Казанский собор в Санкт-Петербурге.

1811,19 (31) октября: В присутствии Александра 1 с семьей был торжественно открыт Царскосельский лицей.

1812,17 (29) марта: Александр отправил своего ближайшего советника М.М. Сперанского в отставку в 1812.

9 (21) апреля: Александр выехал из Санкт-Петербурга к армии.

1812,14 (26) апреля: Александр прибыл в Вильно в главную квартиру 1-й Западной армии.

1812,16 (28) мая: Победы русских войск и дипломатическое искусство М.И. Кутузова привели к Бухарестскому миру, который прекратил затянувшуюся войну с Турцией и обеспечил России безопасность ее южных рубежей.

1812, 12 (24) июня: Великая армия Наполеона перешла Неман.

1812, 13 (25) июня: Александр объявил войскам о начале войны.

1812,7 (19) июля: Александр покинул 1-ю Западную армию и отбыл в Москву, не назначив единого главнокомандующего русскими армиями.

1812, 17 (29) августа: Александр утвердил М.И. Кутузова в качестве главнокомандующего "всех российских армий, употребленных против Наполеона".

1812, 26 августа (7 сентября): Произошло Бородинское сражение.

1812, 2 (14) сентября: Русские войска по приказу М.И. Кутузова оставили Москву.

1812,12 (24) октября: Произошло сражение при Малоярославце.

1812,2(14) ноября: Наполеон, отступая из Москвы, оставил Смоленск.

1812, 14–17 (26–29) ноября: Остаткам армии Наполеона удалось переправиться через Березину.

1812,10 (22) декабря: Александр вновь прибыл в действующую армию.

1812, 25 декабря (6 января 1813 года): Александр обнародовал манифест с благодарностью за освобождение России от наполеоновского нашествия.

1813, 24 января (5 февраля): Александр и М.И. Кутузов прибыли в Плоцк.

1813,2 (14) апреля: Александр перешел на левый берег Одера и встретился с королем Пруссии.

1813.16 (28) апреля: В Бунцлау скончался М.И. Кутузов, и Александр назначил командующим союзными армиями генерала П.Х. Витгенштейна.

1813, 22 апреля (4 мая): Александр прибыл в Дрезден.

1813, 8–9 (20–21) мая: Произошло сражение при Баудене.

1813.17 (29) мая: Александр вверил М.Б. Барклаю-де-Толли начальство над всеми союзными русско-прусскими войсками вместо графа Витгенштейна.

1813, 14–15 (26–27) августа: Произошло сражение под Дрезденом.

1813, 17–18 (29–30) августа: Произошло сражение под Кульмом.

1813,19 (31) августа: Александр предложил королю Баварскому присоединиться к союзникам.

1813,3–4 (15–16) октября: Наполеон потерпел поражение в Битве народов при Лейпциге.

1813, 24 октября (5 ноября): Александр прибыл во Франкфурт.

1814, 21 января (2 февраля): Александр и король Пруссии прибыли в Бар-сюр-Об. Война перешла на территорию Франции.

1814, 19 (31) марта: Во главе союзных войск Александр вступил в Париж.

1814, 8 (20) апреля: Наполеон был отправлен на остров Эльба.

1814.18 (30) мая: Между Францией и союзными державами был подписан Парижский мирный договор. После заключения мира Александр побывал в Лондоне.

1814,21 сентября (4 октября): Открылся Венский конгресс для послевоенного обустройства Европы, на котором Александр был одним из руководителей.

1815,14 (26) февраля: Наполеон бежал с острова Эльба.

1815, 8 (20) марта: Не встретив сопротивления, Наполеон вступил в Париж.

1815.13 (25) мая: Александр вновь выехал к армии.

1815, 6 (18) июня: Наполеон был разбит в сражении при Ватерлоо.

1815, 10 (22) июня: Наполеон вторично отрекся от престола.

1815,29 июня (11 июля): Опередив свои войска, Александр вновь вступил в Париж.

1815.14 (26) сентября: Александр, король Пруссии Фридрих-Вильгельм III и император Австрии Франц I подписали в Париже акт о создании Священного союза для помощи друг другу в сохранении новых европейских границ (в ноябре 1815 года к Союзу присоединился король Франции Людовик XVIII, а затем и руководители большинства стран Европы).

1815.8 (20) ноября: Был подписан Второй Парижский мирный договор между участниками Седьмой антифранцузской коалиции и Францией, в которой вторично была восстановлена власть Бурбонов.

1815, 15 (27) ноября: В Варшаве Александр подписал Конституцию Польши. Польша была включена в состав Российской империи на особых правах.

1816, 1 (13) января: Александр обнародовал манифест о благополучном окончании войны против Франции.

1817, сентябрь: Александр в сопровождении М.Б. Барклая-де-Толли предпринял путешествие по стране с инспекционными целями.

1818, сентябрь — ноябрь: Работал Аахенский конгресс Священного союза.

1820.8 (20) марта: Был официально расторгнут брак великого князя Константина Павловича с великой княгиней Анной Федоровной. Спустя полтора месяца Константин вступил в морганатический брак с графиней Иоанной (Жанеттой) Грудзинской.

1820, март: Началась революция в Испании.

1820, октябрь: Имел место бунт в лейб-гвардии Семеновском полку.

1821, январь — май: Работал Лайбахский конгресс Священного союза.

1821, 25 марта: Началась война за независимость Греции.

1821, 23 апреля (5 мая): На острове Святой Елены умер Наполеон.

1822,1(13) августа: Александр издал рескрипт о запрещении тайных обществ и масонских лож в России.

1822, октябрь — декабрь: Работал Веронский конгресс Священного союза.

1823,16 (28) августа: Александр издал секретный манифест, в

котором принял отречение своего брата Константина от престолонаследия и назначил младшего брата, Николая Павловича, законным наследником.

1824, 18 июня: Умерла Софья Нарышкина, считающаяся дочерью Александра.

1824, 7 (19) ноября: Произошло страшное наводнение в Санкт-Петербурге.

1825,3 (15) сентября: Императрица прибыла в Таганрог.

1825, октябрь: Александр внезапно заболел.

1825,19 ноября (1 декабря): Александр умер в Таганроге.

1825,14 (26) декабря: В Санкт-Петербурге имела место попытка государственного переворота (восстание декабристов).

1826, 8 февраля (11 марта): Траурная процессия с телом Александра прибыла в Санкт-Петербург, при въезде в Царское Село ее встретил Николай Павлович.

1826,4(16) мая: Умерла супруга Александра Елизавета Алексеевна. Она была погребена рядом с мужем в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге.

1826, 22 августа (3 сентября): В Москве был коронован Николай I.

1836, сентябрь: В Пермской губернии объявился некий странный человек по имени Федор Кузьмич, он был арестован и сослан в Сибирь.

1864, 20 января (1 февраля): В Томске умер старец Федор Кузьмич.

ИСПОЛЬЗОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Архангельский А.Н. Александр Первый. ЖЗЛ. М., 2005.

Балязин В.Н. Неофициальная история России. Тайная жизнь Александра I. М., 2007.

Балязин В.Н. Тайны дома Романовых. М., 2005.

Бартенев П.И. Девятнадцатый век. Исторический сборник. Том 1. СПб., 1872.

Башилов Борис (Юркевич Б.П.). Александр Первый и его время // История русского масонства. Т. 5. (http: //rus-sky.com/ histoty/ library/alexandr.htm).

Безотосный В.М. Разведка и планы сторон в 1812 году. М., 2005.

Богданович ММ. История царствования императора Александра I и России в его время. СПб., 1869–1871. В 6 т.

Богданович ММ. История отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. I. СПб., 1859. В 2 т.

Брачев В.С. Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб., 2000.

Булгарин Ф.В. Воспоминания. М., 2001.

Валишевский Казимир. Александр I. История царствования (перевод с французского). СПб., 2011. В 3 т.

Валлоттон Анри. Александр I (перевод с французского). М… 1991.

Вандаль Альбер. Наполеон и Александр I (перевод с французского). Т. 3. М" 1995.

Васильев И.Н. Несколько громких ударов по хвосту тигра. М… 2001.

Внешняя политика России XIX и начала XX века. Т. 1. М., 1960.

Греч НМ. Биография императора Александра I. СПб., 1835.

Греч НМ. Записки о моей жизни. СПб., 1886.

Дашкова Е.Р. Записки. Письма сестер Вильмонт из России. М., 1987.

Державин Г.Р. Записки. М., 2000.

Дживелегов А.К. Александр I и Наполеон. Исторические очерки. М., 1915.

Записки Сергея Алексеевича Тучкова. СПб., 1908.

Зубов А.Б. Размышления над причинами революции в России. Царствование Александра Благословенного // Новый мир. 2006. № 7.

Зызыкин М.В. Тайна Александра I. Буэнос-Айрес, 1952. Имперский строй России в региональном измерении: XIX —

начало XX в. (отв. ред, П.И. Савельев). М., 1997.

История русской культуры: XIX век (под редакцией Н.И. Яковкиной). СПб., 2002.

История России в портретах. Т. 1. Смоленск — Брянск, 1996. *Ключевский В.О.* Русская история. Полный курс лекций. [Электронный ресурс]

Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть V. М., 1948. *Коваленская Н.Н.* Русское искусство первой половины XIX века. М., 1951.

Корф М.А. Восшествие на престол императора Николая I. СПб., 1857.

Крылов А. Прелестная Елизавета. Архивные изыскания // Новая Юность. № 3 (54). 2002.

Кудряшов К.В. Александр Первый и тайна Федора Кузьмича. СПб., 1923.

Лащук Анри. Наполеон. История всех походов и битв. 1796–1815 (перевод с французского). М., 2008.

Манфред А.З. Наполеон Бонапарт. М., 1972.

Мемуары генерала барона де Марбо (перевод с французского). М., 2005.

Мельгунов С.П. Александр I, сфинкс на троне. М., 2010. *Мельгунов С.П.* Император Александр I // Отечественная война и Русское общество. Т. И. М., 1911–1912. С.122–151.

Мемуары графини Головиной. Записки князя Голицына. М., 2000.

Мережковский Д.С. Александр Первый. М., 1998. *Михайловский-Данилевский А.И.* Описание Отечественной войны в 1812 году. СПб., 1839.

Михайловский-Данилевский А.И. Император Александр I и его сподвижники в 1812, 1813, 1814 и 1815 годах. СПб., 1845–1849. В 6 т.

Нечаев С.Ю. Александр I // Российские князья, цари, императоры. М., 2012–2013. В 2 т.

Нечаев С.Ю. Антинаполеон. М., 2010.

Нечаев С.Ю. Барклай-де-Толли. ЖЗЛ. М., 2011.

Нечаев С.Ю. Талейран. ЖЗЛ. М., 2013.

Николай Михайлович, великий князь. Император Александр I. Биография. М., 2010.

Новаковский В.И. Михаил Михайлович Сперанский // Биографические очерки Владимира Новаковского. Т. IV. СПб., 1868. *Оболенский Г.Л.* Император Павел I. М., 2000.

Попов Л.И. Великая армия в России. Погоня за миражом. Самара, 2002.

Протасов А.Я. О юности Александра I. Лейпциг, 1863.

Пчелов Е.В. Монархи России. М., 2003.

Пыпин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. Воспитание и характер Александра I // Вестник Европы. Пятый год. Книга вторая. СПб., 1870. С. 722–768.

Пыпин Л.Н. Исследования и статьи по эпохе Александра I. Репринтное издание 1916–1918 гг. СПб., 2009. В 3 т.

Романовы. Исторические портреты (под ред. А.Н. Сахарова). Т. 2. М., 1997.

Сахаров А.Н. Александр I. М., 1998.

Сахаров А.Н. Император Александр I и старец Федор Кузьмич: смерть или уход? // Мгарскiй Колоколъ (http: //vvww.mgarsky-monastery.org/kolokol.php? id = 1013)

Соловьев В.С. Судьба Пушкина // Литературная критика. М., 1990.

Соловьев С.М. Император Александр I. Политика. Дипломатия. СПб., 1877.

Суровцева Е.В. Социокультурная ситуация при Александре I (1801–1825) // Современные научные исследования и инновации. Май, 2011. [Электронный ресурс]

Сьюард Десмонд. Семья Наполеона (перевод с английского). М., 1995.

Талейран. Мемуары (перевод с французского). М., 1959.

Тарасов Д.К. Император Александр I. Последние годы царствования. По личным воспоминаниям // Русская старина. 1871. ТТ. 4, 9 и 12.1872. ТТ. 5 и 6.

Толь СД. Масонское действо. Исторический очерк о заговоре декабристов (репринтное издание 1914 года). СПб., 2009.

Троицкий НА. Александр I и Наполеон. М., 1994.

Троицкий НА. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М., 2002.

Ульянов Н.И. Александр I — император, актер, человек // Родина. № 6–7.1992.

Цветков С.Э. Александр Первый (1777–1825). М., 2005.

Чандлер Дэвид. Военные кампании Наполеона (перевод с английского). М., 1999.

Чарторижский (Чарторыйский) Адам. Мемуары (перевод с французского). М., 1998.

Чулков Г.И. Императоры. М., 2001.

Шильдер Н.К. Император Александр Первый. Его жизнь и царствование. СПб., 1897. В 4 т.

Шуазель-Гуффье Софи. Исторические мемуары об императоре Александре I и его дворе (перевод с французского). М., 1912.

Biaudet, Jean-Charles & Nicod, Frangoise. Correspondance de

Frederic-Cesar de La Harpe et Alexandre Ier. Paris, 1978–1980. — 3 vol.

Decaux, Alain. Les Grands Mysteres du passe. Paris, 1969.

Lentz, Thierry. Le congres de Vienne: une refondation de PEurope (1814–1815). Paris, 2013.

Olivier, Daria. Alexandre Ier, le prince des illusions. Paris, 1973.

Orieux, Jean. Talleyrand, ou Le sphinx incompris. Paris, 1970.

Palmer, Alan. Alexander I: Tsar of War and Peace. New York, 1974.

Rey, Marie-Pierre. Alexandre Ier. Paris, 2009.

Souvenirs du lieutenant-general comte Mathieu Dumas, de 1770 a 1836. Tome III. Paris, 1839.

Troyat, Henri. Alexandre Ier: Le Sphinx du Nord. Paris, 1981.

notes

Примечания

1

Будущий император Николай I.

2

Князь Константин-Адам Чарторыйский (1774–1860) по вступлении на престол императора Павла I был назначен бригадным генералом и адъютантом при великом князе Константине Павловиче. В 1798 году он вернулся домой к родителям, а потом, сформировав за свой счет полк, сражался с австрийцами как генерал Великого герцогства Варшавского.

3

Остзейское дворянство — совокупное название курляндского, лифляндского и эстляндского дворянства. Этнически они принадлежали в основном к прибалтийским немцам.

4

Остзейский край — немецкое название Прибалтийских губерний: Курляндской, Лифляндской и Эстляндской.

5

Так называлась нижняя степень уголовного и гражданского суда в Лифляндии.

6

Ингерманландия — историческая область на северо-западе России, которая располагалась по берегам Невы, ограничивалась Финским заливом, рекой Нарвой, Чудским озером на западе и Ладожским озером на востоке.

7

Третьей русской армией, действовавшей на Украине, командовал генерал А.П.Тормасов.

В начале войны он командовал Дунайской армией, которая потом соединилась с армией генерала А.П.Тормасова, действовавшей на Украине.

9

Фридерика-Амалия Гессен-Дармштадтская (1754–1832) была сестрой Августы-Вильгельмины Гессен-Дармштадтской, первой супруги великого князя Павла Петровича (впоследствии императора Павла I).

10

Шефом этой роты состоял сам император Александр.

11

Мартинизм — мистическая традиция, учрежденная Мартинесом де Паскуалли во Франции примерно в 1740 году, а затем развитая в различных формах и в других странах.

12

Советник Томского губернского суда, он часто бывал в доме С.Ф. Хромова.

13

М.Ф. Мельницкий опубликовал статью о Федоре Кузьмиче в журнале "Русская старина" за 1882 год. В статье говорится: "Переходя из деревни в деревню, Федор Кузьмич делал все, что только может делать хорошо воспитанный и образованный человек, поставленный в необходимость жить в массе неразвитого крестьянского населения. Он учил крестьянских детей грамоте, знакомил со Священным Писанием, с географией и историей. И во всем этом не было ничего тенденциозного, преувеличенного <...>. Взрослых он увлекал религиозными беседами, занимательными рассказами из событий отечественной истории, в особенности о военных походах и сражениях <...>. Тонкое понимание человеческой натуры и в особенности духовной стороны ее в связи с необыкновенным даром слова позволяли ему исцелять душевные недуги, подмечать и указывать слабые стороны человека, угадывая иногда тайные намерения, что в связи с его образом жизни, умением общаться с больными, облегчить их страдания возвысили его в глазах простого народа и возбудили о нем впоследствии, как о великом угоднике Божьем, всевозможные толки далеко за пределами его местопребывания".

14

Sui generis (лат.) — своего рода.

15

Действующее лицо драмы Эсхила "Протей". Честным людям являлся водой, а дурным — мстителем.